

ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1946 ГОДА

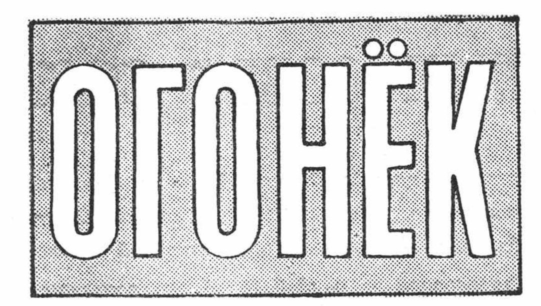

Куда пойти сегодня вечером!

Акварель Т. Ерёминой

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

24-й год издания

№ 6 (975)

Февраль 1946 года

ГОЛОС НАРОДА

Эти бюллетени были опущены в урны избирателями Сталинского избирательного округа города Москвы, где баллотировался в Верховный Совет СССР первый кандидат советского народа, великий вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин.

Голосуя за товарища Сталина, рабочие, служащие, учёные, студенты, домохозяйки посылали своему избраннику тёплые слова любви и привета.

Мысли и чувства, выраженные в коротких надписях, сделанных наспех, карандашом,— это мысли и чувства всех советских людей, которые избирали Верховный орган власти.

«Я считаю, что избирательная кампания есть суд избирателей над коммунистической партией, как над партией правящей. Результаты же выборов будут означать приговор избирателей».

Так говорил вождь советского народа в своей исторической речи на предвыборном собрании.

Советский народ устами ста миллионов избирателей голосовал за политику партии, за Сталина, за сталинских соратников, учеников и воспитанников, за передовых людей нашей Родины.

Великая любовь к товарищу Сталину, продемонстрированная в день всенародного праздника 10 февраля, — свидетельство беспредельной любви к коммунистической партии.

Нерушимое единство советских людей — верный залог того, что величественнейшие перспективы нового могучего подъёма народного хозяйства и дальнейшего расцвета науки и культуры нашего государства, начертанные товарищем Сталиным в своей исторической речи, будут по-сталински осуществлены во имя счастья народов.

ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Величественно и торжественно прошёл день выборов в Верховный Совет СССР. 99,7 процента зарегистрированных избирателей приняли участие в голосовании. По сообщению Центральной избирательной комиссии, из 101 717 686 избирателей голосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных 101 450 936 избирателей.

Монолитен многонациональный Советский Союз! За нашими депутатами, за Верховным Советом — сплочённый стомиллионный народ, и голос его, прозвучавший 10 февраля, — демонстрация нашей силы, залог новых побед, к которым мы уверенно и твёрдо идём под водительством великого Сталина.

В Сталинском избирательном округе Москвы. Герой Советского Союза А. Михин голосует за первого кандидата страны — товарища Сталина.

Ленинград. Голосуют участники Отечественной войны Герой Советского Союза А. Забояркин (в центре), В. Морозов и Н. Никашин.

Фото Л. Бернштейна, Е. Бычевского, О. Кнорринга, А. Кудинова, М. Савина, С. Фридлянда, Б. Цейтлина, С. Шингарёва и корреспондента ТАСС Е. Евзерихина.

Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник.

Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов опускает избирательные бюллетени.

Председатель Союза советских писателей Н. С. Тихонов на избирательном участке.

Впервые голосует слушатель Военно-воздушной академии имени Жуковского Игорь Чкалов.

С весёлыми песнями, со стягами и знамёнами, празднично одетые колхозники сельхозартели имени Кирова едут на избирательный участок (Бабынинский сельсовет, Калужской области).

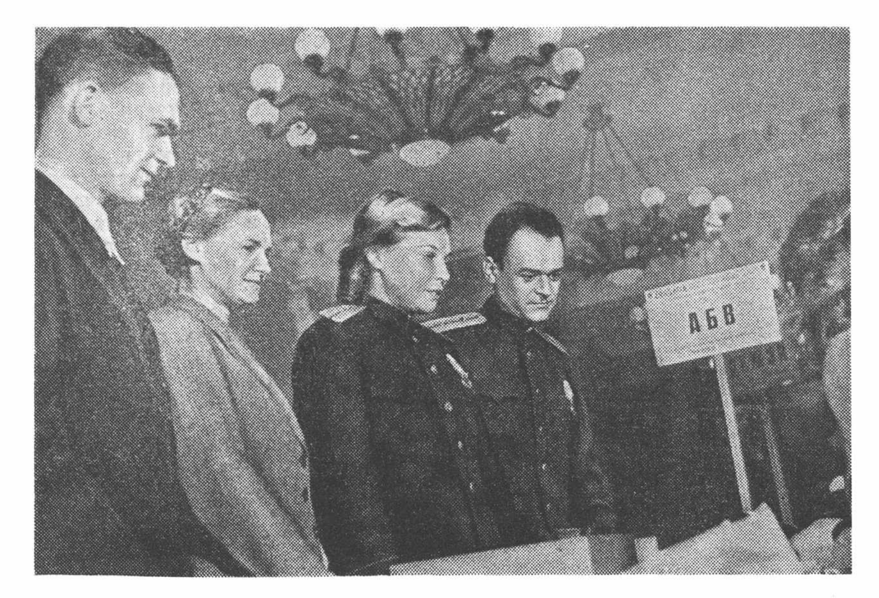
Слева: старейшая избирательница Сокольнического избирательного округа Москвы А. К. Жаворонкова. Она родилась 105 лет назад, в 1841 году. Справа: мать-героиня А. М. Горбачёва голосует за товарища Молотова.

Голосует Е. И. Семёнова, родившая сына в канун выборов, в ночь на 10 февраля 1946 года.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий опускает избирательные бюллетени.

Семья Волхонских в день выборов. На избирательном участке получают бюллетени (справа налево): инженер Анатолий Васильевич Волхонский, его жена инженер-лейтенант Галина Алексеевна, инженер-картограф Екатерина Сергеевна Волхонская и её муж инженер-картограф Михаил Васильевич Волхонский. Вечером члены семьи собрались за чаем и делились впечатлениями этого торжественного дня. Глава семьи пенсионер Василий Дмитриевич Волхонский (четвёртый справа), его жена Агафья Михайловна (крайняя справа).

Подсчёт голосов. После 12 часов ночи члены участковой избирательной комиссии № 5 Ленинского избирательного округа Москвы вскрыли урны (слева) и приступили к сортировке, проверке и подсчёту избирательных бюллетеней (справа).

ПИСАТЕЛЬ—АКАДЕМИК—ДЕПУТАТ

Фото А. Соколенко

Молодая советская литература в лице лучших своих представителей пользуется неизменной любовью народа. Высокое доверие трудящихся к литературе ярко выражено в том факте, что среди депутатов Верховного Совета СССР, избранных всенародным голосованием 10 февраля, мы насчитываем двадцать семь писателей, представляющих братские литературы Советского Союза.

Любимый советским народом писатель, всемирноизвестный автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины» Михаил Александрович Шолохов, лауреат Сталинской премии и действительный член Академии наук СССР, ныне вторично избран земляками-донцами депутатом Верховного Совета СССР.

М. А. Шолохов живёт в станице Вешенской, на среднем Дону, в тех местах, где развёртывалось действие его замечательных романов, среди живых героев своих книг. Большой писатель, страшно требовательный к каждому слову, выходящему из-под его пера, М. А. Шолохов в родных местах уважаем и любим как неутомимый станичный активист, участник всей общественной жизни своего района и области. Двери его дома широко раскрыты для станичников, приходящих к своему знатному земляку-депутату со всеми житейскими делами. Станичники видят своего депутата и на собраниях колхозников, и на районных слётах, и в станичном совете, и в районном комитете партии. Шолохов живёт так, как должен жить каждый советский писатель, желающий быть правдивым летописцем жизни родного народа. Оттого так жизненно убедительны, правдивы и глубоки созданные им образы.

Наш фотокорреспондент снял М. А. Шолохова на родине в Вешках, в дни, предшествовавшие выборам в Верховный Совет СССР, когда станица жила радостным ожиданием предстоящих выборов и когда в доме писателя-академика не переводились дорогие гости — будущие избиратели, пришедшие побеседовать со своим кандидатом по государственным и станичным делам.

Михаил Александрович Шолохов с дочкой Марусей и сыном Михаилом.
На нижнем снимке: дом писателя Шолохова в станице Вешенской.
На снимке справа: М. А. Шолохов за работой.

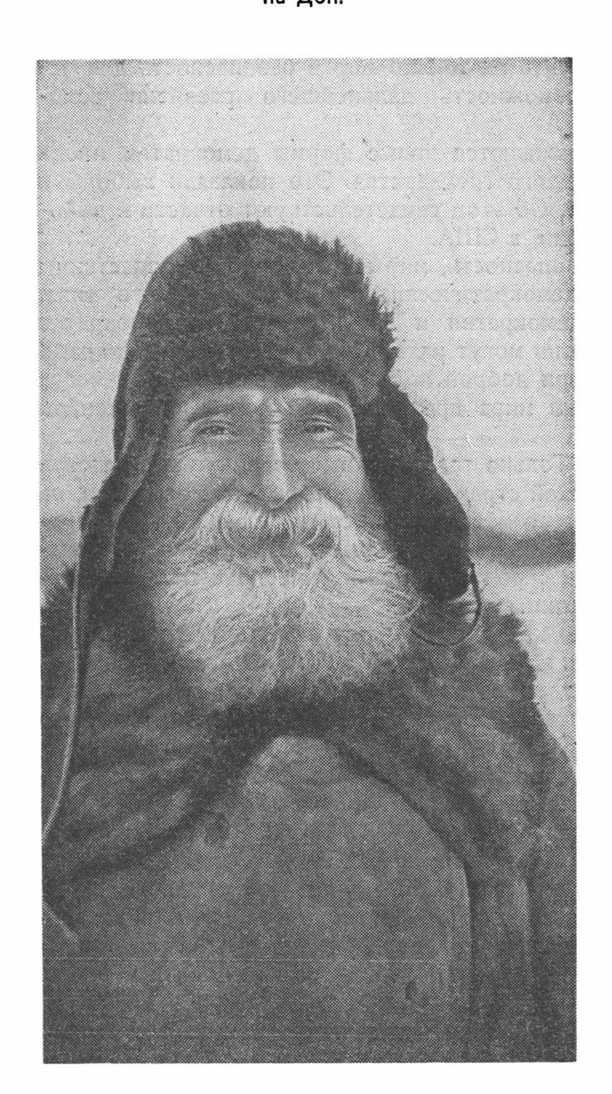
На лёд замёрзшего Дона опустился самолёт с избирательной литературой.

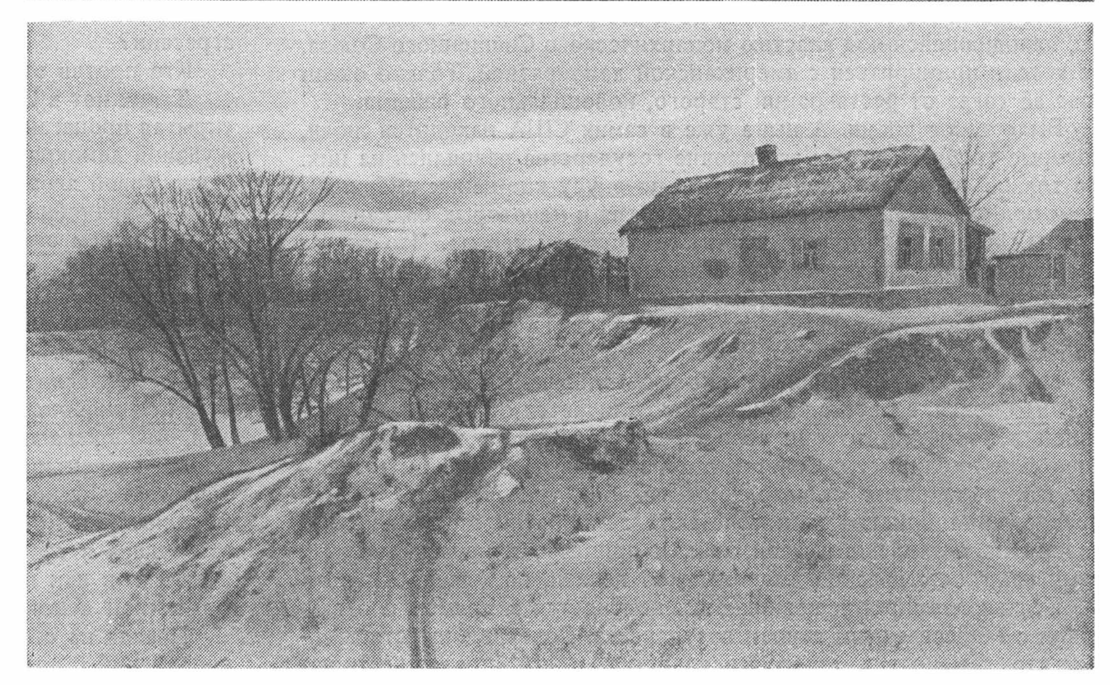
На снимке справа: М. А. Шолохов беседует со своими избирателями.

Внизу, слева: 73-летний колхозник Т. И. Воробьёв, о котором М. А. Шолохов говорит, что он «под Щукаря работает» (дед Щукарь — один из героев романа Шолохова «Поднятая целина»).

Внизу, справа: вечер в станице Вешенской. Вид на Дон.

ДЕМОКРАТИЯ СОЦИАЛИЗМА

Д. Заславский

В старинной сказке говорится, что стареющая красавица-царица допытывалась у волшебного зеркальца, есть ли кто на свете краше её. Зеркало правдиво докладывало, что молодая царица краше. Злая царица пыталась разбить зеркало — оно не разбилось. Злая царица пыталась извести молодую красавицу — ничего не вышло. Победа осталась за молодостью, красотой и правдой.

Стареющая буржуазная демократия точно так же пытается уверить себя и других, что только она и есть на свете. Но правдивое зеркало истории неумолимо докладывает, что есть молодая советская демократия и она краше. Попытка разбить зеркало истории безнадёжна. Попытка извести советскую демократию оканчивалась неизменно крахом. Победа за молодостью, морально-политической красотой, исторической правдой.

Состязание между стареющей буржуазной демократией и молодой советской закономерно.

Спросите любого гражданина, что такое демократия, и он скажет: это такое государство, в котором власть принадлежит народу, его большинству.

Британская империя имеет население в 563 миллиона человек. Большинство составляют народы Индии — 389 миллионов. Незначительное меньшинство — население Британских островов — англичане. Их всего 40 миллионов с небольшим. Однако, как известно, управляет всей Британской империей, всеми её богатствами, незначительное меньшинство англичан. Столица Британской империи — Лондон. А демократия, по самому смыслу слова, требовала бы, чтобы столицей Британской империи был, скажем, город Дели, а в Лондоне имел своё пребывание вице-король.

Несомненно, Англия имеет некоторое право именовать себя демократией, но это очень ограниченная демократия. Признаться, выглядит весьма смешно, когда иные представители этой весьма состарившейся красавицы принимают вид строгих судей молодой советской демократии. Советский Союз — государство многонациональное. Самая многочисленная нация — русская. Однако все народы СССР равноправны и совместно управляют своей страной. Это и есть подлинная демократия, ибо в нашей стране власть принадлежит всему народу.

Буржуазная демократия очень стара. Советская — молода. Зачем же молодости идти на поводу того, что отживает свой век?

Буржуазная демократия никогда не была властью большинства. Она была и остаётся властью буржуазного меньшинства. Советская демократия — это власть всего народа.

Борьба между старым и новым — явление не новое. Было время, когда Англия не хотела признать США государством. Забыты те ядовитые памфлеты, которые во множестве выходили в свет в Англии, когда молодая буржуазная демократия в США делала свои первые шаги. Не только Англия, но и все реакционные силы Европы, находившейся под властью монархического Священного Союза, не хотели примириться с американской демократией. Только океан спас её тогда от реставрации старого, колониального режима.

Было такое время. А ныне уже в самих США находятся люди, которые требуют, чтобы все прочие государства равнялись на них. Не только советская демократия не по вкусу кое-каким американским политикам, но и молодая демократия в некоторых балканских странах, где власть принадлежит большинству народа. Что сказал бы Георг Вашингтон о столь странных претензиях! Он стоял за право молодого демократического государства развиваться по своей собственной воле. Он не дал запугать себя угрозами реакционной монархической Европы.

Когда некоторые американские и английские публицисты говорят, что новая, советская демократия отличается от старой, буржуазной демократии, то они совершенно правы. Это же говорят и советские публицисты. Советская демократия не может быть такой же, как демократия старого, буржуазного типа. Нелепы всякие предложения приставить к советской демократии монархическую голову на английский фасон, или, к примеру, привесить лживый язык капиталистической американской печати, на фасон США.

Всякая демократия возникает и изменяется в прямом соответствии с общественным строем государства. Совершенно естественно, что демократия такого государства, в котором существуют различные классы, враждующие между собой, вкорне отличается от демократии такого государства, в котором нет таких классов. Кто, однако, решится сказать такую глупость, что отсутствие помещиков и капиталистов мешает стать государству демократическим? Всякий человек, не лишённый здравого смысла, скажет, что, напротив, именно капиталисты и помещики мешают многим государствам стать подлинной демократией!

Но если есть и должны быть глубокие отличия у советской демократии от старой, буржуазной, то у народов буржуазно-демократических стран и у народов СССР есть и общее. Это неопровержимо показала только что закончившаяся война.

Германский фашизм, открытый и злейший враг народов, объявил истребительную войну всякой демократии, как старой, так и новой. Гитлеровцы объявили подлежащим искоренению всё, что было создано европейскими и американским народами на протяжении двух столетий. Они предали проклятию Маркса и Энгельса точно так же, как Вольтера и Дарвина.

Защищая своё государство, советскую демократию, Красная Армия взяла под свою защиту права всех народов. Советский народ с глубоким уважением относится к тем великим мыслителям и деятелям, которые создавали американскую и европейскую демократию, передовую для своего времени. Этому уважению к великим буржуазным демократам учил нас Ленин. Мы знаем и ценим Георга Вашингтона, Авраама Линкольна, Гарибальди и многих других, которые вели народы Европы и Америки по пути свободы. Мы очень жалеем о том, что многие потомки там непохожи на своих предков. Мы иногда тщетно разыскиваем среди морщин состарившейся буржуазной демократии черты её привлекательной юности.

Но вот возникла опасность для всех. И мир увидел сторонников старой и сторонников новой демократии в рядах борцов против фашизма.

Гитлеровская Германия разгромлена, но опасность для демократии ещё не устранена. Нужно единство действия свободолюбивых народов, чтобы обеспечить не только мир и безопасность для человечества, но и возможность дальнейшего развития демократии.

Мы видим, как зарождаются новые формы демократии и она выходит за пределы одного государства. Это показали выборы в Югославии, в Болгарии. Об этом свидетельствуют отчасти и выборы во Франции, в Англии, в США.

Международная безопасность, мир в наше время осуществимы лишь при единении демократических государств разного типа. Старая, буржуазная демократия и новая, советская демократия показали, что в войне они могут идти вместе против общего врага. Кто же поверит, что при доброй воле правительств они не могут идти вместе и во время мира против всякой новой реакционной агрессии?

Кто против этого? Только те, кто замышляет новую агрессию.

Таких нет в Советской стране, где невозможна ни открытая, ни скрытая пропаганда агрессии. Но такие есть в странах старой, буржуазной демократии, где ведётся и открытая, разнузданная пропаганда новой агрессии и скрытая агитация, имеющая целые расколоть Объединённые нации.

Мы видим странную картину. Заведомые реакционеры, известные профашисты, враги всякой демократии занимаются «проверкой паспорта» советской демократии: да принадлежит ли советское государство к демократическому лагерю? Да имеет ли оно право именоваться демократией?

Но уж если кто имеет право на проверку подобного рода, то это, несомненно, советское государство. Оно завоевало это право тем, что оказалось самой решительной, самой большой силой в борьбе за демократию. Советскому народу в первую очередь человечество обязано спасением вековой европейской и американской цивилизации. Во время войны и теперь, после войны, народы земного шара в своём подавляющем большинстве смотрят на Советский Союз как на надёжный оплот мира, независимости народов, подлинной демократии.

Правда на стороне молодости. На её стороне и сила. А сила в соединении с правдой — это победа.

ГЛАВНЫЕ ЧАСЫ ГОСУДАРСТВА

Зин. Давыдов

Фото Дм. Бальтерманц

I

Ночь плывёт над миром.

Из конца в конец великой страны перебегают по оврагам, по перелескам, по бесчисленным городам и сёлам шорохи, шелесты, вздохи.

И вдруг всё настораживается. 23 часа 59 минут. Влево—вправо, влево—вправо... Огромный маятник на кремлёвской башне отсекает куски времени и сбрасывает их вниз с высоты девятого этажа. Нет, это не просто качание маятника... Это великое сердце Родины гулко стучит в ожидании торжественной минуты. Мгновение! И даже сердце уже не стучит. Кремлёвские часы начинают вызванивать четверти. Главные часы государства выпускают из стрельчатых проёмов башни первую четверть. И тотчас, друг дружку обгоняя, летит следующая, и третья, и четвёртая... На запад, на восток, в полярную мглу и в бархатную негу тёплых морей. Какой державный звон! Рождённый в лоне кремлёвской башни, он летит по дорогам и без дороги, бьётся в бесчисленные репродукторы страны, и тогда мы видим её, единственную и несравненную, Спасскую башню единственного и несравненного Московского Кремля.

Была раньше на Спасских воротах латинская надпись, вещавшая, что Иоанн Васильевич, великий князь Владимирский, Московский и иных, всея Руси государь, в лето 30-е государствования своего повелел воздвигнуть башню, а поставил Пётр Антоний Соларий — миланец в лето 1491-е.

Подобно другим башням Кремля Спасская башня того времени была умеренной высоты; она лишена была многих украшений, подаренных ей позднее: она была просто суровой крепостной башней.

Государство в ту пору ещё только-только уставило твёрдую стопу на родную землю. Ему ещё предстояло сломить и татарский и литовский набеги. Кремль был крепостью прежде всего, и Спасская башня тоже была прежде всего крепостной башней. В таком виде Спасская башня, именовавшаяся тогда Фроловской, простояла 134 года, до исхода первой четверти XVII века.

В 1625 году, при царе Михаиле Фёдоровиче, шотландец Галовей надстраивает Спасскую башню и придаёт ей позднеготические черты, смягчённые в орнаментике лёгким дыханием новой эпохи. Всякий раз, проходя по Красной площади и заглядываясь на башню, мы различаем готические стрелы её архитектурных компонентов. Но дорические колонны наверху и вся элегантность украшений... Это Ренессанс цветёт на Спасской башне четвёртый век, не увядая.

Точно любимую женщину, наделил архитектор кремлёвскую башню ювелирными поясками из белого камня, раковинами, розетками, пирамидками, зубчиками. Он работал над своей башней, как над драгоценным кубком. И, словно боясь за своё сокровище, он приставил к башне, охранять её, каменных зверей.

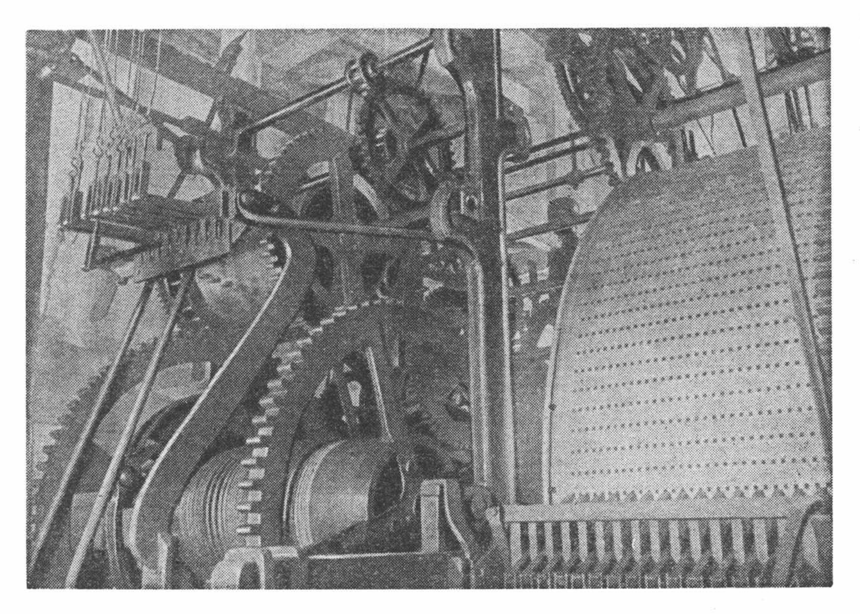
Нам знакомы эти звери на башнях. Они называются в архитектуре химерами, и мы можем видеть их в большом числе по выступам и нишам грандиозных сооружений средневековья. Однако химеры Спасской башни — это химеры особого порядка. Не змеи, не драконы, не саламандры, не василиски и аспиды, рождённые в европейскую ночь, караулят Спасскую башню. Медведь—совсем русский мишка — присел на задние лапы на одной из арочек седьмого этажа... Вон лев держит в передних лапах шар... Ещё какое-то четвероногое, пусть фантастическое, но вполне благожелательное, любезное сознанию и не смущающее сердца.

II

Перенесёмся же на мгновение в XVII век, на нашу Красную площадь. Взглянем на Спасскую башню с её золотым орликом, взлетевшим в голубое небо; с её лазоревым циферблатом, усеянным частыми звёздами; с жонглирующим шарами на одной из кровель зверьём—косолапыми медведями, готическими львами...

И вот бьют часы. Как и в наши дни, бой начинается с «перечасья», с вызванивания четвертей.

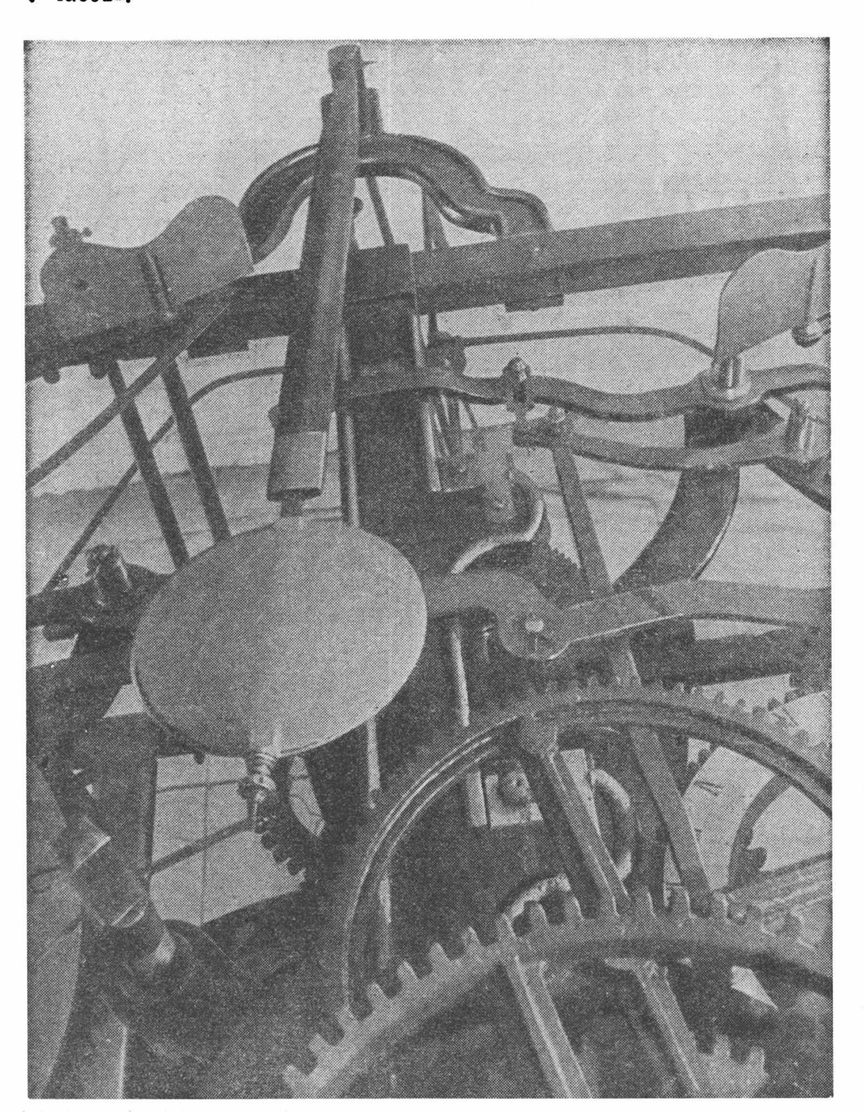
Часы били, шло время, проходили годы. Поколение за поколением сменялись на Спасской башне часовщики, все эти приставленные к государеву часовому делу Игнашки Яковлевы, Федьки Ивановы, Андреяны Даниловы да Гришки Алексеевы. Они и жили в самой башне, получали подённого корму, т. е. жалованья, ровно на гривенник в день, круглый год блюли на часах ход и звон и

Музыкальные механизмы кремлёвских часов.

гордо носили своё звание — Спасской башни часовщиков. При вступлении в должность они обязывались «у дела на Спасской башне в часовниках не пить и не бражничать, в кости и карты не играть и вином и табаком не торговать и воровским людям стану и приезду не держать и с воровскими людьми не знатца и часы водить со всяким опасением, без помешки».

Часы надо было, действительно, водить, а не только заводить. Стоит только взглянуть на сохранившееся изображение циферблата этих часов, чтобы убедиться, что это были совсем особенные часы, соответствовавшие старорусскому делению времени на часы дневные и ночные. Дневные часы начинались с первым солнечным лучом, ударявшим с востока в Спасскую башню. Когда же последний луч зари погасал на кремлёвских флюгерах, часовщик переводил часы на ночной счёт. Барон Мейерберг, один из посланников при царе Алексее Михайловиче, отмечает в своих записках, что «в летний солнечный поворот, когда бывают самые долгие дни, Спасские часы показывают и бьют до 17, и тогда ночь продолжается 7 часов».

Маятник кремлёвских часов.

Но кончался век, отходила в прошлое старая Русь, долгополая, длиннобородая, крестопоклонная. Не тишайший царь Алексей Михайлович тешил теперь свой слух колокольным звоном кремлёвских часов с их старозаветным делением времени на часы «дневные и нощные». Многошумный и беспокойный отпрыск «тишайшего» уже рыскал по Европам, приглядывался, примерялся, учился жадно и других учил, никого не щадя. Мы знаем, чем обязана Россия этим годам странствий великого реформатора. С решительностью, до того беспримерной, Петр сокрушил обветшавшие формы русской жизни и поставил крест на давно устаревшем неуклюжем счёте времени с часами дневными и нощными.

К Архангельскому городу, к корабельному пристанищу причалило однажды голландское судно, с которого грузчики стали сносить на берег огромные ящики с колёсами, гирями, колоколами. И потянулся через северные леса в далёкую Москву тяжело гружёный обоз с заморской кладью. Это было новое оснащение для Спасской башни, изготовленное в Голландии по заказу великого царя. Конечно, о часах дневных и нощных не могло быть теперь речи. Пробил час и для этих, староспасских часов.

На 30 подводах доставлены были на место новые амстердамские часы, с валом для курантов, с новым трёхцветным циферблатом — золотое, голубое и белое... И 9 декабря 1706 года с 9 часов утра перешла Русь на общепринятый в Европе счёт времени, а в 12 часов, в полдень, того же числа разнеслись по старомосковским вражкам причудливые звуки «танцы» — новой колокольной игры.

Теперешние часы с их сплошь чёрными циферблатами установлены на башне в 1852 году. С тех пор, в течение 65 лет, 25 «певчих» колоколов Спасской башни два раза в день славили господа в Сионе и дважды в день исполняли Преображенский марш. Началось это с Николая Первого и кончилось с Николаем Последним.

1917 год, дыша грозой и бурей восстания, толчками и взрывами мчался по стране, и каждый день его календаря вмещал в себе события полувека.

«Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног...»

Толпы восставшего народа выносят нас на Красную площадь, на древний форум народной России. Митинг... Оратор за оратором. Вся власть Советам!

Но вот берёт слово Спасская башня. Что-то скажет старая? Ведь видела ж она и Разина, и Пугачёва, и медный бунт, и стрелецкий мятеж, и бомбу Каляева, разнёсшую в клочки московского сатрапа... Но башня, может быть, просто забыла, сколько ей лет и какой нынче век.

— Коль славен наш господь в Сионе, — начинает она заунывно, явно заблудившись в веках.

Нет, башня, не так... Долой оратора! Хочешь петь — славь теперь другого героя.

И башня умолкла. В октябрьские дни 1917 года четыре орудийных снаряда угодили в часы. Циферблат, выходящий на Красную площадь, был разбит вдребезги. Части единственного в своём роде механизма оказались: одни — измятыми, другие — перекolоченными.

III

— В Кремле теперь часы не бьют, — печалится в известной пьесе Николая Погодина старый инженер Забелин. — Испортились главные часы государства. Молчат кремлёвские куранты.

Конечно, Спасская башня — это символ, и её немотой был опечален больше всех Владимир Ильич Ленин.

После переезда советского правительства в Москву в марте 1918 года Владимир Ильич не раз с Красной площади поглядывал на то место, где раньше щеголевато чернел с давних пор знакомый циферблат. Увы, даже часовая стрелка была перебита снарядом, и остались от циферблата только две цифры: XI и XII.

Стали искать часовщика, механика, инженера, кто исправил бы часы столь необычайных размеров и наладил по-новому колокольную игру. Часы вызвался починить старый слесарь кремлёвских мастерских Беренс. Впрочем, это был не просто слесарь, а слесарь-часовщик и сын часовщика, когда-то работавшего на Спасской башне. Под руководством Беренса и был выкован новый маятник, спаяна сломанная стрелка, исправлены валы и шестерни, натянуты для гирь канаты. Что же до курантов, то ими занялся художник и притом музыкант — Михаил Черемных. Он изучил механику кремлёвского клокшпиля, разобрался в колоколах, по-другому расставил на медном валу механических звонарей — колки, задевающие за идущие к колоколам железные прутья. И в октябре 1918 года Владимир Ильич услышал, как первые часы государства трудящихся послали в мировое пространство торжественные звуки призыва к борьбе и надежды на обновление:

«Это есть наш последний и решительный бой...»

В Кремле в это время ещё не убраны были части переносных лесов, доски и кирпич, — всё, что было заготовлено для реставрационных работ. В дни октябрьских боёв Кремль получил немало ран; особенно пострадал верх угловой, Беклемишевской башни, что против Москворецкого моста; ближайший год прошёл в восстановительной суете. Ленин хотел, чтобы всё было «в прежнем виде».

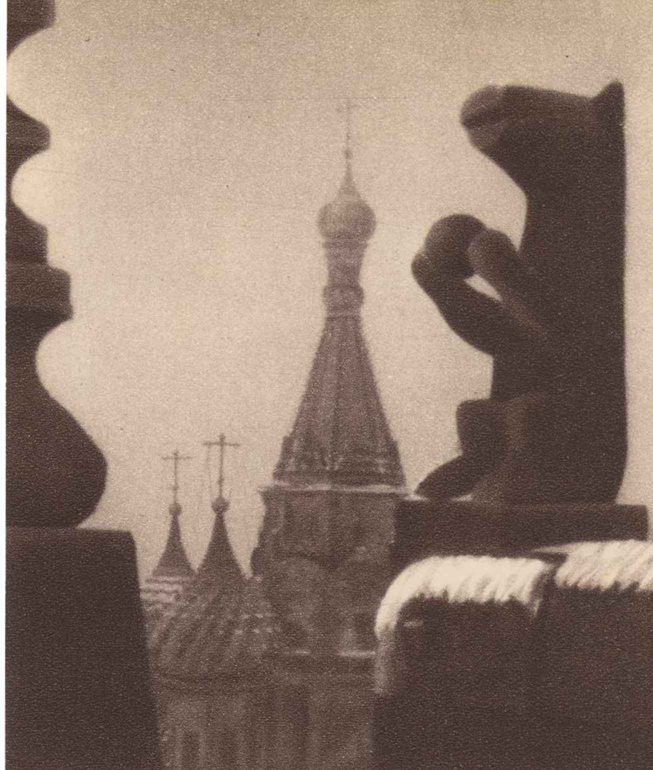
— Восстанавливайте всё, как было, — наказывал он архитектору. — Делайте прочно и хорошо.

Настало время, когда все башни были исправлены, все раны в Кремле залечены. На куполе Совнаркома реял красный флаг Советской державы. Каждые 15 минут колокола национальных часов исполняли положенную интродукцию. В своём кабинете, один, при рабочей лампе, Ленин отрывался на минуту от исписанного листа бумаги... «Самозвонно и самодвижно», как и встарь, часы на главной башне государства били полночь.

Слева — циферблат часов Спасской башни; вверху
памятник Минину и Пожарскому (снимок сделан
Спасской башни); внизу — колокола курантов. Вдали
ансамбль кремлевских храмов.

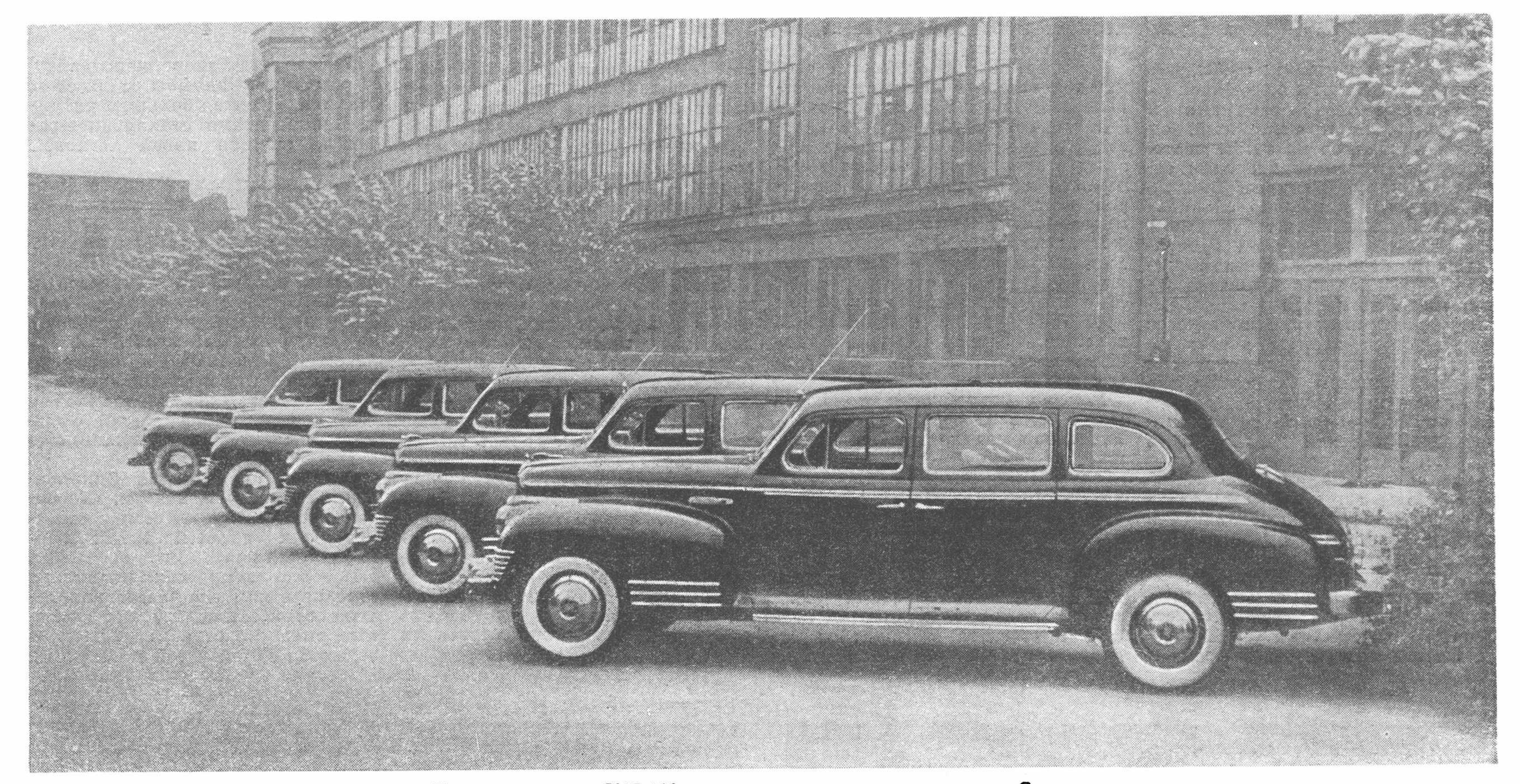

Слева — вид на Красную площадь (в сторону Никольских ворот) с одного из ярусов Спасской башни. Справа — каменные скульптурные украшения Спасской башни — химеры (медведь и львы)

Фото Дм. Бальтерманц.

Первые машины «ЗИС-110», выпущенные автозаводом имени Сталина.

„ЗИС-110"

А. Эрлих

Фото С. Коршунова.

1

Звукосочетание «ЗИС-110» возникло впервые зимой 1942 года. Столичный автомобильный завод имени Сталина эвакуировался тогда на восток. Потоки заводов, сдвинутых с места, уносились на Урал, в Поволжье, в Казахстан, в Сибирь. А навстречу им — с востока на запад — шли тысячи теплушек с войсками и неисчислимые поезда, густо камуфлированные еловыми ветвями, из-за которых выглядывали то жерла орудий, то гусеницы танков, то мощные колёса грузовиков. Страна напрягалась в чудовищной борьбе. Но уже тогда в одну из зимних ночей 1942 года инженер А. Н. Островцов был неожиданно вызван в Наркомат среднего машиностроения. Здесь, в затемнённом кабинете, нарком передал инженеру правительственное задание, идущее от Сталина: приступить к проектированию новой, семиместной легковой машины.

Вскоре после этого директор завода имени Сталина И. А. Лихачёв обстоятельно беседовал с инженером Островцовым.

— Никто не может знать, когда война окончится, Андрей Николаевич...— директор ближе склонился к инженеру и передал ему своими словами смысл сталинского задания: — Когда бы ни окончилась война, в год победы мы выпустим машину, она должна служить показателем высокого уровня советской техники. Вы, Андрей Николаевич, возглавите конструкторское бюро по легковой машине.

— Благодарю за доверие... — несколько смущённо сказал инженер, поглядывая на большую карту, где линия фронта, змеясь, охватывала Ленинград, подступала к Москве, отрезала всю Украину. — Но наши конструкторы разъехались, кто куда... Не знаю, где искать их...

— Поезжайте в Свердловск. Вы найдёте там всех, кто может вам понадобиться. Так это будет «ЗИС-110»? — улыбаясь, спросил директор и, протянув на прощанье руку, сказал: — Желаю успеха!

2

Каждому новому шагу в технике, естественно, предшествует кропотливое изучение ранее созданных образцов.

Пока собирались к Островцову из разных концов страны немногочисленные кадры конструкторов, воспитанных заводом имени Сталина, особая исследовательская группа под руководством инженера Р. В. Кугеля подбирала статистические материалы и производила всесторонние расчёты. Прославленные машины самых дорогих марок Европы и Америки тщательно изучались. Много труда в создание машины вложили инженеры: Ассонов, Герман, Халфин, Гольдберг, Осипов, Городецкий, Ежиков, Степашкин, Розинер и Селифонов.

В 1943 году уже полностью развернулись проектные работы по шасси и кузову, по двигателю и электрооборудованию. Рассчитать будущую машину таким образом, чтобы она превзошла последние выпуски лучших заводов мира,— значило не только изобрести лучшие формы связи между узлами или ввести принципиальные и совершенные новшества в управлении агрегатами, но подобрать также более крепкие, более прочные материалы, технологически разработать особые марки стали. «ЗИС-110» постепенно вбирала в себя всё многообразие новаторских поисков и решений.

Известно, что завод имени Сталина вывезен был из Москвы на Урал. На новом месте быстро развёртывалось серийное производство автомобилей. Но и в Москве пустующие пролёты цехов также быстро заполнялись оборудованием. Один автомобильный гигант превратился в два одинаково могучих предприятия. И вот уже в столице попрежнему выпускались тысячи давно освоенных грузовых машин, новые гусеничные вездеходы. Из цехов ежедневно уходили на фронт эшелоны со специальной боевой продукцией. Одновременно завод имени Сталина приступил к освоению новой легковой машины.

Вначале конструкторы создали несколько вариантов деревянной модели «ЗИС-110» в одну седьмую будущей натуры. На моделях окончательно установили форму кузова, крыльев, капота, увязали габариты кузова с конструкцией шасси и всех агрегатов, определили внутреннее декоративное оформление — и тогда появилась, наконец, первая модель машины в натуральную величину.

Теоретически машина высшего

класса — «ЗИС-110» — была уже создана.

Конструктор машины Андрей Николаевич Островцов казался до этих дней человеком сдержанным. Неторопливый и спокойный, он всегда находился на своём месте, за столом в конструкторском отделе. И вдруг он преобразился. Из оседлого, привычно склонённого над расчётными таблицами и чертежами инженера он превратился в беспокойного кочевника — перебирался с завода на завод, ездил из города в город: десятки различных предприятий в стране были заняты изготовлением материалов и деталей для будущей машины. Островцов сам следил за всеми заготовительными цехами, наблюдал за механической обработкой деталей и за сборкой узлов, не оставлял он в покое и многочисленные смежные заводы, где отливалась сталь для машины или осваивались приборы электрооборудования.

3

Фашистская Германия капитулировала — и два месяца спустя первые экземпляры «ЗИС-110» уже были выпущены в пробные испытательные пробеги на подмосковные автострады.

По прочности и стойкости своих конструкций наш семиместный лимузин не уступает зарубежным соперникам своего класса. Его электрооборудование, богатство орнамента, комфорт внутреннего обслуживания пассажиров оставляют позади машины многих иностранных марок.

Машина «ЗИС-110» как будто лишена подножек — их обнаруживаешь, только открыв дверцу. И тогда же перед пассажиром предстанут замша, кожа, мягкий, толстый, бархатоподобный настил, цветная, хорошо подобранная пластмасса.

Многие подробности комфорта могут быть не сразу замечены — настолько мал конусок, приводящий в действие электро-гидравлическую систему стеклоподъёмника. Достаточно нажать на этот конусообразный рычажок — и стекло опустится или поднимется по вашему желанию. Стеклоподъёмник — первый шаг на пути к электроуправлению всеми агрегатами автомобиля: принцип найден, и открыта перспектива будущей всесторонней автоматики.

Фары впаяны во внутрь крыльев, и свет их поддаётся дополнительному регулированию: не меняя движения машины, шофер может направлять потоки лучей влево, вправо, вверх и вниз.

Звуковой сигнал на новом «зисе» подобен музыкальному аккорду — трёхтональный звук сирены обладает не только значительной силой, но также и приятной, ласкающей слух мелодичностью.

Новые машины испытываются в пробегах. Главный конструктор часто совершает далёкие опытные поездки. Он внимательно прислушивается к ходу машины, настороженно следит за действием всех агрегатов, ревниво отмечает малейшие, едва уловимые звуки в движении. Теперь можно убедиться, что недавние беспокойные метания А. Н. Островцова с завода на завод были необходимым выражением всё той же дальновидной, методически собранной творческой воли конструктора: только поэтому он может во время испытаний легко определять истинные причины дефектов и безошибочно устанавливать их источники.

4

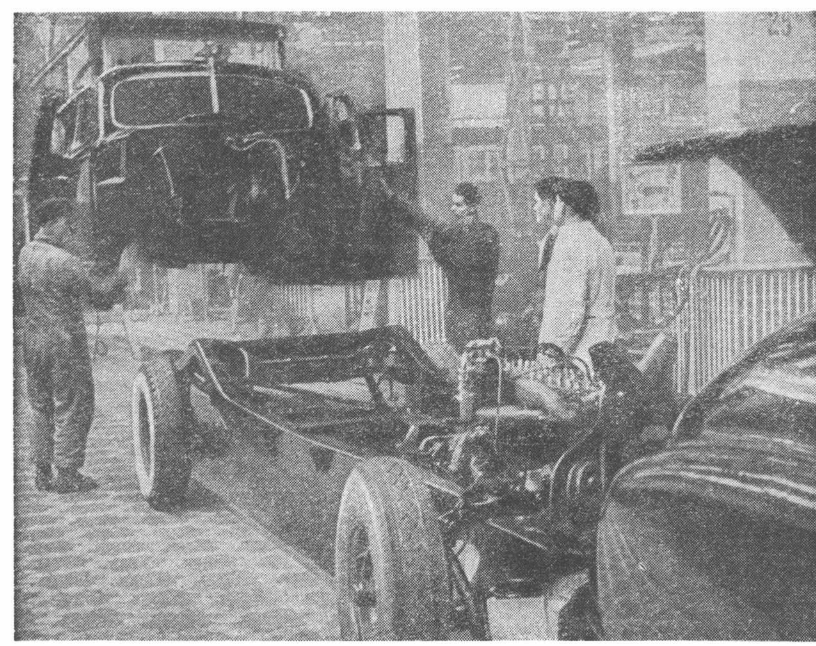
На заводском дворе, неподалёку от цветочной клумбы с бюстом Сталина, высится большая витрина с портретами стахановцев-рабочих, творцов новой легковой машины.

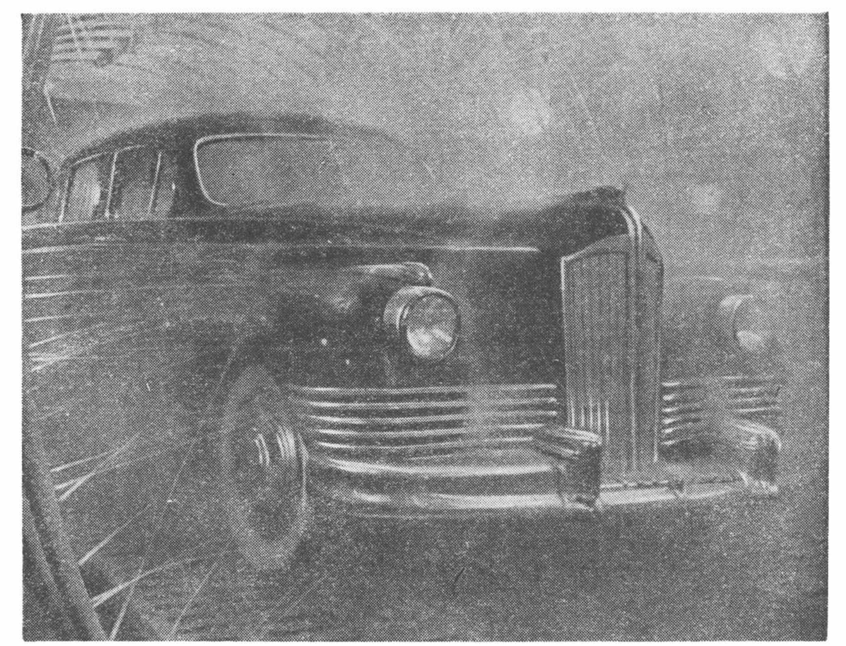
Здесь мы увидим Василия Ивановича Потапова, жестянщика из кузовного цеха.

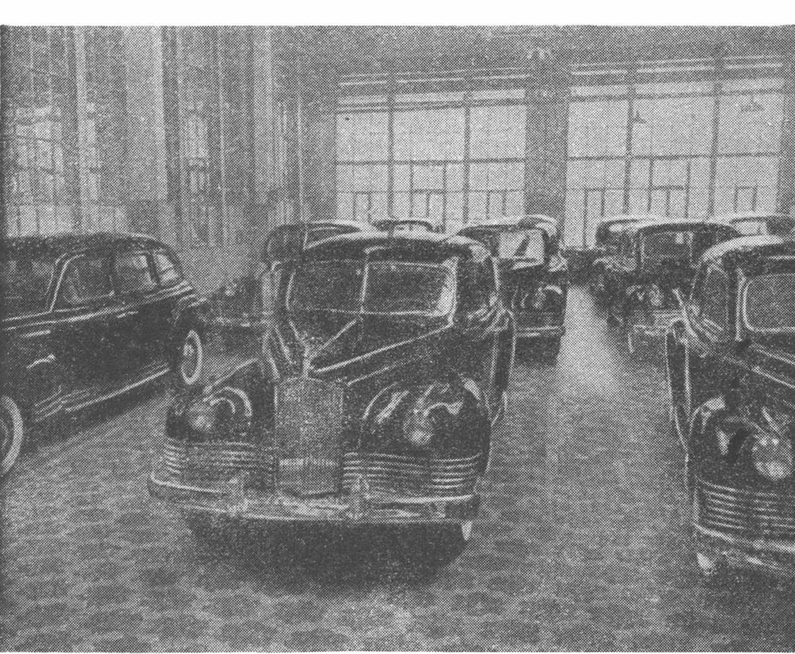
Первые ручные работы над кузовом «ЗИС-110» производил он — работы, требующие искусства и терпения. Листам железа надо было придавать искомую форму по деревянным болванкам и потом при доделке и накладке воевать за миллиметры. Василий Иванович отлично справлялся с этим делом, вооружённый обыкновенным молотком, ножницами и сварочным аппаратом.

Есть тут и Николай Спиридонович Чеботарёв, токарь, обрабатывающий одну из самых ответственных деталей машины — карданный вал.

Подобно тому как магнитная стрелка в компасе всегда направлена остриём к северу, так душевные силы Чеботарёва неизменно отдаются одной и той же страсти:

Вверху, слева: вид сборочного цеха. Здесь изумительная чистота. Рабочие, соприкасающиеся с деталями, агрегатами, с кузовом машины, одеты в специальные халаты. Справа: проверка машины на водонепроницаемость. Машину вкатывают в дождевальную камеру. Тысячи водяных струй большого давления со всех сторон омывают кузов, капот мотора. После такого душа машина должна выйти, как говорится, сухой из воды. Ни одна капля не должна пробиться ни во внутрь кузова, ни на мотор. На снимках внизу: слева — внутризаводской магазин готовых автомобилей; справа — конструктор машины «ЗИС-110» А. Н. Островцов.

Внутренний вид машины. Удобные сиденья отделаны сукном из чистой мериносовой шерсти.

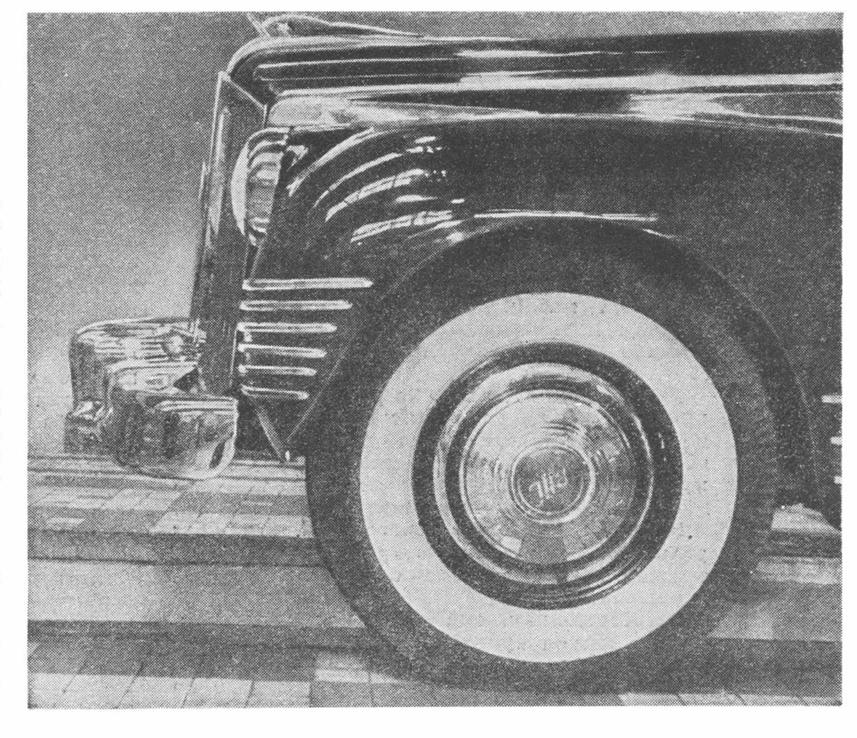
только услышит он, что затевается освоение какой-нибудь новой машины, тотчас стремится к непременному участию в нём; строил он и грузовую машину, и «ЗИС-101», и «ЗИС-42», известный под именем «вездехода», и теперь строит «ЗИС-110».

Находим мы на почётной витрине портрет Анатолия Алексеевича Чернышёва, инженера инструментального цеха, создателя многочисленных сложных приспособлений для всех станков, обрабатывающих детали легковой машины.

В жизни он кажется суровым, даже угрюмым. Напрасно допытываться у него, что он сконструировал в далёком прошлом, какую новинку придумал в последнее время.

«Ничего интересного,— ответит он, — обыкновенно. Работаю день за днём, год за годом... Как все». Но стоит коснуться будущих его планов, и у него меняются глаза за стёклами очков, мгновенно оживляясь, теплея. «Что было, то прошло, как говорится,— скажет он.— Прошлое — что!.. Вчерашний день. Ничего интересного. А вот будущее!..» И он с увлечением расскажет об оптико-механических машинах, над которыми работает теперь, об измерительных машинах с точностью до одного микрона, совершенно необходимых для производства поршневых пальцев или гидротолкателя...

Иван Тимофеевич Сахаров, артист по литейному делу, 23 года

Передняя часть машины. Белая боковина покрышки, прекрасно отделанный щиток радиатора, хромированный бампер (буфер) придают машине особенно нарядный вид.

совершенствуется в искусстве литья на заводе имени Сталина.

Для контроля в литье ещё не существует никаких аппаратов. А точность здесь необходима не меньше, чем на механической обработке. Как быть литейщику, чтоб не ошибиться, не загнать металл в брак? Другого выхода нет, как устанавливать миллиметрические грани наощупь, одним лишь проникновенным, артистическим осязанием. Сахаров в совершенстве владеет такого рода чутьём.

Анна Ивановна Кузнецова обрабатывает в цехе нормалей мелкие детали легковой машины. А ещё несколько лет назад она была домашней работницей, нянькой, уборщицей.

Инструментальщика Проничева никто не зовёт по имени-отчеству: Вася Проничев — и всё.

Он уже не так юн, одиннадцатый год работает на заводе, опытный слесарь-инструментальщик, руководитель комсомольско-молодёжной бригады. Может быть, завтра, или через месяц, или через полгода переступит он незримую черту в жизни, за которой сразу начнутся зрелость и мужество. А пока он — Вася Проничев, со всеми повадками неизжитой юности, — озорные огоньки вспыхивают и прячутся в светлых его глазах, и, разговаривая, он с мальчишеской лихостью ворочает на все лады кепку на голове. «Делаем прессформы, — говорит он, сдвинув кепку козырьком на ухо,— самые ответственные прессформы делаем для облицовки радиоприёмника, для патрубка карбюратора, для штурвала...»

В витрине стахановцев освоения новой легковой машины можно видеть портреты лучших из лучших мастеров своего дела — они представительствуют здесь от тысяч своих товарищей, действующих во всех цехах огромного завода во славу и честь советского автомобилестроения.

ИСМАИЛ И ЩАРИФЕТ

Аскер Евтых

Рассказ

Рисунки А. Шульца

1

Он рос сиротой, не слышал сурового и вместе с тем ласкового и мудрого отцовского слова, не слышал и тёплой воркотни матери, потому и говорили, что он, Гутэ Исмаил, вырос вопреки судьбе, возмужал и стал на собственные ноги силой какого-то непонятного упорства.

Мир не без добрых людей, и эти добрые люди, хотя и не рассчитывали, что их заботы приведут к хорошему, всё же помогали сироте, не потому, что надеялись увидеть его возмужавшим, а скорее всего по причине, свойственной простым людям: видя бедного, они болеют за него душой, а помощь бедному кажется лучшим лекарством. Те женщины, которые не хотели видеть родного сына в бедности, в какой пребывал Исмаил, стирали ему; те, которые не имели счастья родить сына, говорили ему несколько ласковых слов; третьи, из тех тружениц, которые ни о чём другом не думают, кроме работы, а потому в конце концов свыкаются с мыслью, что их удел в жизни — труд и труд, наспех зашивали дыры на платье Исмаила, и латки, как и его горести, беды и неудачи, ложились толстым, крепким слоем.

Когда Исмаилу исполнилось столько лет, что он стал понимать жизнь и отношения между людьми, он с ожесточением взялся за работу, выучился немного читать и писать, а когда стал уже совсем взрослым, вступил в колхоз своего аула, достиг, как ему казалось, вершины своего могущества: его признали человеком, имеющим такие же права, как и все другие, такую же надежду на будущее, какую лелеяли в себе и другие.

Он решил построить себе дом. Работая в ненастные дни или по ночам, Исмаил сам, хотя это считалось и не мужским делом, обмазал стены своего жилья. Исмаилу не нравилось это занятие, и он охотно уступил бы его женщине, но он не был женат.

Дом Исмаил разделил на три комнаты; в одну из них поставил самодельную деревянную койку, покрыл эту комнату временной крышей и перезимовал. С весны он снова приступил к работе, а к осени отстроил весь дом. Не желая ходить по воду к соседям, вырыл колодец и на русский манер поставил над ним грибок, чтобы ветер не засорял воду.

В ауле были вдовушки, среди них встречались неплохие, — во всяком случае, каждая считала, что имела мужа куда лучше, чем этот трудолюбивый нелюдим... Однако на одной такой гордости не проживёшь, и вдовушки дали понять молодому человеку, что они, пожалуй, не возражали бы начать переговоры... Разумеется, каждая шла в разведку скрытно от других соперниц, и каждая манила к себе Исмаила не одной лишь своей любовью: все они жили хорошо, имели постройки, скот и птицу, и спал бы Исмаил не на деревянном топчане.

Некоторые жители аула прямо или намёком давали понять молодому человеку, что если бы в его доме жила женщина, то ему было бы гораздо лучше. Эти люди не только на словах желали добра Исмаилу, но и предлагали свои услуги, говорили, что если мужская честь не позволяет ему жениться на вдове, то они готовы найти для него девушку. Однако на все такие предложения Исмаил отвечал ничего не значащей улыбкой и определённо о своих планах не говорил.

Так ему стало тридцать лет. Говорят, это самый прекрасный возраст для мужчины. В то время в одном из бжедухских аулов жила одна девушка. Люди хвалили её родителей, а рассказы о самой девушке можно было услышать в каждом доме. Всё в ней хвалили: и как она шьёт и вышивает, и какая она красавица, и в какой хорошей семье родилась. Девушке было как раз столько лет, что вот-вот, со дня на день, она должна была выйти замуж. Её звали Щарифет.

Рассказы о девушке дошли до Исмаила. Когда с полей убрали урожай, Исмаил отправился в аул, в котором жила Щарифет. Недели через две он вернулся домой уже с женой. Жители аула, куда привёз он жену, и жители аула, откуда взял её, удивлялись: за девушкой ухаживали многие юноши, её дом они осаждали, как пчёлы ветку цветущего дерева, а этот нелюдим всех их отстранил и взял в жёны такую красавицу!

По обычаям, молодую жену следовало отвезти не прямо к себе, а к кому-нибудь из знакомых, а уже потом товарищи приехали бы за ней и торжественно ввели бы её в дом мужа. Но Исмаил привёз жену прямо к себе в дом. Всё было решено быстро и без торжеств.

Прошла зима, молодая хозяйка вышла на работу. Она работала не спеша, но усердно. В самом конце колхозного огорода — муж и жена были в бригаде огородников — стоял Исмаил; увидев жену, он подходил к ней, брал тяпку и кошолку, и они шли домой.

2

Началась война. Из аула одним из первых ушёл Исмаил. Жена проводила его к поезду.

Когда он сел в вагон и поезд начал трогаться, Щарифет протянула руки к вагону, схватилась за мужа, забыв обо всём на свете и о том, что, по обычаям, укоренившимся в народе, жена должна скрывать свои чувства и свою тревогу за мужа. Она забыла обо всём: она не хотела расставаться с мужем, — и уж если случилось так, что ему надо ехать, она тоже хотела поехать, быть с ним.

Кто-то подхватил её, отвёл в сторону; казачки, провожавшие своих на фронт, объяснили ей, что она чуть не попала под колёса.

Встревоженная нагрянувшей бедой, ошеломлённая своим горем. Щарифет вернулась в аул.

Прошёл месяц, второй и третий. В аул пришли первые письма с фронта. И горе пришло. Из военкомата прислали письмо о гибели одного из соседей Исмаила.

Так прошло два года. За это время Исмаил прислал только одно письмо. К Щарифет несколько раз приходили посланные её отцом люди: они просили её от имени отца вернуться в дом, в котором она родилась, но Щарифет неохотно выслушивала такие слова.

Ночью, накануне третьего года, Щарифет услышала, как кто-то открывает ворота. С тех пор, как уехал Исмаил, ворота ни разу не открывались.

Встревоженная, она соскочила с кровати, быстро нашла чувяки, зажгла фонарь и выбежала во двор. Но увидела она не то, что хотела, не то, на что надеялась: во двор на пароконке въехал старый отец и приказал ей вернуться с ним в родной дом.

Если до сих пор ни отец, ни мать не показывались, не приезжали к Щарифет, так это не потому, что они забыли свою дочь, — они очень тревожились за её судьбу. И теперь, когда они заставили Щарифет покинуть дом своего мужа, они надеялись, что Щарифет бросится к ним на шею и скажет им спасибо.

Но этого не случилось. Ни единым словом не обмолвилась Щарифет: плохо ли, хорошо ли ей теперь, она не говорила об этом ни с кем. Казалось, что родители простили её за непослушание, сделали вид, что не помнят, что была она замужем за сиротой, вернули ей прежнюю ласку и заботу. Ей отвели комнату, которая называлась «особой» потому, что в отличие от других, её потолок и пол были деревянные, — в других комнатах полы были глинобитные. Достали для неё же и ковёр, который, когда она вышла замуж, был свёрнут и спрятан в сундук. Старик знал, хотя это ему не нравилось, что женщина должна следить за своей красотой, и когда ему приходилось бывать в городе, привозил оттуда ей подарки — то пудру, то духи, то какую-нибудь безделушку; но Щарифет относилась к таким вещам безразлично. Старик это видел, и ему нравилось, что его Щащ — так он звал её с детства — не пудрится и не красится.

Семья была дружная, крепкая, работящая. В доме вставали очень рано. Но старик строго предупредил всех, чтобы его Щащ рано не будили. В доме по утрам разговаривали шопотом. Часто, узнав, что его Щащ уже спит, он входил в «особую» на цыпочках, садился у кровати дочери и просиживал там до поздней ночи.

Раз, когда в доме не было старика, Щарифет вышла на работу. Когда старик, вернувшись в дом, не нашёл там дочери, он отправился в поле, приказал Щащ немедленно бросить работу и сам привёл её домой. «Мы не настолько бедны, чтобы не суметь содержать своё дитя, а если надо, чтобы и она обязательно работала, так я сам отработаю то, что положено ей», — сказал старик и объявил дочери, чтобы она не выходила из дому.

Забыла ли она мужа, или же думает ещё о нём, или же поверила, что его, как утверждали люди, нет в живых, — ничего, ни плохого, ни хорошего, о своём муже Щарифет не говорила. Кто не знал, что она была замужем, думал, что она девушка. Семья посовещалась и решила объявить дочери, что она свободна.

В дом к Щарифет начали приходить люди. На первых порах они ограничивались тем, что часто и помногу курили, рассказывали Щарифет хабары [1] и в иносказательной форме делали робкие попытки разведать её сердце. И на этом всё кончалось.

3

Щарифет на всё это смотрела, как на игру. Тем более что приходили люди совершенно разных возрастов — юнцы и бородачи, герои с фронта и скромные тыловики, — и до сих пор никто из них ясно не сказал о своих намерениях.

Старик был хитёр — он делал вид, что ничего не замечает, а на самом деле видел всё, и нравилось ему, что прокладывается широкая тропа к его дому.

К этому времени с фронта вернулся в аул Масхаб. Его избрали председателем колхоза. С ним считались, так как знали, что он хорошо воевал. Чернобровый, белолицый, статный Масхаб хорошо и опрятно одевался, говорил неспеша и, понимая, о чём говорит, не горячился, когда спорил, свято уважал старших, был щедр.

Старик сразу же обратил внимание на Масхаба, старался почаще встречаться с ним и приглашал его заходить. Масхаб не заставил себя долго упрашивать.

Так мужчина и женщина увидели друг друга. И с этого дня Масхаб стал частым посетителем — он захаживал в дом, оправдываясь тем, что «проходил по делу как раз мимо и решил заглянуть»; он выдумывал дело, дававшее ему право войти в дом без приглашения. Однако не одна красота Щарифет привлекала его: ему нравилось, что она такая величаво спокойная, щедрая, с доброй душой, умная. Но его сдерживало то, что Исмаил на войне, и если бы он заговорил о своём желании, — то этим показал бы, что хочет воспользоваться отсутствием её мужа...

Щарифет нравилось, что Масхаб не говорит с ней иносказательно, не старается дать понять, что пришёл к женщине, а рассказывает о новостях, какие были в ауле и шли с фронта.

Когда приходил Масхаб, Щарифет оживлялась. Старик видел всё это, и ему становилось приятно на душе.

---

[1] Хабар — новость.

Было уже темно, когда пришёл Масхаб. Щарифет вышивала кисет — красивый, с кармашком для зажигалки.

В комнате было жарко и душно от железной печурки. Топил её сам старик.

Масхаб снял шинель и постарался сесть поскорее, так как Щарифет имела право сесть лишь после него. Щарифет спросила, как идёт война, и он рассказал, что на советской земле нет уже ни одного вооружённого немца, что война теперь идёт на вражеской земле.

Масхаб не хотел себе счастья за счёт несчастья другого. Вчера он случайно встретился с человеком из аула, в котором жил Исмаил. Этот человек среди других хабаров рассказал и о том, как с начала войны до сих пор не было вестей от Исмаила и все считали его давно погибшим и как он совершенно неожиданно осенью появился в ауле, хотя и без одной руки. По словам рассказчика, Исмаил не очень сожалел, что жена ушла от него — во всяком случае, жалоб от него не было.

Вот с каким хабаром пришёл Масхаб.

Как только Щарифет услышала о своём муже, кровь хлынула к голове. Щарифет уронила иглу, а когда нагнулась, чтобы поднять её, уронила и кисет, — тогда она ещё больше разволновалась, хотя старалась, чтобы мужчина, пришедший к ней, не видел её волнения. Она начала, хотя в этом не было никакой надобности, наводить порядок в комнате, но сама же заметила, что вместо порядка делает беспорядок: рассыпала пудру, наскочила на печь. И всё же, несмотря на такое волнение, успевала следить за рассказом Масхаба, за каждым его словом. Уверившись, что муж в самом деле вернулся, Щарифет зарделась, глаза её засветились радостью, счастливо и гордо.

Масхабу казалось, что эти перемены в женщине произошли потому, что она теперь получила свободу. Он думал так: такая женщина — умная, красивая, рождённая в большой, слаженной семье, которой гордился весь аул, — не пойдёт теперь к человеку, который вёл себя так надменно и гордо и, вернувшись с войны, ни одним словом не дал знать ей об этом. А главное, Щарифет хорошо отнеслась к нему, Масхабу, и знает, как он благородно ждал этого дня: он не торопил её, он не отбирал жену у человека, который ушёл на войну, он ждал и вот наконец дождался! Теперь она радуется свободе, её глаза сияют, — стало быть, настало время открыться ей во всём.

— Я, — сказал он, — ничего не говорил тебе, Щарифет, пока не узнал судьбу Исмаила. Какие бы чувства я ни питал к нему, однако считал нужным дождаться, пока о нём получу верные вести. Но теперь ты сама знаешь всё. Я не хочу оскорблять или умалять его достоинства, но с тех пор, как он вернулся, он ни одним словом не обмолвился, не приехал к тебе, и кроме того я слышал, что он не особенно рад видеть людей. Как и следовало поступить хорошей, благородной женщине, ты ждала его, пока узнала всё о нём; ты теперь свободна. Что он не приедет к тебе, ты это сама должна знать: ты жила с ним и, конечно, лучше, чем я, знаешь его характер.

Щарифет выслушала речь Масхаба до конца. Она поняла, что Масхаб сказал всё, что хотел, и теперь ждёт ответа. Она сказала вот что:

— Ты очень хорошо относился ко мне, Масхаб. До сих пор ты ни единым словом не оскорбил меня, мои чувства и моё сердце. За то, что ты так благородно, как и подобает настоящему мужчине, относился к моему мужу, благодарю тебя, Масхаб. Та женщина, которая будет жить в твоём доме, будет самой счастливой на свете женой, Масхаб. Плох или хорош мой муж, только я ему законная жена, Масхаб, и если он сам скажет, что не желает меня, и я сама услышу от него об этом, — вот тогда я свободна. Ты говоришь: он не приехал, ничего не сообщил о себе. Я знаю, почему так он поступает, Масхаб. Да, да, он очень горд, даже, если обеих рук лишился бы, и тогда он не попросил бы напоить его водой. Он с детства рос без семьи, его считали маленьким человеком. Он и женитьбой на мне хотел доказать, что он — человек, такой же, как и все остальные, чьи жизни сложились красивее и благополучнее. И я, увидев его впервые, поняла, что только с этим человеком буду счастлива. Теперь я должна отправиться в дорогу, Масхаб. Если я об этом скажу отцу, он ничем не поможет мне, и не стоит говорить ему. Я прошу тебя, Масхаб: сделай так, чтобы отвезли меня к поезду.

Утром, как и было уговорено, Масхаб прислал линейку, и Щарифет отвезли к поезду. Масхаб был доволен, что именно он, а не кто другой, помог ей добраться к поезду, что именно ему верила она.

4

Это была правда, что Гутэ Исмаил вернулся с войны, и люди удивлялись этому; но что ещё больше удивило всех: он, спросив, кто парторг, достал из кармана красную книжечку и попросил взять его на партийный учёт. Самый простой человек в ауле и тот знал, что коммунист — это беспокойный человек в ауле, которому до всего дело есть. Что же случилось с этим нелюдимом? Он это или не он? Помнили, что раньше в дела аула Исмаил не вмешивался, а жил замкнуто.

Однажды, когда Исмаил зашёл в совет, чтобы узнать, не пришли ли газеты, он услышал своё имя, произнесённое председателем совета.

— Если не дадим ему должности, он может обидеться, — сказал председатель совета.

— Да, — добавил парторг.

— Притом он дважды орденоносец, потерял руку на войне, работать ему рядовым будет трудно, — поддержал председатель.

— Да, но нельзя, чтобы Исмаил подумал, что мы даём ему должность потому, что он без руки, — сказал председатель совета, — он обидится. Ведь он очень гордый человек.

Исмаил ушёл из совета, так и не прочитав газету. Из-за того, что он без руки, ему давали должность, считали, стало быть, что он не справится с той работой, которую привык делать. А он привык возиться с землёй, не отрываться от неё, всегда видеть её и чувствовать сырой, острый запах развороченной земли, нагибаться и брать её, рыть, поливать, взращивать на ней плоды.

Щарифет протянула руки к вагону, схватилась за мужа...

На следующий день, как только рассвело, он вышел в поле, сам взялся за плуг и стал в борозду. Вечером бригадир сказал, что Гутэ Исмаил вспахал больше всех.

От счастья, оттого, что он, как и прежде, хоть теперь и без одной руки, а показал людям, что не будет последним человеком в ауле, он долго не мог заснуть. Сердце его вновь ожило, душа переполнилась радостью и торжеством, будто это первый день в его жизни, когда он познал радость... Он вспомнил, как раньше ждал жену на огороде, спрятавшись за дерево, чтобы люди не говорили, что он боится выпустить из рук юбку жены, вспомнил, как брал у неё тяжёлую корзинку, чтобы жена дорогой успела отдохнуть... Он осмотрел комнаты: везде был порядок, наведённый рукой женщины. Его одежда была выстирана и выглажена, все пуговицы пришиты — можно было подумать, что жена где-то недалеко отсюда и скоро вернётся.

Но Исмаил решил, что она навсегда ушла от него. Он был горд, и гордость заставила его молчать и не стараться вернуть Щарифет — в то же время он любил только её...

5

Как не может успокоиться душа человека, который совершил преступление против совести и чести, так и сердце Щарифет не знало теперь спокойствия. Она решила ждать мужа — и дождалась, решила ехать к нему. Теперь она в пути, и всё же беспокойство не покидало её: а не совершила ли она преступление, за которое люди имели право считать её неблагородной? Она покинула дом мужа и ушла к своим родителям не по своей воле, её заставили. Неужели же за это Исмаил возненавидел её? Нет, это не причина, чтобы бросить жену. Может быть, она в чём провинилась, когда жила в доме своих родителей? Иногда в дом отца приходили мужчины. Приходили не прямо к ней, а просто в дом, к отцу, сидели, разговаривали, и никто из них не дал ей понять, что он пришёл для того, чтобы узнать, что у неё в душе. Посидят и уйдут. Может быть, всё зло было в Масхабе, может, он — её преступление, которое не давало ей теперь покоя? Как ни странно, она помнила не то, что он сказал ей в последний час, а всё то, что он сделал для неё, а по его поступкам о Масхабе можно было думать только, как о брате. Сердце Щарифет не знало теперь покоя.

Как же она встретится с мужем, как покажется ему на глаза? Ей было и стыдно и страшно. Однако, сойдя с поезда, она пошла как можно быстрее, чтобы сегодня же встретиться с человеком, которого она стыдилась и боялась, которого она любила и по которому столько лет страдало её сердце.

Щарифет миновала станицу, спустилась к реке по тропинке и на пароме переехала Кубань. Аул, куда она направлялась, лежал в тридцати пяти километрах от переправы. С парома сошли две машины. Пешие устроились на них. Щарифет тоже хотела сделать так же, как и другие, но машинами правили русские, и она не решалась подойти к ним и попросить: она стыдилась, что плохо знает русский язык.

Она уже шла лесом, когда начался дождь, холодный, крупный и частый. Послышался рокот автомашины. Щарифет свернула с дороги и пошла между густыми кустарниками, царапавшими ей ноги. Машина проскочила мимо, потом остановилась; дверца кабины открылась, показался человек, он махал рукой. Щарифет подошла. Рядом с шофером сидел военный—капитан. Он увидел её, насквозь промокшую, босую: туфли она сняла, чтобы не попортить их в грязи. Капитан вышел из кабины, усадил женщину на своё место, а сам перебрался в кузов и приказал шоферу ехать.

Дождь усилился. Машина шла с трудом. Уже было темно, когда они въехали в аул, в котором жил Исмаил. Щарифет поблагодарила русских и добавила, что теперь ночь, ехать дальше трудно и если им, русским, не противны обычаи адыгейцев, то пусть они зайдут к ней в дом, и ещё добавила, что она и её муж этому будут рады, а если русские сделают иначе, — и она и её муж сочтут себя оскорблёнными. Капитан понял, о чём говорит женщина, он велел шоферу свернуть с дороги и ехать, куда укажет женщина...

Исмаил сидел один. Кто-то открыл дверь в дом. Заходили к нему редко. Он встал навстречу гостю.

Опираясь на палку, вошла старуха-соседка. Он предложил ей стул.

— Сын мой, — начала старуха, — очень трудно жить одному, и пока ты один, перебирайся ко мне. Будешь у меня вместо сына, погибшего на войне. Ты меня обрадуешь, если согласишься, мальчик мой. В тягость мне не будешь, я одна в доме — буду думать, что ты мой сын.

Но Исмаил знал, что никогда не позволит себе жить в другом доме, не у себя, не забывал ни на одну минуту, что жалеют его потому, что он потерял руку...

— Мать наша, — сказал Исмаил, — я благодарю тебя, что ты считаешь меня своим сыном, но я не настолько искалечен, чтобы не уметь обойтись без посторонней помощи, без помощи женщины.

Проводив старуху, Исмаил вернулся в дом.

Прошла ночь. С утра начался дождь, к обеду он усилился. Решив, что в такую погоду никто, пожалуй, не зайдёт к нему, Исмаил, набросив на двери крючок, принялся за стирку. Потом замесил тесто и на сковородке приготовил лепёшки, но, так как забыл положить соль, лепёшки вышли пресными. Вскипятив чай, поужинал.

Чтобы он ни делал, он думал о Щарифет. Одним был доволен: это тем, что она не видит его без руки. Исмаил не был похож на весьма распространённый в его крае тип мужчин, которые считают, что жена — это жена, стало быть, должна знать своё место, то есть: ни во что не должна вмешиваться, не жаловаться, а боготворить своего мужа, каким бы плохим он ни был. Он старался, чтобы она и по одежде и по всему стояла не ниже лучших женщин, гордился, что она работает, не отставая от него, что она красивая, добрая, скромная.

Он считал, что и она должна была гордиться своим мужем, и не понимал, как она будет жить теперь с другим. Исмаил вспомнил, как ради неё старался во всём походить на образцового мужчину: и тем, как одевался, как ступал, умывался, ел, работал, говорил, — не забывал никогда, что он муж прекрасной женщины. «Но, — рассуждал он, — если я в самом деле жил так, как думаю теперь, она бы не ушла от меня. Я, наверное, сам того не замечаю, а есть во мне что-то очень плохое, что видно всем, и это заставило её уйти».

Дождь не прекращался. Уже было темно и он собирался лечь, когда услышал рокот мотора. Похоже было, что машина сошла с дороги и завязла. Исмаил натянул на ноги кирзовые сапоги, взял лопату, цепь и вышел на улицу. Он подошёл к машине и поздоровался с капитаном и шофером, осмотрел машину, намотал цепь на колесо, сделал небольшой подкоп и велел шоферу взять левее, чтобы выехать на целину.

Щарифет по голосу узнала Исмаила, но не знала, как ей следует поступить. Она считала, что проще, быстрее и лучше подать голос: он её узнает, и судьба её решится тут же, на улице. Она не хотела входить в дом, боясь, что ей там могут сказать, чтобы она больше не приходила, и когда она подумала об этом, то решила молчать. Пусть в последний раз, а она будет в своём доме, посмотрит на мужа при свете, а уже потом уйдёт.

Машину удалось вывести на целину. Впереди, в ярком свете фар, шли капитан и Исмаил. Исмаил предложил заехать к нему во двор, открыл ворота. Капитан не возражал, но предупредил Исмаила, что они привезли с собой женщину из этого аула. На это Исмаил ответил, чтобы капитан не беспокоился о ней: он, Исмаил, узнает, чья она, и отведёт сам.

Исмаил подошёл к машине и, не различая в темноте, с кем говорит, сказал:

— Русский мужчина сказал мне, что ты из этого аула. А раз так, наверное, мы знаем друг друга. Ты пока отдохни у меня, у нас когда-то был фонарь, я разыщу его и отведу тебя домой.

Щарифет казалось, что её кто-то схватил за горло и душит: она задыхалась и не находила слов от волнения. Наконец, сказала — и таким тоном, словно только вчера была в этом доме, никуда не уезжала и ничего не случилось:

— Ты не обо мне думай, гостей в дом зови, а то у дверей топчутся. Не видишь разве?..

Он узнал её по голосу, потянулся к ней, но остановился, вспомнив, что без руки, и тоже, как и она, заговорил не о том, что его и её тревожило, а о том, что её и его должно было одинаково интересовать, если бы они жили вместе, как муж и жена:

— Ты пойди к ним, найди им таз и кумган [1], если только знаешь, где они стоят.

— Как же не знать... Ты удивительный человек, никогда никого не спросишь.

— Я искал, да не нашёл.

— А под кровать не заглянул?

— Не догадался.

— Тебе обязательно всё в рот положи, ты, как ребёнок.

— Ты что же это босиком? — спросил он недовольным голосом и протянул правую руку, чтобы помочь ей выйти из кабины. — Ты вот сюда иди, сюда, говорю, прямо в грязь пошла...

Он говорил, чтобы она не шла в грязь, хотя грязь была кругом, но эти слова помогли ему успокоить своё волнение. Она, почувствовав его руку, потянулась к нему, словно если бы не эта рука, то она ни за что не устояла бы на ногах.

Гости поняли, что это встретились муж и жена, и не любопытствовали: не такие случаи видели за эту войну. Щарифет не знала ни минуты покоя. Она в душе благодарила гостей, что те не проявляют любопытства. И с жаром принялась готовить, чтобы накормить гостей, как это подобает хорошей хозяйке. Исмаил помогал ей во всём. Когда гости умылись, Исмаил заставил их переодеться в своё сухое платье. Исмаил отвёл гостям лучшую комнату и натопил железную печурку докрасна.

Щарифет давно уже заметила, что Исмаил без левой руки, и это больно кольнуло её сердце, но она ни словом не обмолвилась. Приготовив соус из курицы, она внесла столик к гостям и поставила так, чтобы гости сидели возле печурки. Исмаил пригласил гостей к столу. Гости сели. Капитан не торопился, а шофер ждал, когда другие примутся за еду; по обычаям, Исмаил хотел, чтобы первым к еде притронулся старший из гостей, а старшим был капитан. Капитан ждал, когда сядет хозяйка, а она не садилась. Он подумал, что, может быть, в доме нет больше стульев, но вспомнил, что в другой комнате стулья. Щарифет стояла у двери.

— А вы почему стоите? — обратился капитан к хозяйке. — Садитесь, — и предложил свой стул.

— Нет, нет, — заторопилась Щарифет, испугавшись предложения гостя, — кушай, кушай, ради бога.

— Как же я без хозяйки буду кушать? Это как-то нехорошо, — возразил капитан.

— У нас так полагается, такой обычай, — объяснил Исмаил.

Исмаил знал, что на сей раз надо нарушить этот обычай, но знал также, что Щарифет это не понравится и она не сядет, пока он сам не скажет ей об этом.

— Когда мы уедем, живите, как хотите, а теперь прошу сесть, иначе и я не сяду, — твёрдо сказал капитан.

— Я нет, нет, — поспешила сказать Щарифет, — я на кухне покушаю, ради бога, не обижай меня, кушай, — и она с мольбой посмотрела на капитана, а потом на мужа, надеясь, что тот выручит её из беды, и сказала ему на своём языке:

— Сидишь и молчишь! Объясни урусу, что я не могу сесть.

— Что такое случилось, что ты сесть не можешь? — сказал Исмаил. — Садись.

Она села.

После ужина гости легли спать. Щарифет и Исмаил остались одни.

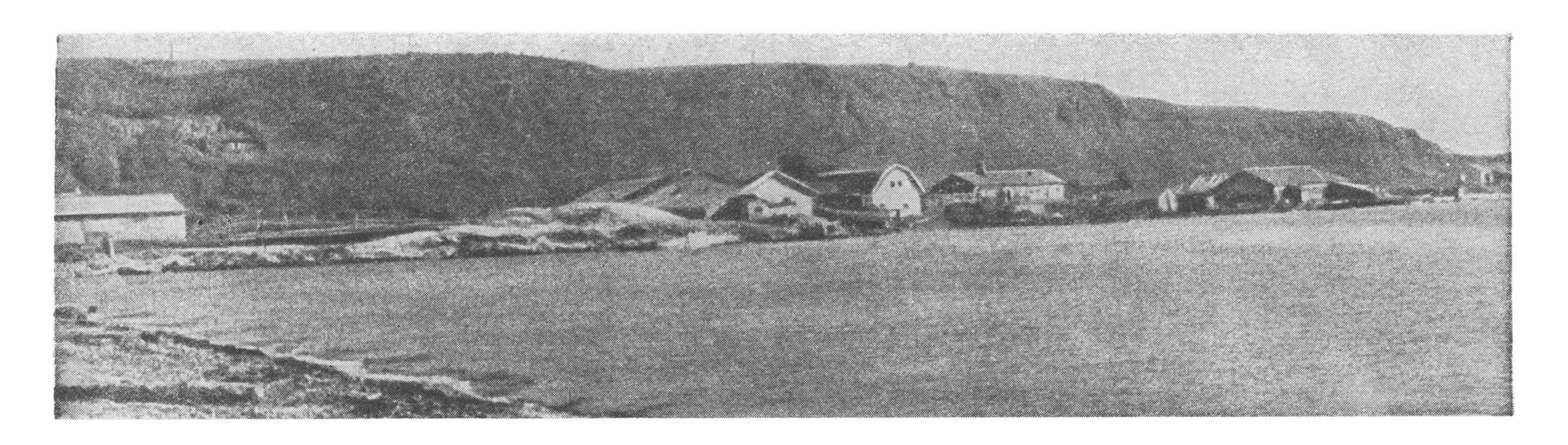
Он сказал ей:

— Иди спать, ты устала. Когда бельё высохнет, я его сниму и разбужу тебя отутюжить.

— С чего бы это я устала, когда всё время в машине сидела? Сейчас разогрею утюг, поглажу, отнесёшь гостям одежду.

Они успели кончить всю работу, но ни он, ни она не хотели спать, а сидели у печки, на одной табуретке, рядом. Исмаил ждал, что она спросит его о руке, но она не спрашивала. Он подумал о том, что до сих пор ещё не встретился с человеком, который или не начал бы или не кончил бы свои рассказы так: «Э, Исмаил, да ты руку потерял!» Он знал, что будь у него мать — а её нельзя заподозрить в плохом, — и она начала бы с причитаний: «Где же ты это, господи, руку потерял, сыночек ты мой, ребёночек, как теперь без руки?» И лишь она, Щарифет, не спрашивала его об этом, словно ничего с ним не случилось, а был он для неё мужем — так и остался мужем, таким же, каким был раньше, словно они ни на один день не разлучались...

[1] Кумган — сосуд для воды.

«ТЫСЯЧА ОСТРОВОВ»

1. Остров Кунашири

Фотоочерк Героя Советского Союза Константина Бадигина

«Тысяча островов» — так называют Курильскую гряду. Длинной цепочкой протянулась она от берегов Японии до Камчатки: шестьсот тридцать пять миль лежат между южным и северным островами гряды. Курильские острова никогда не пользовались особой популярностью. Хмурые и неприветливые, часто задёрнутые туманом, они казались необитаемыми, и капитаны обычно неохотно вели свои суда к их берегам.

...Мы были на пути к Курильскому архипелагу. С часу на час ждали землю. Вокруг, насколько хватал глаз, простиралась водная пустыня И, глядя, как спокойно дышал океан, невольно мысленно перенеслись в прошлое, в далёкие годы восемнадцатого столетия... Сквозь шторм и туманы, на утлых судёнышках, в единоборстве со стихией, упорно и смело двигались на восток русские мореходы петровского времени. Сколько подлинного подвижничества вложили они в дело открытия Курильской гряды! Все острова, расположенные к северу от о. Уруппу, первыми открыли и описали русские мореплаватели. Японцам же были известны тогда лишь острова Кунашири, Эторофу и Малая Курильская гряда, т. е. земли, расположенные у самых берегов Японии.

На второй день нашего пути, когда солнце готовилось подняться из-за волн и начать свой привычный дневной путь, из воды возникли далёкие острова. На фоне багрового сияния восхода обозначился лиловый рисунок гор. Но вот из-за тёмных зубчатых силуэтов брызнули снопы золотого света, и на небосклон величаво выплыл сияющий шар солнца. Все, кто были у нас на вахте, зачарованно, в молчании переживали рождение нового дня.

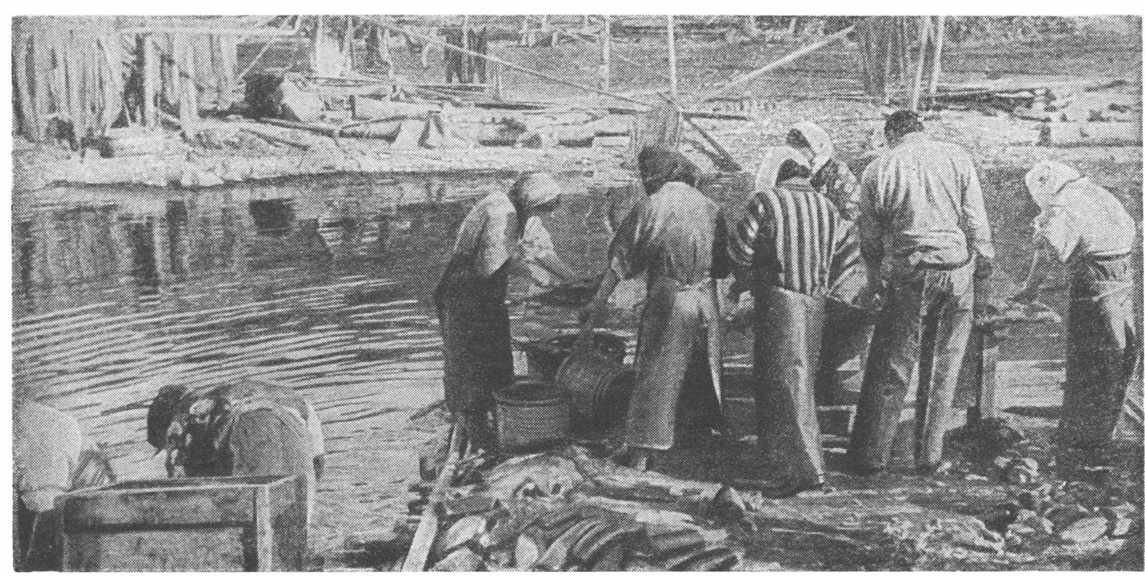
Несколько часов спустя в солнечном мареве полдня показались скалы, охраняющие вход в пролив Екатерины. Вскоре пролив остался за кормой. Наше судно развернулось и легло курсом на юг, огибая берега о. Кунашири. Это самый южный и самый большой остров в Курильской гряде. На 60 миль растянулся он в длину, наибольшая его ширина — 16 миль. Пролив Ноцуке Суидо отделяет о. Кунашири от о. Хоккайдо (Япония). Ширина этого пролива — 9 миль.

Корабль бросил якорь в бухте Фурукамаппу-ван. В лучах вечернего солнца сверкала снежная голова Цяцця, самой высокой горы на о. Кунашири, поднявшейся над уровнем моря на 1800 метров.

Вздымая за кормой пенистый бурун, катер мчится к берегу. Вот и причал.

Мы на земле. Вдаль уходят домики рыбачьего посёлка. Вдоль улицы тянутся японские хижины. Это убогие строения, нередко полуразрушенные или кое-как залатанные досками Около каждого домика небольшой огород. Жители выращивают различные овощи: картофель, капусту, редьку и др. (фото вверху).

На острове немало японских храмов. Вот один из них: низенький, высотой не более роста человека.

Дубы и клёны, сосны и кедры, голубоватые ели, берёзы — каких только деревьев здесь нет! (слева вверху).

А вот рыбоконсервный завод. Здесь примитивные способы производства. Японки промывают рыбу в протекающей поблизости грязной речушке, а затем тут же, на берегу, разделывают и потрошат её (слева).

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Рисунки О. Верейского, В. Вольского, В. Высоцкого, Г. Гордона, И. Гринштейна и А. Шульца

20 декабря 1939 года в честь 60-летия Иосифа Виссарионовича Сталина были учреждены Сталинские премии за выдающиеся работы в области науки, техники, изобретательства, искусства и литературы. Сталинские премии прочно вошли в жизнь нашего народа — стали традиционным праздником советской культуры.

Впервые Сталинские премии были присуждены в марте 1941 года — за три месяца до Великой Отечественной войны с фашистской Германией. В последующие годы, невзирая ни на какие трудности и лишения военного времени, творческая мысль советских учёных, новаторов производства, писателей, художников, артистов продолжала работать с ещё большим напряжением. Второй и третий раз Сталинские премии вручались в 1942 и 1943 годах — в разгар войны. В январе текущего года высокой награды удостоились работы за 1943—1944 годы.

Отмеченными в постановлениях Совнаркома СССР трудами далеко не исчерпывается многообразие творчества советских людей за годы войны. Достаточно сказать, что из представленных в Комитет по Сталинским премиям 2 тысяч работ в области науки и техники только за 1943—1944 годы премированы лишь 183 — самые крупные и значимые.

Почётный знак лауреата Сталинской премии.

В настоящее время в Советском Союзе насчитывается 1604 лауреата Сталинской премии в области науки, техники и изобретательства и 420 лауреатов в области искусства и литературы.

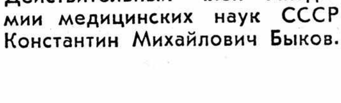
Дважды получили премию за выдающиеся научные труды, изобретения и коренные усовершенствования методов производства 59 человек, за достижения в области литературы и искусства — 51 человек. По три премии получили 21 человек. Известным авиаконструкторам А. С. Яковлеву, С. В. Ильюшину, А. А. Микулину и талантливому кинорежиссёру И. А. Пырьеву Сталинская премия присуждена в четвёртый раз.

Крепкий, нерушимый союз труда, науки и искусства помог нам отстоять свободу и независимость любимой Родины. Это единство поможет также быстрей залечить раны, нанесённые войной, быстрей двинуть вперёд дальнейший прогресс нашей страны.

← Президент Академии наук СССР Сергей Иванович Вавилов.

→ Действительный член Академии медицинских наук СССР Константин Михайлович Быков.

→ Слева направо: 1. Профессор Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева академик Владимир Михайлович Родионов. 2. Начальник лаборатории Государственного оптического института академик Александр Николаевич Теренин. 3. Директор Радиевого института Академии наук СССР академик Виталий Григорьевич Хлопин.

НОВАТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА И ИЗОБРЕТАТЕЛИ

В первом ряду (слева направо): 1. Конструктор по самолётостроению, Герой социалистического труда Сергей Владимирович Ильюшин; 2. Главный конструктор завода № 26, Герой социалистического труда Владимир Яковлевич Климов; 3. Герой социалистического труда Василий Алексеевич Дегтярёв. **Во втором ряду:** 1. Начальник Центрального артиллерийского конструкторского бюро Наркомата вооружения, Герой социалистического труда, генерал-полковник технических войск Василий Гаврилович Грабин; 2. Директор Кировского завода, Герой социалистического труда Исаак Моисеевич Зальцман. **В третьем ряду:** 1. Герой социалистического труда, генерал-лейтенант технических войск Илья Иванович Иванов; 2. Директор завода № 183, Герой социалистического труда Юрий Евгеньевич Максарёв; 3. Директор завода имени И. В. Сталина, Герой социалистического труда Амо Сергеевич Елян. **Внизу:** 1. Директор завода № 9, Герой социалистического труда Лев Робертович Гонор; 2. Главный конструктор завода № 9, Герой социалистического труда Фёдор Фёдорович Петров; 3. Конструктор по самолётостроению, Герой социалистического труда Александр Сергеевич Яковлев.

МУЗЫКА И ОПЕРНОЕ ИСКУССТВО

В первом ряду (слева направо): 1. Заслуженный деятель искусств РСФСР Юрий Александрович Шапорин; 2. Пианист Эмиль Григорьевич Гилельс; 3. Заслуженный деятель искусств РСФСР Сергей Сергеевич Прокофьев. **Во втором ряду:** 1. Заслуженный деятель искусств РСФСР Николай Яковлевич Мясковский; 2. Заслуженная артистка РСФСР Мария Петровна Максакова; 3. Народная артистка СССР Айкануш Багдасаровна Даниэлян; 4. Заслуженный деятель искусств РСФСР и Армянской ССР Арам Ильич Хачатурян. **В третьем ряду:** 1. Народный артист СССР Рейнгольд Морицович Глиер; 2. Заслуженная артистка РСФСР Вера Александровна Давыдова; 3. Народная артистка СССР Мария Ивановна Литвиненко-Вольгемут; 4. Заслуженный артист РСФСР, дирижёр Евгений Александрович Мравинский. **В четвёртом ряду:** 1. Народный артист СССР Владимир Григорьевич Захаров; 2. Народный артист РСФСР, дирижёр Николай Семёнович Голованов.

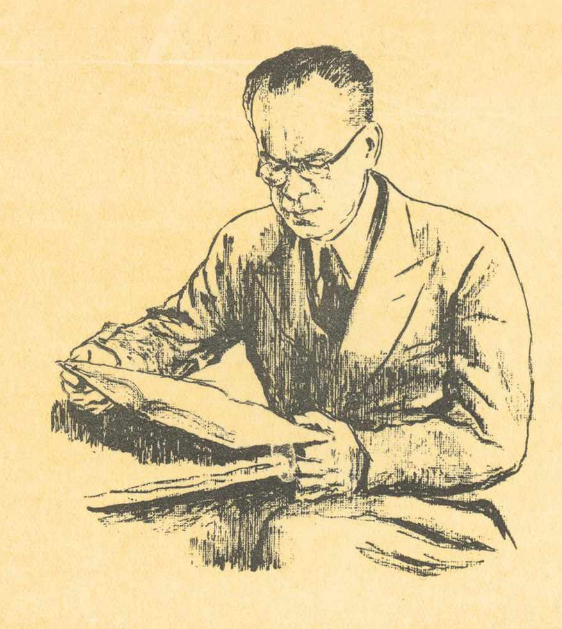
В первом ряду (слева направо): 1. Заслуженный деятель искусств Туркменской ССР, режиссёр Марк Семёнович Донской; 2. Народная артистка СССР Наталия Михайловна Ужвий; 3. Артистка Галина Владимировна Водяницкая; 4. Режиссёр Лео Оскарович Арнштам. **Во втором ряду:** 1. Режиссёр Юлий Яковлевич Райзман; 2. Режиссёр Иосиф Михайлович Посельский.

КИНО И ТЕАТР

Слева: народный артист СССР Николай Павлович Хмелёв; **справа:** заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Владимирович Дмитриев. **Внизу (слева направо):** 1. Народный артист СССР Иван Михайлович Москвин; 2. Народная артистка РСФСР Фаина Васильевна Шевченко; 3. Народная артистка СССР Алла Константиновна Тарасова в спектакле «Последняя жертва» в Московском Художественном театре.

Алексей Николаевич Толстой.

Поэты: Алексей Александрович Сурков, Александр Трифонович Твардовский и Аркадий Александрович Кулешов (стоит).

Михаил Леонидович Лозинский.
Во втором ряду (слева направо): Александр Николаевич Степанов; Вячеслав Яковлевич Шишков.

ЛИТЕРАТУРА, ЖИВОПИСЬ, СКУЛЬПТУРА И АРХИТЕКТУРА

Слева: заслуженный деятель искусств РСФСР Михаил Иванович Авилов; **справа:** Сергей Михайлович Орлов; **в центре:** народный художник БССР Заир Исаакович Азгур; **внизу:** архитекторы Игорь Евгеньевич Рожин **(слева)** и член-корреспондент Академии архитектуры СССР Владимир Георгиевич Гельфрейх.

РОМАНЫ ДИККЕНСА НА СЦЕНЕ

«Наш общий друг» — в театре имени Ленинского комсомола

Вообразите себе увлекательный роман, который печатается отдельными выпусками. Любознательные читатели прочли уже примерно половину романа и с нетерпением ждут его окончания. И вдруг в театре появляется сделанная каким-то досужим драмоделом инсценировка этого романа. Автор, не опубликовавший ещё конца своей книги, с удивлением узнаёт из спектакля совершенно неожиданные для него подробности дальнейшей судьбы своих героев.

Это звучит, как анекдот. Но подобного рода случай в действительности произошёл со знаменитым произведением Чарльза Диккенса «Николай Никкльби». Инсценировка, сделанная неким Стирлингом, шла в 1838 году в лондонском театре Адельфи ещё до выхода в свет последних глав романа.

Большинство прозаических произведений английского писателя переделывались для сцены немедленно после их появления в печати.

Популярность Диккенса на театре росла не только в Англии: 90 лет назад в Александринском театре, в Петербурге, шла «Битва жизни» в переводе с французской переделки этой повести.

Выдающаяся актриса Малого театра Никулина в 1866 году включила в свой бенефис диккенсовского «Сверчка домашнего очага».

Особенно широкую популярность приобрёл «Сверчок на печи» в дни зарождения Первой студии Московского Художественного театра. В роли чёрствого, бессердечного фабриканта игрушек Тэкльтона выступал тогда Е. Б. Вахтангов.

Лет через десять молодёжь Третьей студии МХАТ, созданной Вахтанговым (ныне театр, носящий его имя), играла «Битву жизни». Над постановкой этой же пьесы на Малой сцене МХАТ работал К. С. Станиславский.

На русской сцене в XX веке шли инсценировки произведений Диккенса: «Гимн рождеству», «Колокола», «Крошка Доррит», «Давид Копперфильд» и др. Незадолго до Великой Отечественной войны, весной 1941 года, сталинградские ребята смотрели новую постановку — «Оливера Твиста».

В 1944 году впервые появилась на нашей сцене одна из немногих пьес, написанных самим Диккенсом, — «Странный джентльмен». Её играли молодые актёры, выпускники Государственного института театрального искусства.

Сейчас Театр имени Ленинского комсомола показывает впервые сделанную инсценировку романа Диккенса «Наш общий друг». Пьесу эту написала Наталия Венкстерн — автор инсценировки «Пикквикский клуб», идущей во МХАТ.

В спектакле, поставленном народным артистом РСФСР И. Берсеневым и оформленном художником М. Родионовым, тонко передан колорит эпохи, сохранена лиричность и сентиментальная трогательность романа Диккенса. Но в общем спектакль звучит бодро, оптимистично.

Со сложными и увлекательными перипетиями приключенческого характера переплетается история чистой любви Беллы и Джона. Джон (молодой артист Г. Карнович-Валуа) мечтает о том, чтобы его невестой стала девушка, искренно любящая его самого, а не его богатство. Образ этой молоденькой, чуть легкомысленной девушки удачно, и каждая по-своему, создали обе исполнительницы роли Беллы Уильфер — артистки В. Серова и Е. Фадеева.

О счастье Беллы и её возлюбленного позаботились разбогатевший «золотой мусорщик» добродушный и грубоватый Боффин и его «старуха» — их сочно играют В. Марута и В. Благовидова. Трогателен отец Беллы в исполнении В. Всеволодова.

Остро, в слегка окарикатуренных образах показаны гости «великосветского» общества на балу у Боффина, напоминающие старинные иллюстрации к романам Диккенса.

Т. Кулаковская

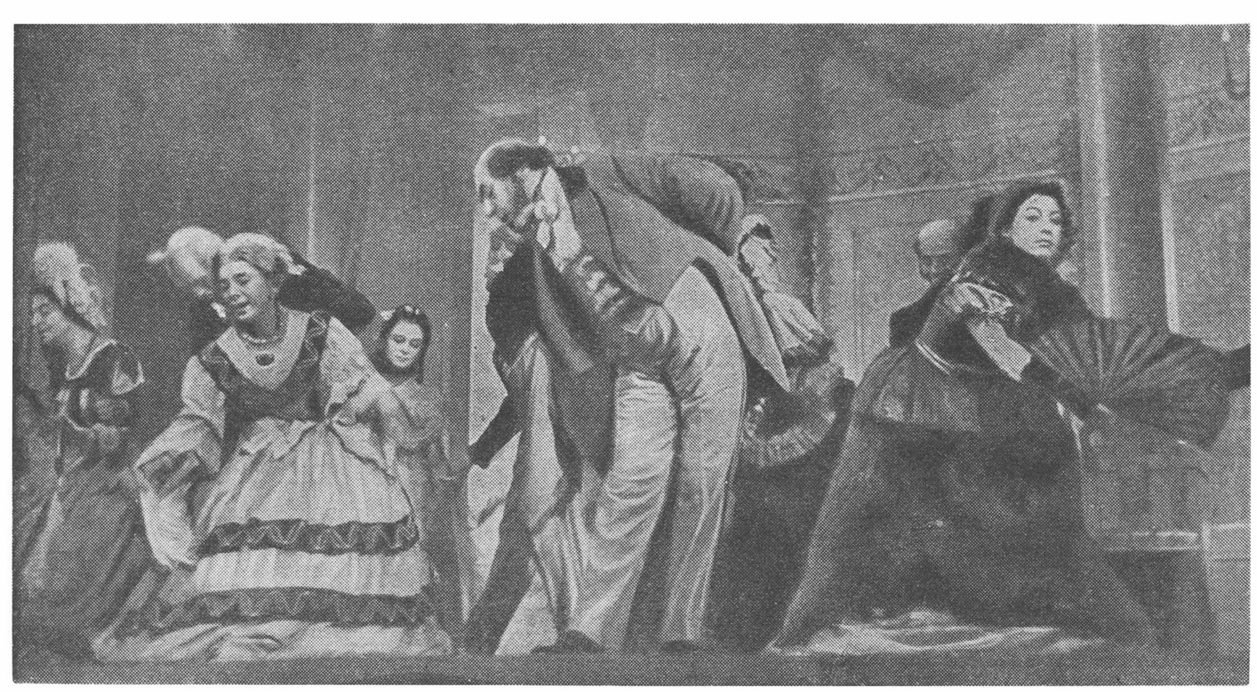

Джон Харман и Белла — артисты Г. Карнович-Валуа и Е. Фадеева.

Фото А. Гладштейна

Мистер Боффин и Белла — артисты В. Марута и В. Серова.

Сцена бала в доме мистера Боффина. Фото С. Шингарёва

«ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА»

(Премьера оперы П. И. Чайковского в Ленинградском государственном ордена Ленина академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова)

Ленинградский государственный ордена Ленина академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова показал оперу гениального русского композитора П. И. Чайковского «Орлеанская дева», совершенно неизвестную советскому зрителю.

Эта опера, написанная в 1879 году, была поставлена 13 февраля 1881 года на сцене Мариинского театра в Санкт-Петербурге под управлением дирижёра Эдуарда Направника. Однако вскоре «Орлеанскую деву» сняли с репертуара, и за ней незаслуженно укрепилась репутация оперы «нерепертуарной».

Новый спектакль Ленинградского театра — крупное событие в музыкально-театральной жизни страны.

Две основные темы оперы — нравственный подвиг Иоанны и жизнь народа: его бедствия, устремления, чаяния, страсти — удачно раскрыл в режиссёрском замысле заслуженный артист РСФСР И. Ю. Шлепянов.

Великолепны декорации и костюмы заслуженного деятеля искусств В. В. Дмитриева. Очень выразительны цыганская пляска и танец шутов, поставленные молодым балетмейстером Л. В. Якобсоном.

Среди участников спектакля в первую очередь следует отметить народную артистку РСФСР С. П. Преображенскую, исполняющую заглавную роль. Гибкий голос певицы, её внешние данные точно созданы для роли Иоанны.

Другая исполнительница этой роли, заслуженная артистка УССР А. Ф. Маньковская, уступая несколько Преображенской в вокальном отношении, также создаёт продуманный и впечатляющий образ.

Очень хорошо звучит первоклассный оркестр под руководством заслуженного деятеля искусств Б. Э. Хайкина. Большое впечатление производит хоровой коллектив, руководимый главным хормейстером театра заслуженным артистом В. П. Степановым.

Б. Березов

А. Маньковская в роли Иоанны д'Арк.

Фото М. Гершман и Н. Клочкова

Страна Луораветланов

Е. Рымский

фото Д. Дебабова

Охотничьи яранги чукчей у Берингова пролива.

Самолёт приземлился в Анадыре.

С трудом отдирая примёрзшую дверь кабины, пассажиры сходят на землю. Глаза их щурятся от блеска льда. Впереди замёрзший лиман. По ту сторону бухты ряды деревянных домиков.

Там Анадырь, центр Чукотского национального округа.

Здесь, на сияющем льду, Анадырский аэродром, последняя станция великого трансарктического воздушного пути. Перед нами «край земли советской».

— Мы на самом кончике материка! — сказал кто-то из пассажиров.

Собачья упряжка — нарты, — ведомая улыбающимся чукчей, вихрем мчит приезжих через замёрзший лиман. Взрывая мягкий снег, нарты взлетают на пригорок — и мимо замелькали деревянные домики, похожие друг на друга, как родные братья. На одном из них афиша кино. Рядом оленья упряжка, чукчанка в меховом малахае, напряжённо читающая, шевеля губами, объявление о том, что после фильма «Актриса» будут танцы под баян...

А утром на тех же нартах выезжаем в тундру.

Кругом расстилается безбрежное белое море тундры. Низко нависшее свинцовое небо, цепь угрюмых скал вдалеке, необозримое снеговое пространство, где изредка ветер завивает порошу.

Оленье стадо колхоза-миллионера «Турваургин» Чукотского национального округа.

Трудно представить себе тундру живой, прекрасной. А она бывает именно такая — в недолгое чукотское лето. Мхам и лишайникам доступно богатейшее разнообразие оттенков: от бурого до меднокрасного, от лилового до нежнозелёного. В июле—августе тундра пестрит румяной морошкой, сизой голубикой, красной брусникой. Пряно пахнут богульник и вереск. Цветут «трава-чай» и ромашка.

Раздолье тогда оленьим стадам! Они переходят с места на место, энергично «выбивая» (съедая) ягельный покров тундры. И с ними кочуют оленеводы — чукчи и эвенки, — раскидывая свои яранги на каждой стоянке на несколько дней.

Оленеводческих колхозов на Чукотке много. Ведь оленье поголовье Чукотки — это $\frac{1}{3}$ всего оленьего поголовья в Союзе. Один только Восточно-Тундровый район даёт в год 10 тысяч оленей государству.

Чукчи считают оленя кормильцем, крепко любят, заботятся о нём. Нежное мясо оленя, напоминающее вкусом телятину, оленье молоко, пушистый мех («пыжик»), шкуры, из которых чукча делает себе и дом, и одежду, и обувь, великолепная замша, вырабатываемая из оленьих шкур, — всё это делает олений промысел на Крайнем Севере не только выгодным, но и значительным.

Иногда мелькнут в тундре тяжело гружёные ящиками нарты. Это работники факторий Чукотторга отправляются вдогонку за кочующими оленеводческими колхозами. Они везут в стойбища оленеводов махорку, плиточный чай, чукотскую азбуку, расписные чашки, патефоны, пёстрые ситцы, трикотажное бельё. Товары нравятся чукчам и эскимосам. Женщины спрашивают, скоро ли опять начнут присылать красивое душистое мыло. Это те самые чукчи, которые двадцать пять лет назад выбрасывали туалетное мыло, убедившись, что «его нельзя есть».

Не одними оленями богаты колхозы Чукотки.

Труба над лиманом, которую видит каждый прилетевший или приплывший в Анадырь путешественник, принадлежит консервному заводу. Это большой рыбный комбинат, целый городок со своей пристанью, одноколейкой, складами, засольными сараями.

Собачья упряжка в пути.

Пастух-оленевод.

Летом здесь кипит жизнь. По лиману снуют катеры и кунгасы, кавасаки и баржи, гружёные рыбой. Рыбу разгружают прямо на пристань. Ловкие руки женщин быстро подхватывают её и моют. Потом рыба поступает в особую машину, которая рубит рыбьи головы, соскабливает чешую, потрошит внутренности, режет туловище на части.

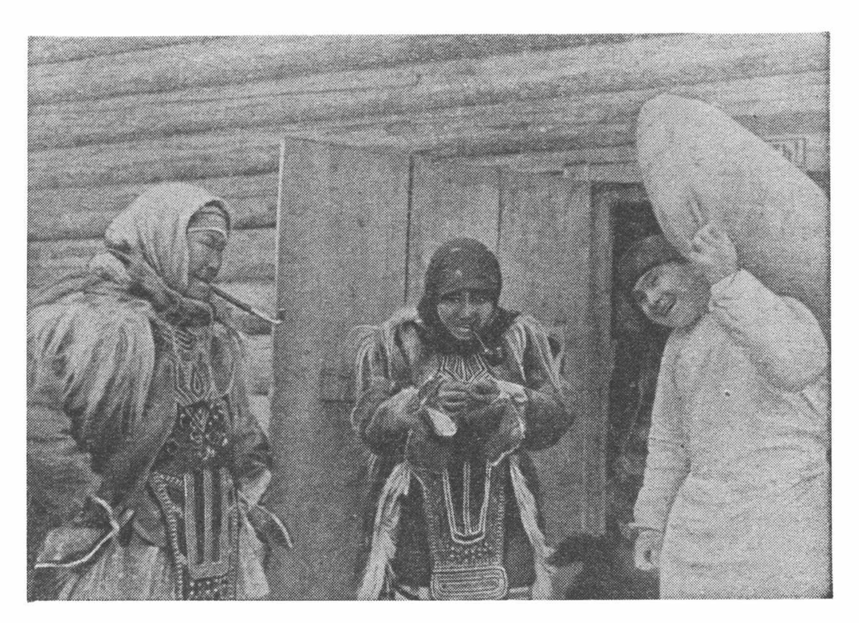
Рыбные богатства Чукотки неисчислимы. Недаром японские промышленники зарились на них. Но по-настоящему развиваться рыбная и консервная промышленность стала за последние полтора десятилетия — с тех пор, как был создан Чукотский национальный округ.

Промысел морского зверя — важная статья в хозяйстве берегового населения. Чукчи и эскимосы искони занимаются морским зверобойным промыслом. Бьют моржа, лахтака, нерпу. Морж — огромное животное, весом до 1—$1\frac{1}{2}$ тонны, жиру в нём почти $\frac{1}{3}$. Этим жиром чукчи питаются, им же отапливают и освещают свои яранги. С тех пор как организовались зверобойные колхозы, добыча моржа сильно увеличилась и моржовый жир пошёл в промышленность, на пищевые и технические цели.

Нерпа водится в море и в реках Чукотки. Весит она 80—90, нередко 100 кило. Лахтак (морской заяц) в два раза крупнее нерпы. Из их шкур жители Чукотки шьют обувь (торбоза), мясо морского зверя солят и едят. Из клыков моржа вырезают фигурки, ножи. Резьба чукчей, и особенно эскимосов, по кости известна во всём мире. В ней много оригинальной художественной прелести.

...По краям тундры, где мелколесье, нет-нет да мелькнёт пушистый зверёк. Белоснежная шкурка его сливается с покровом снега. Это песец. Вот он остановился, почуяв запах рыбы. На снегу лежит рыбий хвост. Прыжок к заманчивой добыче — и зверь в капкане. На другой день сильные ру-

Жёны охотников приехали за продуктами на факторию.

ки охотника извлекут его оттуда.

Чукотский округ богат драгоценной пушниной: лиса красная и чернобурая, горностай, выдра, а в лесных районах белка, рысь — вот пушистые обитатели чукотских просторов. На белку охотятся с ружьём. Остальному зверю зимой расставляют капканы.

Среди чукчей немало женщин-охотниц. Колхозница Нутенеут сдала свыше 30 песцов в этот сезон. Чукчанки энергичны, трудолюбивы, выносливы и делят вместе с мужчинами все трудности суровой и долгой зимы. Только бить моржа чукча не возьмёт с собой ни жену, ни гостя. По поверью: «Морж не любит чужого глаза».

Ярко горят на Чукотке долгой зимой огоньки школ. Край, где никогда не было своей грамоты, где при виде пишущего русского ещё не так давно чукчи удивлялись: «Зачем он пестрит белое?» — теперь имеет 3 десятилетки, 6 неполных средних школ, 66 начальных школ и педагогическое училище — гордость округа.

По вечерам молодёжь округа — чукчи, эскимосы, эвенки, кирики, юкагиры — внимательно слушает лекции по педагогике. Немало прекрасных учителей дало училище за первые свои два выпуска. Весь округ знает молодую учительницу-эскимоску Валю Кагак, эскимоса-учителя Нутескина, чукчей-педагогов Айнавтегина и Володю Уваува.

Они блестяще окончили курс, получили атестаты, сели на нарты и отправились во все концы тундры, в леса и на берега Чукотки, в сёла Наукан, Островное, в кочующие стойбища, в яранги и чумы, неся с собой знания, энтузиазм и крепкую веру в дело Ленина — Сталина. Ребятишки-чукчи благоговейно относятся к своим молодым учителям, взрослые уважают их.

Вспомним письмо в «Правду» эскимосов с острова Врангеля: «Много раз пряталось солнце, и было много больших ночей, много раз оставалось солнце на небе, и было много больших дней. Раньше, до советской власти, в наших головах было темно, как в большую ночь... Мы теперь грамотные. Мы читаем книжки на эскимосском языке. Мы стали другими...»

По старым законам быта, женщина должна была рожать в яранге, одна, стоя на коленях, и никто не смел подать ей помощь. Сейчас в Чукотском округе 9 больниц, 23 фельдшерских пункта, 7 амбулаторий. Издалека, из самых дальних стойбищ, привозят больных к доктору Левандовскому в Анадырь, к женщине-врачу Пономарчук в Певек.

На Чукотке выходит 1 окружная и 3 районных газеты. Выходят свои многотиражки в порту Провидения, бухте Угольной и других пунктах побережья. Кино усердно посещается чукчами и эскимосами. Иногда можно видеть человека с огромными чемоданами, выезжающего в тундру. Это едет механик звуковой кинопередвижки. Он будет в яранге, за сотни километров, демонстрировать фильм «Берлин».

Если вы только что приехали на Чукотку, то первое, чем вам похвастаются местные жители,— это свежие картофель, капуста, репа. Марковская зональная станция проделала буквально чудеса. В Марковском южном районе (который горделиво именуют «Чукотская ривьера») впервые десять лет назад стали высаживать овощи в открытый грунт. А теперь снимают по 20 тонн картофеля с гектара, там созревает даже цветная капуста. Марковская зональная станция сейчас перекочевала в район бухты Угольной, и где она появляется, там оживает земля.

Завтрашний день Чукотки — это сказочные богатства её недр.

Много потрудились советские инженеры, геологи, геодезисты, картографы, экономисты. Они обошли, объездили, облетели весь огромный округ, равный по площади Германии. Они нашли на Чукотке богатейшие запасы угля, олово, цветные металлы, молибден.

В бухте Угольной всего десять лет назад разведали месторождение угля — длиннопламенного, легко воспламеняющегося, с калорийностью в 7—8 тысяч калорий, «Настоящего флотского угля, которым можно обеспечить всю восточную Арктику!» — говорят энтузиасты горного дела. И добыча этого угля быстро растёт.

Таков «край земли», открытый когда-то казаком Семёном Дежневым. По-настоящему жить начал этот край лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

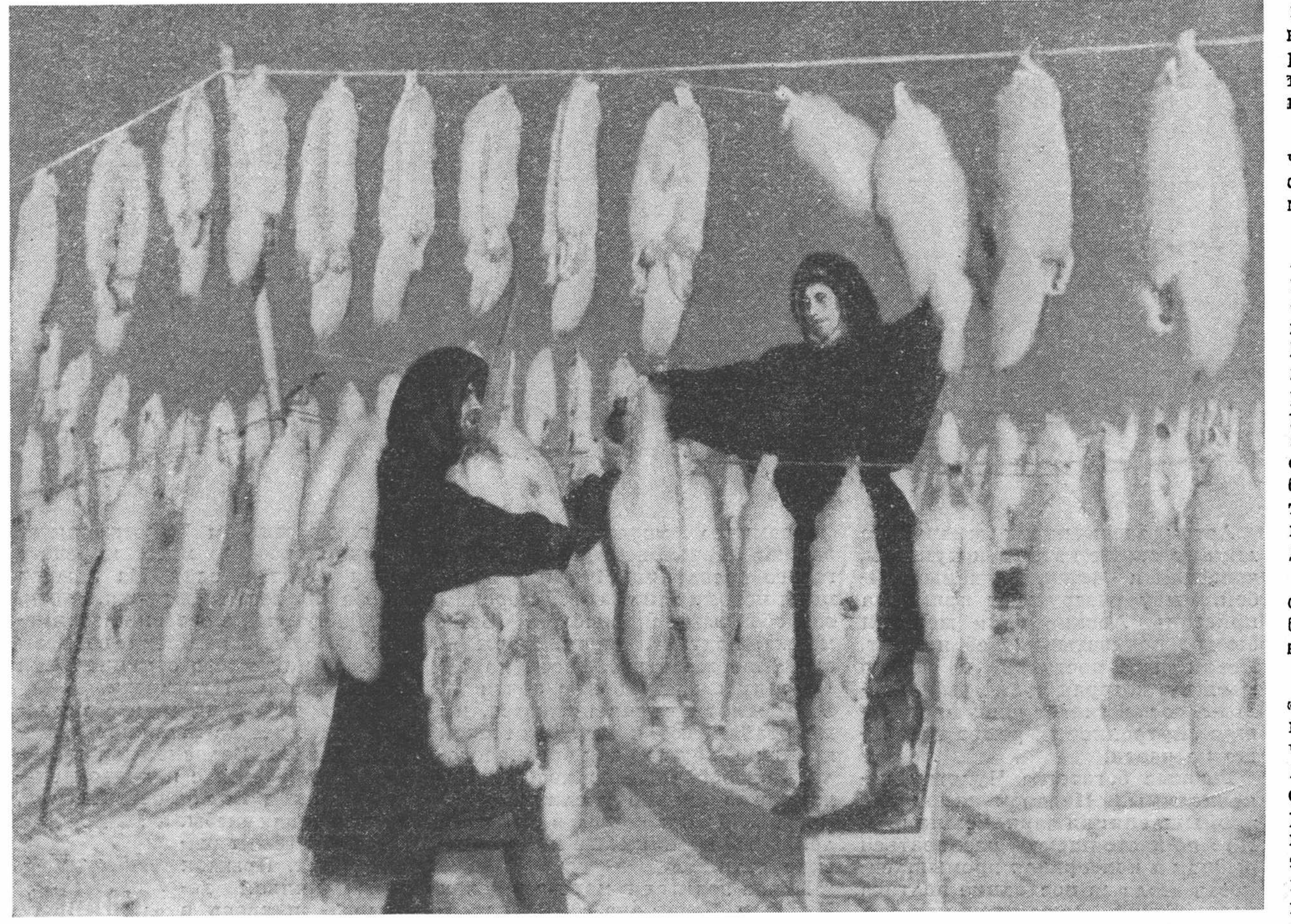
Население Чукотского национального округа с волнением встретило весть, дошедшую сюда по радио, о нападении фашистских орд на великий союз советских народов. Чукчи, эскимосы, эвенки, юкагиры, кирики самоотверженно трудились на помощь фронту. Рыбаки отдавали свои уловы, оленеводы собирали деньги на подарки, охотники присылали меха и шкуры. Колхозники оленеводческого колхоза-миллионера «Турвайргин» («Новая власть») дали 1 миллион 270 тысяч рублей из личных сбережений на танковую колонну «Чукотский колхозник».

Вся Чукотка оплакивала гибель чукчи-лётчика Тимоши Елкова, самоотверженно дравшегося с немецкими захватчиками.

Сейчас в округе большое оживление. Чукотка закончила выборы в Верховный Совет СССР. В «красных ярангах» выступали с горячим словом агитаторы-чукчи Каант, Мария Ильянеут, Кергувие, эскимос Майна. Всех не перечислишь. Их много. Чукчи-учителя, эскимоски-студентки, эвенки-колхозники, юкагиры-охотники — все говорили своим братьям о Сталинской Конституции, об Отечественной войне, о далёком прошлом и будущем.

— Вспомните, как жили наши отцы! Их жизнь была тёмной, как большая ночь, и не было выхода, кроме смерти...

Чукчи называются ещё иначе — «луораветланами». Луораветлан в переводе означает «настоящий человек». Чукча — горд, прямолинеен, кристально честен. «Нет среди них ни воровства, ни лжи,— рассказывают русские педагоги, много лет прожившие здесь, — зато и другому луораветлан не простит ни лжи, ни обиды! Они поразительно чутко отличают настоящее от поддельного, правду от фальши...»

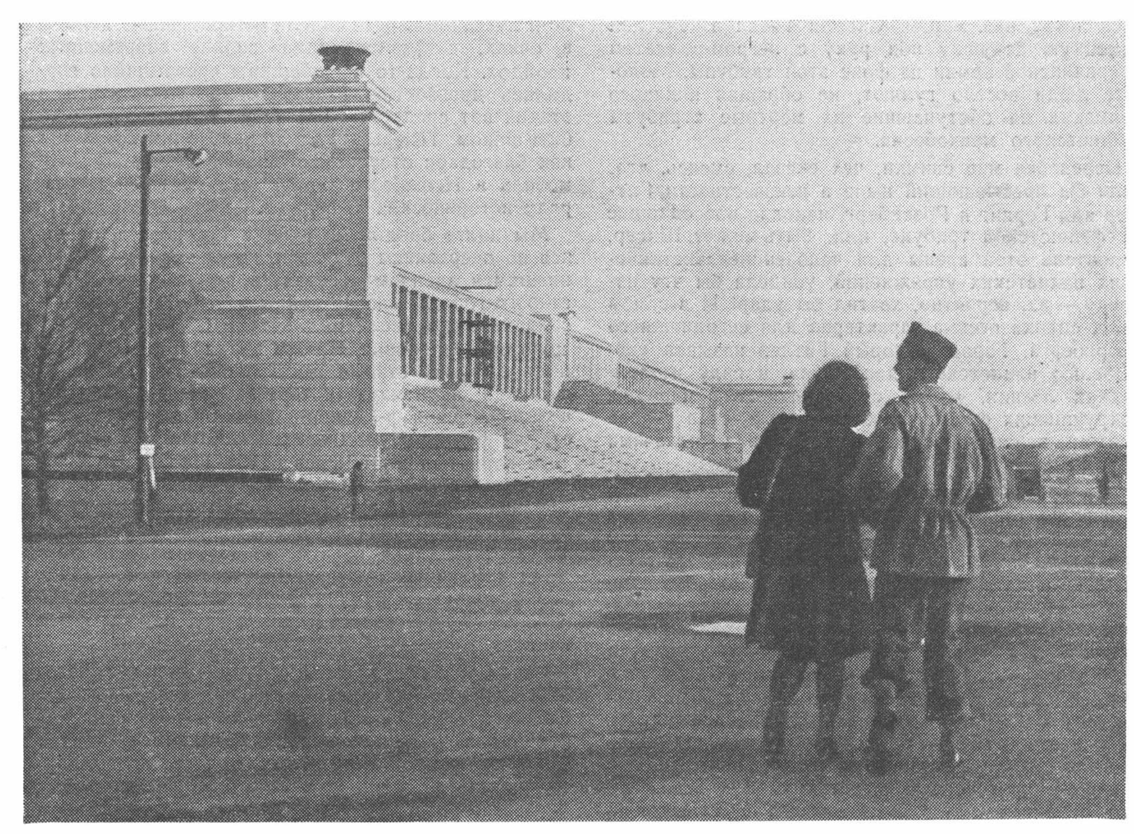

Просушка песцовых шкурок на фактории в Анадыре.

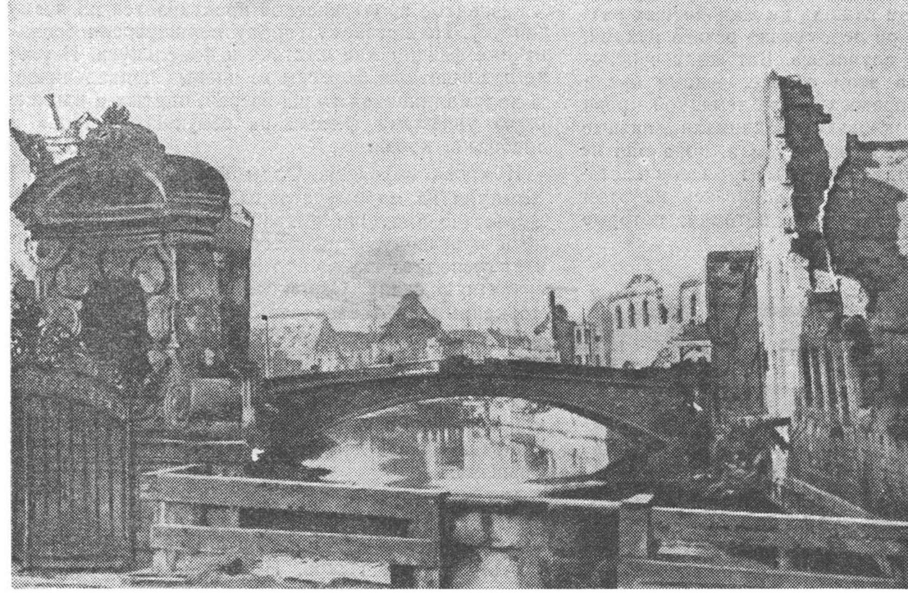
КОЛЫБЕЛЬ И МОГИЛА

Б. Полевой

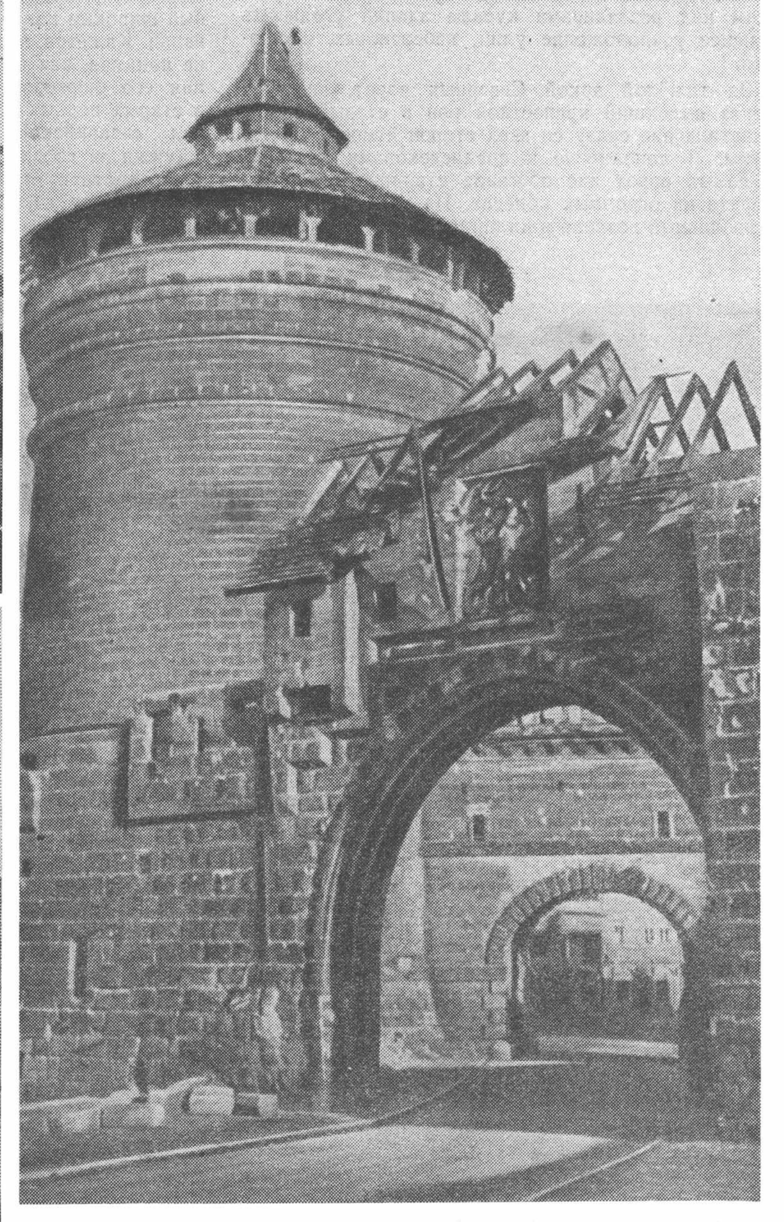
Фото В. Кинеловского и Карела Гаека

Чешский журналист Карел Гаек, в недавнем прошлом партизан и участник восстания в Праге, один из лучших фотомастеров Средней Европы, подарил мне на память знаменательный снимок. На нём он запечатлел гигантскую трибуну в Нюрнберге — ту самую, с которой раз в год Гитлер кликушествовал перед съехавшимся со всей страны фашистским сбродом, выкрикивая свой бред о «нордической крови» и свои окаянные мечты о близком господстве немецкой расы на всём земном шаре. В особых чашах, установленных на крыльях трибуны, беспрерывно горело в те годы чадное пламя, которое должно было символически изображать неугасимое немецкое устремление к

На снимках: вверху, справа, — гигантская трибуна в Нюрнберге, с которой кликушествовал Гитлер...

Слева — уцелевший старинный мост Альтенбрюке.

Внизу, слева, — сложенные из обломков домов лачуги, в которых живут нюрнбержцы.

Справа — башня и ворота крепостной стены в старом городе.

господству над миром. Снимок Гаека запечатлел немецкую девушку под руку с негром-солдатом американской армии на фоне этой трибуны. Молодые люди весело гуляют, не обращая никакого внимания на обступавшие их мёртвые атрибуты фашистского мракобесия.

Передавая мне снимки, чех сказал, смеясь, что, если бы пребывающий ныне в неизвестности Гитлер или Геринг и Розенберг, некогда восседавшие на фашистской трибуне, или, быть может, Шпеер, строитель этой арены для человеконенавистнических нацистских упражнений, увидели бы эту парочку,— их, вероятно, хватил бы удар! И в самом деле, сценка весьма характерна для сегодняшнего Нюрнберга. Город, который Гитлер называл «колыбелью нацистского движения», в силу исторической логики, волею свободолюбивых народов, сокрушивших фашистскую Германию, стал теперь местом великого суда народов над палачами Европы.

В воскресенье, когда пусто в тяжёлом, мрачном здании Юстиц-Паласта, когда приспущены флаги Объединённых наций над судейским подъездом и бандиты сидят в своих одиночках, слушая медленное отстукивание подкованных башмаков американских часовых,—мы поехали осматривать старый Нюрнберг. Впрочем, слово «поехали» здесь неуместно. Союзная авиация ударами с воздуха давно превратила старую часть города в бесформенную груду руин. Немцам за год удалось лишь кое-как разобрать среди них одну — две улицы. Путешествовать по старому городу можно только пешком, да и то с опытным проводником, хорошо знающим протоптанные среди холмов кирпича узкие, извилистые пешеходные тропы и умеющим по каким-то мало определённым ориентирам и торчащим над развалинами кускам зданий угадывать бывшее расположение улиц, набережных, площадей.

За тяжёлой аркой Северных ворот, ведущих через высохший крепостной ров в старый город, охватила нас сразу со всех сторон атмосфера старины. В дополнение к средневековому пейзажу у самых ворот нас обогнала старинного образца карета на огромных колёсах. На козлах восседал живописный возница в цилиндре, с длинным бичом, но в музейной карете сидели обыкновенные дельцы в очках, с физиономиями вполне современных пройдох. Когда-то нюрнбержцы чрезвычайно гордились древностью своего города и кататься в этаких вот средневековых каретах считалось особым шиком. Теперь это стало необходимостью, так как благодаря отсутствию бензина немецкий автомобиль в Нюрнберге может быть отнесён к разряду исторических атрибутов.

Мы долго бродим по руинам Нюрнберга, стараясь по очертаниям развалин, по отдельным сохранившимся зданиям воссоздать перед собой облик старого города, многие улицы и площади которого сохраняли до последних лет архитектуру немецкого средневековья. Но это трудно сделать, даже имея в руках старые фотографии. На старинной площади Хауптмарк, которую фашисты переименовали в Адольф-Гитлер-плац, сохранился только старый фонтан. Чудом уцелел Альтенбрюке — старый горбатый мост через речку Пехнау. Как покосившийся театральный картон, стоит фасад древней ратуши, где ещё в XIII веке духовные предки сегодняшних нюрнбергских подсудимых изобретали дикие расистские законы. Меж двух гряд кирпичных руин, поднимающихся к старому замку, прямо на камнях лежат эмалированные дощечки. «Бургштрассе» (Замковая улица)—значится на них.

Среди развалин кое-где возвышаются памятники завоевателям, кайзерам, географам, мореходам. По странной случайности многие из них сохранились и стоят посреди изорванных взрывами площадей будто только для того, чтобы подчеркнуть взлохмаченность пейзажа.

Бронзовый Ганс Сакс, певец средневекового бюргерства, сидит на стопке своих книг, окружённый широким кольцом отнюдь не живописных развалин. Кажется, что он недоуменно развёл руками, не понимая, как это случилось. Вот жили поколения его бюргеров в этом городе, веками орали в старых пивных о превосходстве немецкой крови над «неарийской» кровью, поднимали пивные кружки за господство над миром и, пока оно не было достигнуто, водили богатых туристов по старому своему городу, немало наживаясь на этом деле. Потом появились у них потомки, которые масштабы пивных подвальчиков решили увеличить до пределов всей Германии. Они построили на восточной окраине города гигантские трибуны. С них, уже не таясь от мира, орали они о необходимости истребить человечество, доказывали, что немецкое «жизненное пространство» простирается по всему глобусу. По древнему городу маршировали бесконечные фашистские шествия и факельцуги. И уже не подвыпившие бюргеры из пивных подвальчиков, а полумиллионная толпа зверей, одетых в нацистскую униформу, ревела на сборищах «хайль» и требовала крови.

Памятник Гансу Саксу.

И кровь полилась. Орды фашистских дикарей хлынули на мирные страны Европы. Дикари неистовствовали. Они поживились так, как и не снилось кровавому Барбароссе, замок которого венчает господствующую над Нюрнбергом гигантскую гранитную скалу. Огромные факельцуги тянулись по кривым средневековым нюрнбергским улицам. Узкие полотнища флагов со свастикой свисали с окон и балконов «колыбели фашизма». Памятник Ганса Сакса, поэта «буйной немецкой крови», в эти дни гитлеровцы украшали венками. Но тут совершилось неожиданное. Сеявшие ветер пожали бурю. Получил свою долю и Нюрнберг — колыбель фашизма.

Мы долго ходим по развалинам. Нам не жалко этих старых, должно быть, когда-то действительно красивых домов, площадей. На улицах Нюрнберга мы вспоминаем Псков, Новгород, Смоленск, Витебск. Мы вспоминаем Сталинград, Воронеж, Харьков, Калинин, Ростов. Вспоминаем все изувеченные немцами города, начиная с маленького испанского города Герника и кончая Веной, Будапештом, Лондоном, Ленинградом.

Мы видим, как живётся сейчас нюрнбержцам. Они ютятся в бомбоубежищах, в бункерах, в подземных помещениях общественных уборных, в хижинах, сложенных наскоро из камня и обломков домов. Но мы вспоминаем, что из-за них миллионы людей бродили в поисках куска хлеба по всей Европе. Мы вспоминаем трупы белорусских, украинских, польских женщин, детей, стариков, умерших от голода и замёрзших в пути. Мы видели столько их на бесконечных наших дорогах, по мере того как Красная Армия отбивала у немцев наши города! И мы понимаем справедливость свершившегося.

Недалеко от этих развалин, в уцелевшей новой части города, в окрашенных серой масляной краской узких одиночках, сидят сейчас те, кто ещё недавно вместе с бесноватым «фюрером» ревели с знаменитой нюрнбергской трибуны о немецкой «расе господ», требовали смерти для целых народов, замышляли истребление целых наций. Мерный стук шагов американских солдат заменяет им часы. Дни их сочтены.

Нюрнберг, эта колыбель фашизма, станет и его могилой. Развалины города, в котором родились кровавые расистские теории, пусть послужат наглядным предупреждением всем, кто явно или тайно мечтает о новых войнах и о господстве над миром.

г. Нюрнберг.

Памятник изобретателю глобуса Мартину.

Карета на улицах Нюрнберга.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА М. ГОРЬКОГО К Е. С. КОРОЛЕНКО

Осенью 1900 года Владимир Галактионович Короленко покинул Петербург. Это было связано с творческими планами писателя. Перемены места требовало и его здоровье. Свой выбор Короленко остановил на Полтаве, куда переехал в сентябре. Сначала он поселился в Круглом переулке, в доме Старицкого, а затем, в 1903 году, снял квартиру у Будаговского, на Малой Садовой улице, носящей ныне имя писателя.

В этом доме В. Г. Короленко работал последние восемнадцать лет своей жизни. Здесь он редактировал «Русское богатство», здесь им были написаны крупнейшие произведения, в том числе «История моего современника». В этом же доме 25 декабря 1921 года Владимир Галактионович умер.

Литературное наследство Короленко осталось на попечении его жены Евдокии Семёновны и дочерей Софьи Владимировны и Натальи Владимировны. При участии коллектива сотрудников они привели в порядок все автографы писателя, его архив, подготовили первое полное собрание его сочинений, издали несколько томов дневника, писем. В 1927 году в доме был открыт мемориальный музей Короленко. Его посещали все, кому было дорого и близко имя писателя.

В 1941 году, когда фашистские орды появились на Украине, семье Короленко пришлось эвакуироваться. Спасти удалось самое ценное. В музее всё же остались обстановка писателя, его библиотека, личные вещи. Всё это варварски уничтожено немцами. Дом Короленко со всей обстановкой был облит бензином и сожжён.

В спасённом архиве имеются письма М. Горького к жене писателя Евдокии Семёновне, относящиеся к 1924—1927 годам.

Горький неоднократно говорил и писал о значении творчества Короленко; свои мысли и воспоминания он опубликовал в известном очерке «В Г. Короленко». Но Алексей Максимович сам признавал неполноту этого очерка и собирался сделать дополнения. Его письма к жене Короленко отчасти выполняют это намерение: характеристика Короленко в них более закончена.

Немало новых ценных биографических данных и о самом Горьком мы находим в этих письмах.

Евдокия Семёновна Короленко, урождённая Ивановская, принадлежала к известной семье революционных деятелей семидесятых и восьмидесятых годов прошлого века. За своё участие в революционном движении она была арестована и сослана в Повенец, где и познакомилась с сосланным туда же Владимиром Галактионовичем.

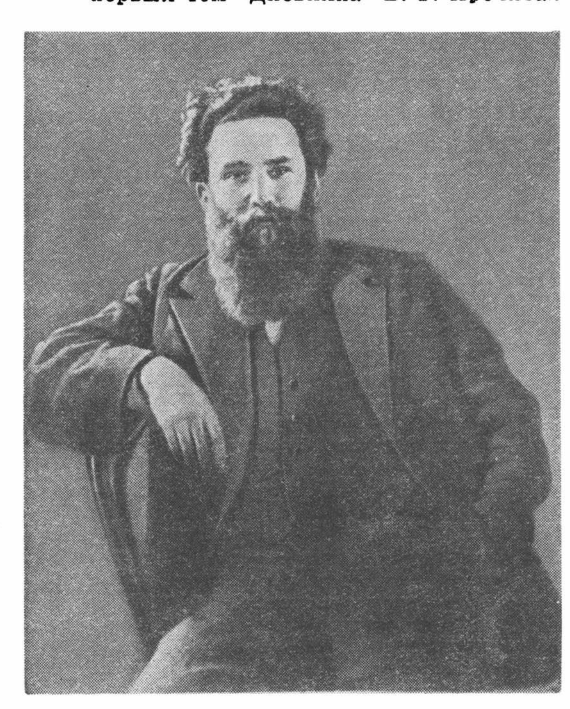
Моральный облик этой женщины дан М. Горьким в сжатом, но ярком отзыве в одном из печатаемых нами писем.

Первое письмо Горького к Е. С. Короленко из Сорренто было датировано 5 июня 1924 года. В связи с приготовлением к печати первого тома писем Короленко Горький сообщал:

> «В письмах Владимира Галактионовича ко мне никаких купюр не надо делать. Но если Вы найдёте нужным, поместите два прилагаемых примечания, однако, я не считаю их необходимыми.
>
> Эти письма В. Г. ещё раз великолепно обнаруживают, как справедлив и непреклонен был Ваш родной человек в его отношениях к людям и как, в то же время, внимателен был он к ним, — редкий человек по красоте и стойкости духа.
>
> Мои о нём воспоминания написаны торопливо и плохо. Я мог бы сказать о В. Г. вдвое больше и лучше. Я это ещё сделаю, переработав «Воспоминания», — посылаю их вместе с этим письмом.
>
> Как неутомимый возбудитель этических чувств и правосознания В. Г. был активнее и ближе к жизни, чем Л. Н. Толстой».

В сентябре 1925 года Е. С. Короленко прислала М. Горькому первый том «Дневника» Владимира Галактионовича. М. Горький поспешил 3 октября написать Евдокии Семёновне:

> «Примите мою сердечную благодарность за присланный Вами подарок, — первый том «Дневника» В. Г. Прочитал

В. Г. Короленко.

Жена В. Г. Короленко — Евдокия Семёновна.

> всю книгу сразу, в один день, и она так взволновала меня, так много напомнила, что — хоть плакать! Какая огромная жизнь прожита нами, Евдокия Семёновна, и как хорош в этой трагической жизни образ Владимира Галактионовича.
>
> Дневник воскресил его образ предо мною, освежил память, вернул меня в Россию, в Нижний. Это — волнует. Очень. Скоро-ли выйдет 2-ой том? Будьте добрая пришлите и его.
>
> Позвольте крепко обнять Вас, пожелать Вам бодрости духа, необходимой, чтоб кончить труд, взятый Вами на себя».

Впечатления от «Дневника» были столь сильны, что М. Горький через четыре дня в письме к Евдокии Семёновне снова вернулся к этой книге:

> «О том, что я получил «Дневник», я уже писал Вам кратко и наскоро. И подарком Вашим и «Дневником» был очень взволнован. Я, ведь, весь в прошлом, мне 57 лет. Есть такая картина «Всё в прошлом», полуразрушенный дом, на крыльце его — старая барыня в кресле, а на ступенях — старуха-служанка вяжет чулок. Барыня — это моя проклятая память, а служанка её — сам я. Мне слишком много тяжёлого и даже ужасного приходится вспоминать.
>
> А Вы и «Дневник» разбудили в памяти моей хорошие дни. Я вижу Вас и его, В. Г., такими, как видел в 93 году, в доме Лемке. Вижу у Вас Н. Ф. Анненского, Савельева [1], помню столовую, где Вы угощали меня чаем, кабинет В. Г. и его у конторки. Он, ведь, для меня был и остаётся самым законченным человеком из сотен мною встреченных, и он для меня идеальный образ русского писателя. Таких, как он, долго не будет. Да и — будет-ли.
>
> Мне горестно знать, что я мало встречался с ним, меньше, чем мог бы. У меня к нему было чувство непоколебимого доверия. Я был дружен со многими литераторами, но ни один из них не мог внушить мне того чувства уважения, которое внушил В. Г. с первой моей встречи с ним. Он был моим учителем недолго, но он был, и это моя гордость по сей день. Говоря так, я ничего не преувеличиваю.
>
> Мне хотелось бы и Вам, Евдокия Семёновна, сказать какие-то очень сильные слова любви и уважения. Но я не умею сделать этого. Однако, поверьте, я знаю, что значит быть женою русского писателя и верным другом на всём пути его. Я знаю это потому, что такие жёны-друзья почти не наблюдались мною. Нигде и ни с кем.
>
> Простите, если это искреннее желание сердечно поклониться женщине, покажется Вам грубым, излишним, бестактным. Не пришлёте ли Вы мне один из последних портретов Владимира Галактионовича, наиболее похожий на него? Был бы очень благодарен».

Квартира В. Г. Короленко в Нижнем Новгороде была центром, где собирались представители тамошней прогрессивной интеллигенции. Упоминаемый М. Горьким Н. Ф. Анненский — известный публицист и общественный деятель — вместе с В. Г. Короленко редактировал журнал «Русское богатство». В 1905 году Анненский был арестован вместе с М. Горьким в связи с событиями 9 января. Об Анненском Горький в другом письме писал: «Знал я его мало, но видел и этого достаточно было мне для того, чтобы и уважать и любить Н. Ф.».

В декабре 1925 года М. Горький получил два тома «Писем В. Г. Короленко». 13 декабря он писал из Неаполя:

> «Дорогая Евдокия Семёновна, — спасибо.
>
> Получил два тома писем В. Г., прочитал, — сколько знакомого, знакомых, какая буря полузабытых впечатлений возникла в памяти сердца и ума. И хотя я в те годы — с 85-го по конец 89-го — в Нижнем не жил, а лишь два или три раза был в нём, но писателя Короленко уже читал, человека — знал по рассказам Ромася, Н. Е. Каронина, Старостина и — особенно! — по прекрасным рассказам одного «нелегального» приятеля М. А. Ромася.
>
> Глубоко в прошлое ушло всё это, но помнится так живо, что, порою, сам изумляешься чёткости этих записей в душе.
>
> Кажется в 89-м году я принёс В. Г. свою поэму «Песнь старого дуба». В ту пору я был уже лично знаком с Карониным, встречал Мачтета и Н. Н. Зла-

[1] А. А. Савельев — крупный земский деятель, депутат от Нижнего Новгорода в первую Государственную думу.

товратского, но, почему-то, у меня не возникло желания показать «труд» мой ни одному из них.

Позднее я показал ему «Сказку о фее и рыбаке», написанную стихами и прозой. — он сказал: «Пессимистическое отношение к любви. Это частенько бывает в вашем возрасте, но — с этим не следует торопиться, такое отношение гораздо естественней лет в 50».

Прекрасно улыбался он в курчавую свою бороду. И хорошо смотрели на людей его умные, строгие, милые глаза. Читая «Письма», я очень вспоминал его улыбку.

Почему издано только два тома? Письма имеют глубокое историческое и историко-литературное значение».

Н. Е. Каронин-Петропавловский, Г. А. Мачтет — известные тогда писатели. А Н. Н. Златовратский был даже одним из главных представителей народнической литературы, впоследствии член Академии наук. И всё же молодой Горький своё произведение показал только В. Г. Короленко, с которым лично был тогда ещё мало связан. Известную роль в этом отношении сыграл М. А. Ромась, революционер-народник, одно время работавший вместе с Горьким. Его отзывы о Короленко глубоко запали в сознание молодого Алексея Максимовича. Из этих отзывов и выросло впоследствии известное нам восторженное отношение Горького к Короленко.

Выход второго тома «Дневника» Короленко вызвал новое письмо М. Горького от 24 декабря 1926 года из Сорренто:

«Дневник» В. Г. я получил и очень тронут Вашей любезностью. Спасибо. Ценная книга, очень красноречиво говорит об эпохе и — сколько в ней большой художник посеял таланта, сколько умного сердца в ней...

Здоровье моё? Мне 58 лет, в марте будет 59, и это сказывается. Жизнь прожита не очень легко и просто. Но я работаю много. Живу вдали от людей, очень спокойно, нигде не бываю.

Вы, Е. С., получите это письмо в первые дни Нового года. От всей души желаю Вам и Вашим доброго здоровья, бодрости духа и — так хотелось-бы, чтоб Вам удалось выпустить в этом году побольше книг В. Г.».

10 июля 1927 года, в связи с получением XXII тома собрания сочинений В. Г. Короленко, М. Горький писал Евдокии Семёновне:

«Спасибо за XXII том и простите, что Вас не поблагодарил своевременно. Старею, изменяет память, да и работы много, времени не хватает.

XXII том я читал с наслаждением и — с грустью. С грустью не только о том, что нет уже человека, который мог писать такие вещи, как «Талант» и «Бр. Мендель», но и о том, что, отдавая свои силы художника борьбе за справедливость и против бытового зверства, он не дописал этих вещей. Изумительна и поучительна была в нём добросовестность художника! Меня особенно, разумеется, удивила и заинтересовала тема «Таланта» — глубокая и трудная тема, её у нас в литературе никто не касался. Превосходно по чёткости, по пластике и мудрой простоте начата «Братья Мендель». Похоже на старых французских мастеров, как Проспер Мериме.

Живу я — в работе, нигде не бываю, сижу за столом по 10, 12 часов. Даже гулять редко хожу. Здоровье — сообразно возрасту...

Бывают у меня люди из России, люди разных настроений, но рассказы всех будят только зависть к ним, к тому, что они живут в России».

Как известно, вскоре М. Горький осуществил своё стремление вернуться на родину.

В своём очерке «В. Г. Короленко» М. Горький писал: «Я уверен, что культурная работа В. Г. разбудила дремавшее правосознание огромного количества русских людей. Он отдавал себя делу справедливости с тем редким, целостным напряжением, в котором чувство и разум, гармонически сочетаясь, возвышаются до глубокой, религиозной страсти. Он как бы видел и ощущал справедливость, как все лучшие мечты наши, она — призрак, созданный духом человека, ищущий воплотиться в осязаемые формы...

Всю жизнь, трудным путём героя, он шёл навстречу дню, и неисчислимо всё, что сделано В. Г. Короленко для того, чтобы ускорить расцвет этого дня».

Не удивительно, что фашизм сжёг на костре в Полтаве всё, что имело отношение к Короленко, пламенному и неустанному борцу против мракобесия. Его труды и ныне живут в среде культурного человечества и служат грозным оружием против фашистского варварства.

25 декабря 1946 года исполнится 25 лет со дня смерти Владимира Галактионовича. Наша общественность достойно отметит эту дату. Из пепла и руин возродится дом Короленко в Полтаве. И надо надеяться, что осуществится мечта М. Горького дать народу как можно больше книг В. Г. Короленко.

Н. РОСТОВ

НОВЫЕ КНИГИ

ВЫСОКИЕ ПОМЫСЛЫ ПОЭТА

«У меня нет времени, чтобы написать короткие стихи», — сказал однажды большой поэт. Лирическая миниатюра, восемь — двенадцать строк, таящие заряд огромной эмоциональной и философской силы, — результат высокой дисциплины ума, собранности, творческой сосредоточенности и уменья.

Степан Щипачёв принадлежит к поэтам, знающим цену слова. И, как лирик, он заставляет говорить не только слова, но и то, что сквозит за ними, — подтекст.

Новый сборник Щипачёва «Строки любви» («Советский писатель») от первой до последней строки посвящён теме любви.

Любовь, которую воспевает Щипачёв, чиста и сильна, без потуг на трагедийность. Берёзку, почти нагую, «к земле сгибает ливень», но она «глянет молчаливо» — и «дождь уймётся». Буран возьмёт её за плечи, но

«...она,
Видать, характером прямая,
Кому-то третьему верна».

Щипачёв в своей немногословной и прозрачной лирике исповедь предпочитает проповеди и обличению. Но тон его становится резко обличительным, когда речь идёт о забвении высоких понятий:

«Ты порой целуешь ту,
порою — эту
В папиросном голубом
дыму.
Может быть, в упрёках
толку нету,
Да и не к лицу мораль
поэту,
Только страшно стариться
тому,
Кто любовь, как мелкую
монету,
Раздавал, не зная сам,
кому».

Это моралитэ Щипачёв произносит лишь в конце книги, после того, как читатель уже почувствовал, сколь высоки помыслы самого поэта, с какой чистотой говорит он о своей любви, которая

«...с хорошей песней
схожа,
А песню не легко
сложить».

Такие стихи, как «Ветер», «Примета», «Поезд в полночь», «У моря», «Мне глаза твои забыть едва ли» и ряд других, запоминаются надолго. Поэт здесь закрепляет в слове те чувства, которые владеют сотнями людей, не умеющих выразить их.

В истории поэзии множество стихов было посвящено несчастной, неразделённой любви. У Щипачёва мы встречаемся со счастливой любовью, с чувством, в котором поэт рос и мужал:

«Не знаю, под счастливой
ли звездою
В глуши завьюженной
родился я,
Но если я чего-нибудь да
стою,
Причиной — ты, любовь
моя».

Сборник Щипачёва «Строки любви», хоть он и составлен из стихов разных лет, производит цельное, композиционно стройное впечатление. В нём есть единство образов, есть то, что Станиславский на театре называл «сквозным действием».

«Строки любви» посвящены старой, как мир, но всегда новой теме, столь нужной нашим читателям, в первую очередь — молодёжи.

О. Львов

ДА, ЭТО БЫЛО В ЛЕНИНГРАДЕ

Повесть А. Чаковского «Это было в Ленинграде» («Советский писатель») рассказывает о стойкости, мужестве, неугасимой вере человека в победу в самые тяжёлые дни блокады Ленинграда. Написанная от первого лица, книга эта подкупает задушевностью, лиричностью и тем самым чувством правды, которое создаёт рассказ участника и очевидца.

Герой повести — сотрудник фронтовой газеты. Начало книги несколько даже напоминает очерк военного корреспондента, рисующего жизнь фронтовых журналистов, их работу, полную мужества, риска, опасности. Читатель видит героя повести и на переднем крае и в госпитале, куда он попадает после контузии.

Перед нами проходит много разных людей; их судьбы, поведение, разговоры типичны для советских людей эпохи Великой Отечественной войны. Всё это и создаёт тот фон, на котором развёртывается основной сюжет повести, начинающийся с того момента, когда её героя командируют корреспондентом в Ленинград. Это совпадает с самым сильным его желанием: в Ленинграде живёт любимая женщина, от которой он после бесконечного ожидания и беспокойства получает письмо, рисующее тяжкую картину ленинградской жизни. «...Я теперь как-то не совсем различаю, — писала она, — что страшно, а что не очень. Наверно, очень страшно было неделю жить один на один со своей умершей матерью, варить у её ног на буржуйке похлёбку из 30 граммов муки и с тупой жадностью тут же поедать её.

Наверное, страшно потерять единственного ребёнка...»

Прилетев на самолёте, после долгих мытарств и блужданий, в этот город, окружённый врагом, герой повести настойчиво и упорно ищет свою подругу. Он узнаёт, что она уехала медсестрой в армию и находится в санитарном отряде, обслуживающем Ладожскую трассу.

Цепь вполне реальных препятствий, которые стоят на пути к их встрече (впоследствии она происходит), — удачный литературный приём, дающий возможность разнообразнее и полнее показать Ленинград и его людей в дни блокады. Люди эти по-разному приходили к сознанию своей ответственности за город, за жизнь своих близких, за свою собственную жизнь; по-разному обретали мужество.

Любовь ленинградцев к своему городу, сверхчеловеческие усилия для защиты его хорошо удалось передать автору.

Одна из частей книги называется «Как я стала ленинградкой». Эта, как бы вставная новелла о счастливой и жизнерадостной женщине, потерявшей во время войны всех близких и ставшей после жестоких испытаний закалённым тружеником и борцом, выражает основную идею повести: любовь к родине, помноженная на горе и гнев, родила ту силу и стойкость, которые помогли отстоять Ленинград.

Повесть Чаковского написана в несколько импрессионистической манере. Это создаёт неуловимую и в то же время реально ощущаемую атмосферу, в которой происходили великая трагедия и великая победа Ленинграда.

Л. БАТЬ

По дорогам войны. На пепелище.
1941 год

Фото М. Савина

ЛУЧШИЕ РАБОТ
МАСТЕРОВ
СОВЕТСКОГО ФОТ

По дорогам войны. Они пришли за нашей землей.

Фото М. Савина

РОВНО В ПОЛНОЧЬ

Б. Райтонов

Повесть

Рисунки Г. Балашова.

(Продолжение)

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

В штаб немецкого заградительного отряда прибыл агент немецкой разведки Лауниц для работы в оккупированном Нефтеграде. Одновременно в штаб отряда доставляют пленного партизана, но ему удаётся бежать. Лауниц в Нефтеграде приступает к исполнению своих обязанностей коменданта города. Чтобы завоевать популярность у населения, он приказывает начальнику гестапо Гейнцу освободить некоторых арестованных. Гейнцу поведение Лауница начинает казаться подозрительным, о чём он сообщает своей помощнице, следователю гестапо — Луизе Миллер. На допросе в гестапо Гейнц требует, чтобы один из арестованных, профессор Кузнецов, дал ему карты нефтеносных участков. Кузнецов отказывается. Лауниц приказывает Гейнцу освободить профессора. Гейнц сообщает о своих подозрениях особоуполномоченному Гиммлера оберштурмбанфюреру фон Руммелю. Лауниц преподносит Руммелю карты нефтеносных участков, полученные им от профессора Кузнецова. Гейнцу доставляют найденный портфель, в котором он обнаруживает личное дело Лауница с фотографией человека, совершенно непохожего на нового коменданта. Гейнц пытается разоблачить Лауница перед Руммелем. Но основной его козырь бит, так как на фотографии изображён покойный чемпион мира по шахматам — Капабланка. И без того раздражённый Руммель узнаёт, что карты нефтеносных участков, которые он накануне получил от Лауница и дал сохранить Гейнцу, исчезли из сейфа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Свет карманного фонарика беспокойным пятном скользнул по стене, книжному шкафу, дивану и потух. В кабинет коменданта Нефтеграда неслышно вошёл человек. Это был Гейнц.

— Одного поставьте внизу, остальные пусть будут вместе с вами — в коридоре. Что бы ни случилось, без моего зова в комнату не входить! — тихо сказал он следовавшему за ним офицеру-эсэсовцу.

Гейнц прикрыл за офицером дверь и направился в глубь кабинета. Но тут из соседней комнаты послышались неторопливые шаги. Снова вспыхнул луч фонарика, заметался по комнате и остановился на тяжёлой бархатной портьере...

Опираясь на костыль, в кабинет вошёл Лауниц и нажал кнопку настольной лампы.

— До чего же тоскливо пить в одиночестве! — неожиданно проговорил он, доставая коньяк и две рюмки. — Хотя бы Гейнц зашёл ко мне! Что ему стоит, со свойственным ему юмором, спрятаться, ну хотя бы за этой портьерой!

Гейнцу ничего не оставалось, как выйти из своего укрытия.

— Откуда вы, прелестное дитя? — с наигранной весёлостью произнёс Лауниц.

— Как вы узнали, что я здесь? — без тени смущения спросил Гейнц.

С какой радостью вызвал бы он солдат, сидевших в засаде, и арестовал этого ненавистного ему человека! Но нет, не настала ещё желанная минута. Он должен сперва вырвать признание. Под тяжестью улик, которые ему удалось собрать за последние сутки, Лауниц будет вынужден сознаться.

— Я чуточку психолог, — ответил Лауниц. — Посудите сами, вы уже разжалованы, завтра начнёте сдавать дела, а как заманчиво, чорт возьми, именно теперь разоблачить коварного Лауница! Знаете что, Гейнц? Лучше оставьте меня в покое. Я опасный враг!..

— Не спорю, вы умны и дьявольски изворотливы, — ответил Гейнц. — Вчера вы поставили меня в затруднительное и, признаюсь, глупое положение...

— Может быть, это и заставило вас думать, что я не Лауниц?

— Нет, не это. Я исходил из глубокого убеждения, что профессор Кузнецов не мог передать вам карты.

— Очень разумно, — согласился Лауниц.

Гейнц даже привстал от неожиданности.

— Вы это подтверждаете? — спросил он.

— Я? Нет! Это подтверждает тот господин Неизвестный, роль которого вы так упорно мне навязываете.

Гейнц криво усмехнулся:

— Ах, вот оно что!.. Мне понятно: господин Неизвестный вручил господину Руммелю поддельные карты, но где подлинные?..

— Думаю, они в Москве...

— Поражаюсь вашей осведомленностью! А как вы умудрились достать из сейфа карты, — я всё равно узнаю. Вы также выдали себя бегством Кузнецова, — продолжал Гейнц. — Отдаю должное вашей изобретательности. Трюк с пропуском проделан безупречно. Ваши сообщники захватили Коха, отобрали пропуск и подчистили его, чтоб отвлечь от вас подозрение.

— Однако это не удалось, поскольку вы подозреваете, — улыбнулся Лауниц.

— Да, не удалось, — подтвердил Гейнц. — Вот с фотографией Капабланки вы рассчитали правильно. Тут я попался в психологическую ловушку. Увидев на карточке не ваше, а другое лицо, я так обрадовался, что даже не усомнился в подлинности улики. Но теперь мне всё понятно. Ваши сообщники нашли портфель Паули, и вы, содрав фотографию настоящего Лауница, подклеили первую попавшуюся!..

Лауниц нетерпеливо посмотрел на часы.

— Послушайте, Гейнц, — сказал он. — Вы болтаете почти полчаса и порядком мне надоели. Почему я трачу время с вами, — я знаю. Но чего добиваетесь вы? Не пора ли, дорогой гость, вам идти домой?

— Я, господин комендант, не гость, я присутствую здесь как официальное лицо. Садитесь, — приказал он и вынул из кармана пачку бумаг. — Эти материалы полностью изобличают вас. Вот документ, из которого видно, что техник Глухов выдавал советских людей. Поэтому-то вы и приказали его расстрелять. Ну-с, что вы теперь скажете?

Каждая чёрточка лица Гейнца светилась гордостью. Он так увлёкся обвинением, что не услышал шума, который доносился из коридора. Лауниц был более внимательным.

— Мне трудно подыскать нужные слова, — сказал он. — Попытаюсь ответить вам звуками, — к полнейшему удивлению Гейнца, он сел за рояль, и в кабинете раздались бравурные аккорды.

— Хотите скрыть своё волнение? — торжествующе воскликнул Гейнц. — Так слушайте дальше, господин комендант. Мне стало известно, что в Особом районе появился большевистский эмиссар Яковлев. А вчера мне удалось установить, что один из его сообщников орудует в Нефтеграде и выдаёт себя за немца. Что же вы перестали играть?

С улицы донёсся долгий, протяжный звук автомобильного клаксона. Гейнц не обратил на это внимания. Он впился глазами в своего противника, собираясь нанести последний, сокрушительный удар:

— Слушайте, Лауниц, этот агент выше среднего роста, глаза у него серые, волосы светлые... Есть ли смысл дальше запираться, господин, виноват, товарищ большевик?

Но и на этот раз начальник гестапо ошибся в своих расчётах. Комендант был попрежнему невозмутим.

Лауниц лениво потянулся и проговорил, сладко зевая:

— А у вас богатая фантазия, Гейнц. Неуловимый агент советской разведки в форме немецкого офицера, гениальный начальник гестапо, затмевающий славу Шерлока Холмса, наказанный порок и добродетель, награждённая железным крестом. Превосходный материал для роты пропаганды!

Нервы Гейнца не выдержали.

— Перестаньте кривляться! — закричал он и тотчас услышал привычный для германского солдата окрик начальника.

— Молчать! Встать! Руки по швам! Как вы смеете так со мной разговаривать? — приказал Лауниц.

Гейнц механически вытянулся.

А Лауниц уже говорил по телефону с Руммелем.

— Будет выполнено в точности, господин оберштурмбаннфюрер, — закончил Лауниц и повесил трубку. Обращаясь к Гейнцу, он сказал: — Начальник предложил выбросить вас в окно, но я избавлю вас от воздушного полёта. Потрудитесь немедленно убраться отсюда. Марш!

Гейнц понял, что и на этот раз ему не удалось победить Лауница.

— Слушаюсь, господин комендант, — покорно ответил он и направился к двери.

Без костыля, совсем не хромая, Лауниц пошёл за ним.

— Вот когда ты попался! — закричал Гейнц.

— Гейнц, — вкрадчиво спросил он, — печать гестапо случайно не с вами?

Вместо ответа Гейнц выхватил пистолет.

— Вот когда ты попался! — задыхаясь от радости, закричал Гейнц.

— Да, я проиграл, — проговорил Лауниц. — Я забыл о костыле... Хорошо, я всё расскажу.

— Говори, — сурово приказал Гейнц и, не выпуская пистолета из рук, сел в кресло.

— Мне придётся с самого начала вас огорчить, Гейнц. Вы всё-таки ошиблись. Я не сообщник Яковлева, я сам Яковлев!

Когда Гейнц понял, что на этот раз комендант говорит серьёзно, а не издевается над ним, как обычно, ему стоило огромных усилий сдержаться и не нажать спуск пистолета.

— Продолжай, — приказал Гейнц.

— Слушаюсь, — послушно ответил комендант и, взглянув на часы, воскликнул: — Я так волнуюсь!

Он взял со стола сигарету и попросил у Гейнца спичку. Гейнц небрежно придвинул к краю стола коробок. Комендант наклонился, и в следующее мгновенье пистолет был у него в руках.

— Ну и дорого же тебе это обойдётся, собака! — прошипел Гейнц и закричал: — Отто! Ко мне!

Комендант спрятал в карман пистолет Гейнца.

— Зачем так кричать? — сказал он, насмешливо глядя на Гейнца. — Бесполезно! Помните, я услаждал недавно ваш слух звуками музыки?! Как раз в этот момент и убирали ваших людей, сидевших в засаде. Затем автомобильные сигналы известили меня, что пора прекращать игру... Мне некогда, Гейнц, давайте печать гестапо. И не отказывайтесь: я знаю, она с вами.

Гейнц долго рылся в карманах, наконец, достал круглую металлическую коробочку и сердито бросил её на стол. Коробочка подпрыгнула и упала на ковёр.

На то, чтобы поднять упавшую коробочку, коменданту понадобилось всего несколько секунд, но их было достаточно для Гейнца, который успел достать из кармана печать и спрятать её в обивку кресла. Комендант открыл коробочку. Она была пуста...

— Разве в футляре нет печати? — удивился Гейнц. — Значит, я оставил её в гестапо...

В комнату вошли три вооружённых эсэсовца. Увидев их, Гейнц стремительно вскочил с кресла и бросился навстречу к ним.

— Взять его! Он переодетый партизан! — закричал Гейнц.

Солдаты недоумевающе переглянулись. Гейнц побледнел.

— Я вынужден опять вас огорчить, господин начальник гестапо, — нарушая тишину, сказал Лауниц. — Эти немцы ни слова не понимают по-немецки.

Один из вошедших протянул коменданту пакет. Комендант вскрыл его, прочитал и жестом отпустил солдат.

— Где шифр, Гейнц? И не лгите мне опять. Шифр у вас в квартире, но где вы его спрятали?.. Да говорите же быстрее! — в его голосе послышалась угроза. — Если вы не скажете, мне придётся вас расстрелять. Ну?

Гейнц отвернулся.

— Отлично, Гейнц! — совершенно другим тоном произнёс комендант. — О вашем безукоризненном поведении я доложу господину фон Руммелю.

— Опять новый трюк? — бледнея от бессильной ярости, спросил Гейнц.

— Не трюк, а проверка. Поздравляю, вы держались прекрасно. И увы, опять должен вас разочаровать. Я всё-таки Лауниц, а не Яковлев.

Гейнц исподлобья взглянул на коменданта.

— Зря стараетесь, — процедил он. — Больше вам не удастся меня одурачить.

— Вам придётся поверить! — комендант достал пистолет и протянул его Гейнцу. — Срочно отправляйтесь к господину фон Руммелю. Он вас ждёт. — Комендант опустил пистолет в кобуру Гейнца и добавил: — Можете воспользоваться моей машиной. Я позвоню фон Руммелю, что вы с честью выдержали испытание.

— Ничего не понимаю!.. — прошептал Гейнц. Он вышел, но сразу же вернулся. — Я один не поеду! — решительно заявил он.

— Гейнц, не задерживайтесь, вас ждёт господин фон Руммель!

Комендант стоял спиной к Гейнцу и смотрелся в зеркало. Воспользовавшись этим, Гейнц достал из обивки кресла печать и повеселевшим тоном произнёс:

— Слушаюсь, иду.

— Нет, подождите, Гейнц, — остановил его комендант. — Сперва отдайте печать.

Удивление изобразилось на лице Гейнца:

— Какую печать?

— Ту самую, которую вы сейчас положили в карман, — продолжал комендант. — Спасибо, Гейнц, без вашей помощи я никогда в жизни не догадался бы, где она спрятана. Гейнц, я опять вас обманул. Ведь я всё-таки Яковлев!

Начальник гестапо выхватил из кобуры пистолет.

— Руки вверх! — приказал он. — И если тебе дорога жизнь, ни звука! — он подошёл к телефону: — Алло! Ноль четыре! Господин оберштурмбаннфюрер? У аппарата Гейнц. Я в плену у Лауница. Он партизан Яковлев. Его агенты сейчас обыскивают мой дом. За портретом фюрера, в стене несгораемый шкаф, там был спрятан шифр. Если его там не окажется, — принимайте срочные меры.

— Хватит, Гейнц, спасибо, — опуская руки сказал Яковлев.

Гейнц нажал спуск — выстрела не последовало.

— Спрячьте пистолет, — улыбнулся Яковлев, — он без патронов. Давайте печать.

Гейнцу пришлось подчиниться. Комендант спрятал печать в карман.

— А правильно я рассчитал, что вы всё же вернётесь за ней? — проговорил он.

— Ты... дьявол! Ты... Ты... — захлёбывался Гейнц.

То, что произошло дальше, казалось Гейнцу тяжёлым сном. Комната заполнилась полицейскими, солдатами, офицерами немецкой армии. Но все они говорили по-русски — это были переодетые партизаны. Яковлев выслушивал их доклады, отдавал распоряжения. Гейнц видел, как выписывались документы и пропуска, на которые ставилась печать гестапо.

Но самое страшное было для него ещё впереди.

— Разрешите доложить, товарищ капитан, — услышал Гейнц радостный голос. — Тюрьма захвачена без шума. Все наши выпущены. По вашему заданию минированы: главный склад боеприпасов, бензохранилище, танкоремонтный завод. Взрыв в два часа десять минут.

— Вот видишь, Андрей, а ты ещё сомневался в успехе! — раздался голос Яковлева. — А где Ганна?

— Я здесь, товарищ капитан, — услышал Гейнц знакомый голос.

— Полюбуйтесь, Гейнц, ещё одно чудо, — сказал Яковлев. — Коваленко воскресла из мёртвых. Ну, Ганна, докладывай!

Коваленко сообщила, что автомобиль генерала Шервица у подъезда, а охрана заменена переодетыми партизанами.

— Молодец! — похвалил её Яковлев. — Иди, кончай дела, а когда вернёшься, возьми двух бойцов и отвези Гейнца в штаб соединения. А ты, Андрей, — Яковлев повернулся к своему помощнику, — поезжай на квартиру Гейнца. Под портретом их обербандита найдёшь несгораемый шкаф. Там спрятан шифр. Метелица, организуй встречу Шервица!

Все ушли. Яковлев и Гейнц снова остались одни. Яковлев не скрывал своего нетерпения.

— Придётся нам с вами поскучать! — обратился он к своему пленнику. — Чем бы нам заняться, а? — и, взглянув на него, удивлённо спросил: — С чего вы вдруг повеселели?.. А, понимаю! Ведь вы по телефону предупредили Руммеля. Сейчас всех нас арестуют. Ну, как я мог об этом забыть! Что же нам делать, Гейнц?

— Я умру, но и ты погибнешь, — прохрипел Гейнц.

— Зачем же мне умирать, я жить хочу!

Гейнц удивлённо взглянул на Яковлева.

— Я забыл вас поблагодарить, Гейнц. Без вашей помощи мы так бы и не узнали, где спрятан шифр. А что касается Руммеля, — не ждите от него помощи. Должен вас огорчить: телефонная станция была занята моими товарищами три часа назад. Телефонистки дали вам возможность услышать голос Руммеля и тут же разъединили. Всё остальное вы говорили только для меня. Спасибо, Гейнц!

Последняя надежда Гейнца рушилась. Он закрыл лицо руками и опустился на диван. Вошла Коваленко, за ней следовали два рослых партизана и Метелица.

— Пойдём, нечисть, — сказала Ганна.

Гейнца увели.

Издалека послышался звук автомобильной сирены.

— Шервиц подъезжает. Убавь свет, пускай генерал хоть не сразу разочаруется! — сказал Яковлев Метелице и, взяв костыль, пошёл встречать генерала.

Метелица расставил своих людей — одного за портьеру, другого — за шкаф.

II

— Я рад, что вам лучше, Иоганн, — говорил на ходу Шервиц.

— К счастью, простой вывих, господин генерал, — ответил Яковлев и поспешил вперёд, чтобы открыть дверь и пропустить командующего в кабинет.

— Что такое?! — воскликнул Шервиц, глядя на Яковлева. — Как вы изменились, Иоганн, вас трудно узнать. Подойдите ближе, — воспалёнными старческими глазами он пристально всматривался в Яковлева: — вот сейчас вы, действительно, похожи на своего дядю Карла фон Лауница!.. Вы чем-то удивлены, Иоганн?

— Я более чем удивлён! — ответил Яковлев.

Он на мгновение задумался, изобразил на лице тревогу и выбежал в коридор.

Не успел Шервиц и слова вымолвить, как из-за портьеры, из-за шкафа появились люди и обезоружили его. В тот же момент в коридоре послышался шум. От удара ноги распахнулась дверь, и Шервиц увидел Лауница, отбивавшегося от полицейских. «Измена! Спасайтесь, генерал!» — крикнул комендант и тут же упал, сбитый с ног ударом кулака.

Метелица прикрыл дверь и угрожающим окриком заставил Шервица остаться на месте.

— Тихо, хальт! Ейн, цвей, дрей!.. Тьфу, запутался я в твоих ейнцвейдреях. Це може скорее поймёшь? — и он многозначительно погрозил пистолетом.

— Кто ти есть? — по-русски спросил Шервиц. — Партизан?

— Угадал, канашка!

— Вас ист дас «канашка»? — спросил Шервиц.

Но Метелица не понял своего пленного. Он осторожно отобрал из его рук тяжёлый генеральский портфель и вежливо приказал:

— А ну, ваше превосходительство, сымай и свитку и шапочку... Який же дурний человек, а ще генерал, — рассердился Метелица и снял с него шинель и фуражку. — Ну-ка, хлопцы, свяжите господина генерала, да тилько вежливенько и в автомобиль ховайте.

Связанного Шервица унесли. Метелица подозвал партизана, который был примерно одного роста с Шервицем, и протянул ему шинель и фуражку генерала.

— Одевайся, хлопчик!

Партизан быстро переоделся, Метелица надвинул ему до глаз фуражку и поднял воротник.

— Ну, чем вин — не командующий Отдельным немецким корпусом, — удовлетворённо проговорил он и, раскланиваясь, добавил: — Пожалуйте, битте-дритте, извиняюсь, конечно, за выражение. Поехали, господин генерал.

Весёлый и жизнерадостный вошёл Яковлев.

— Комедия окончена!.. До сих пор придти в себя не могу от изумления! Если бы я только мог предполагать, что Шервиц признает меня, — возбуждённо говорил Яковлев. И вдруг его лицо налилось кровью. — К чорту, — заревел он. — Сдавайте отряд и убирайтесь на все четыре стороны!.. Ну, что он наделал? Какой план мне сорвал!

Метелица непонимающе смотрел на Яковлева.

— Да що я зробив, Леонид Николаевич?

— Я кому приказал, чтобы Шервиц, — и Яковлев ткнул пальцем в сторону переодетого партизана, — не видел меня свободным? А почему он здесь?

— Не фолнуйся, голупчик, — еле сдерживая смех, вмешался партизан. — Я ничефо не видел! — и, не выдержав, пустился в пляс, припевая: «А я Шервиц генерал, к партизанам в плен попал!..»

Яковлев хлопнул по спине Метелицу и тоже рассмеялся.

— Ах ты, чортов батька! И обманул же ты меня!

Вошёл паренёк, в длинном, не по росту эсэсовском мундире.

— Товарищ капитан, — доложил он, — Шервица усадили в машину, его спутники обезврежены, шофер сопротивлялся, пришлось прикончить.

— Собирайся, Метелица, поехали! — приказал Яковлев. — Теперь начнётся самое опасное.

(Продолжение следует.)

СПОРТ

ЗЕЛЕНАЯ ЛЕНТА

I

В оживлённой вокзальной толпе Георгий Константинович Михайлов сразу же заметил француза:

— Если не ошибаюсь, мосьё Лустало?

— О, меня встречают! Как это любезно! Но вы же силач! Тут все такие большие? Тогда я пасс...

Георгий Константинович подозвал экипаж.

— Стремянная, 13,— сказал он извозчику.

— Мы направимся прямо в Атлетическое общество. Там нас ждут доктор Краевский, члены-учредители, гости.

— О, это очень любезно со стороны русских спортсменов!

— Как вы думаете устроиться?— спросил Георгий Константинович.— Надолго ли вы к нам?

— Может быть, навсегда. Мне обещали работу в Александровском лицее. Кроме того я намерен давать частные уроки. Если всё это удастся, привезу моего Пуло. Да, у меня есть сын! Ему уже три года, его зовут Марсель, но я ему дал прозвище Пуло. Каждый атлет должен иметь сына: только детям мы можем передать в наследство нашу силу и сохранить нажитый капитал. Итак, запомним день 5 января 1897 года. Когда-нибудь мы вспомним этот русский снег, вокзал, нашу первую встречу...

Француз говорил безумолку. Его выпуклые чёрные глаза блестели.

Залы Атлетического общества были переполнены. В зеркалах отражались мундиры, ордена, смокинги. Георгий Константинович представил Лустало Краевскому — одному из основателей Атлетического общества. Улыбаясь сквозь свою русую бороду, широкоплечий доктор протянул гостю крепкую руку.

Уже было поздно, когда Георгий Константинович и француз вышли на улицу. Лустало вспоминал свою молодость. Отец его был знаменитым спортсменом и с пяти лет учил сына боксу. Сын спортсмена должен быть спортсменом, так же как и внук его. Это — наследство. В двадцать семь лет Лустало пытался переплыть Ла-Манш. Он пробыл в воде 21 час 30 минут и в пятистах метрах от берега попал в полосу отлива...

Француз остановился посреди улицы и, яростно жестикулируя, показывал, как он боролся с отливом. Его элегантный котелок сбился набекрень, пальто распахнулось.

Неизвестно, сколько времени они ещё простояли бы на заснеженной мостовой, если бы их не нагнал доктор Краевский. Он пригласил их к себе домой.

Георгий Константинович хорошо знал эту квартиру на Михайловской площади. Три года тому назад, ещё гимназистом, он попал сюда впервые. Среди петербургской молодёжи, мечтавшей о бицепсах Геркулеса, распространился тогда слух, что какой-то доктор устроил у себя дома атлетический зал. Узнав адрес, Георгий Константинович пришёл к Краевскому. На дверях висела медная табличка: «Доктор по внутренним болезням».

Михайлова проводили в кабинет врача. В соседней комнате кто-то бил чугунной кувалдой по полу. Потом дверь распахнулась и появился потный, растрёпанный человек. Рукава белого халата были высоко закатаны на его мускулистых руках.

— На что жалуетесь?— спросил доктор.

Сейчас Краевский проводил Лустало и своего ученика, превратившегося за три года из мальчика-гимназиста в полного сил атлета, в спортивный зал.

Стены высокой комнаты были оклеены фотографиями. В глазах рябило от тел, словно высеченных из гранита. Паркетный пол был покрыт дощатым настилом, на котором лежали штанги и гири.

Француз разглядывал портреты. Многих он знал лично, о многих слышал. Здесь же была и фотография Георгия Константиновича, снятого в классической позе: руки скрещены на обнажённой груди, голова горделиво поднята. Через плечо протянута шёлковая лента.

Прищурив глаза и рассматривая внимательно выпуклую грудь юноши, Лустало сказал Краевскому:

— Ах, если бы наше тело могло сохранять свой блеск, свою молодость так же долго, как сохраняет её шёлковая ткань!..

II

В спортивных хрониках парижских газет за 1890—1891 годы часто можно было встретить имя Эрнеста Лустало. Он совершал прыжки в воду, дрался на рапирах, а чаще всего выступал на ринге. Лустало был преподавателем французского бокса. Тридцати двух лет он завоевал звание чемпиона мира в среднем весе. Вспоминая тот блистательный год, Лустало часто говорил:

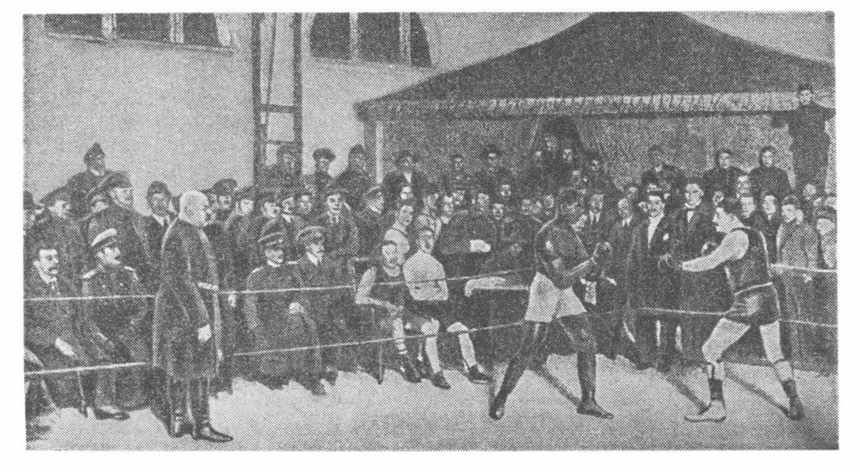
— Я одержал тогда две победы: стал чемпионом мира и отцом (в тот год у него родился сын).

Обосновавшись в Петербурге, Эрнест Иванович поселился на набережной реки Фонтанки, в здании школы правоведения, где он преподавал бокс. Здесь рос Марсель. В восемь лет мальчик умел нанести такой удар, что у взрослых мужчин темнело в глазах...

Когда Марселю исполнилось тринадцать лет, Лустало впервые увидел во французских газетах портрет Карпантье. Он был ровесник Марселю, но уже выиграл первенство Франции у здоровенного капрала. С тех пор Лустало мечтал о встрече Карпантье и Лустало-младшего...

В 1913 году Марсель уехал отбывать воинскую повинность. Это был трудный год. Сына не было рядом. Эрнесту Ивановичу надоело возиться с изнеженными правоведами и гардемаринами. Его единственным утешением теперь был кружок бесплатных учеников. С ними он отводил душу.

Когда началась война, Марсель служил в одном из пехотных полков. Зимой 1915 года Эрнест Иванович получил извещение о том, что сын его погиб смертью храбрых.

Тридцать два года тому назад в Петербурге состоялся матч Лустало с приехавшим в Россию негром Мора. Одна из петербургских газет, напечатавшая этот снимок, сообщила: «Состязание проф. Лустало с г. Мора имело большой успех. За красивые приёмы им поднесены серебряные портсигары».

В ЕГО РУКАХ ВОСЕМЬ МИРОВЫХ РЕКОРДОВ

В конце прошлого года в Ленинград съехались старые силачи и молодые атлеты отметить шестидесятилетие тяжелоатлетического спорта.

Из Ейска приехал Иван Поддубный, из Свердловска — Лебедев — дядя Ваня, из Москвы — Бухаров.

На этом знаменательном вечере молодой советский тяжелоатлет Григорий Новак установил свой седьмой мировой рекорд, рванув двумя руками 127 килограммов. Победив, таким образом, американца Дэвиса, которому до этого вечера принадлежал рекорд, Новак стал готовиться к заочной схватке с французом Феррари в другом движении — толчке.

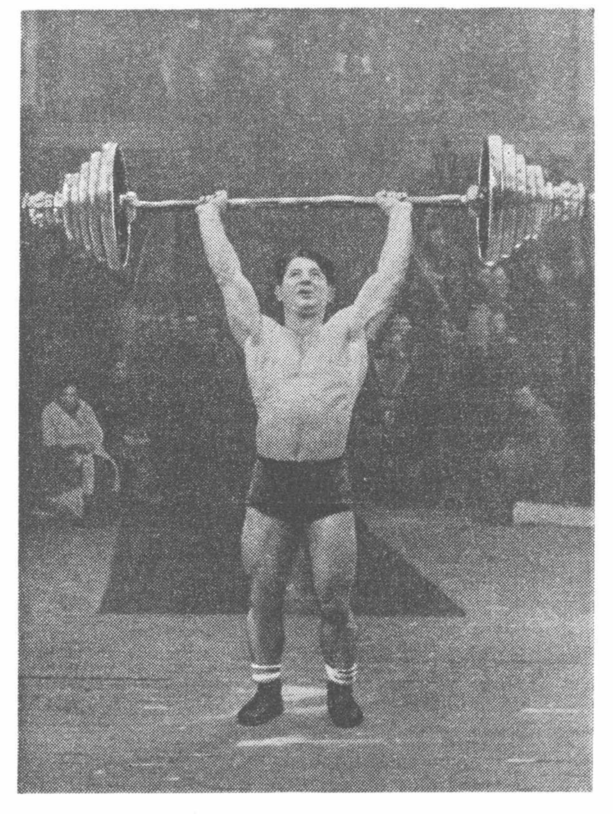
Жители города Тулузы с особым удовольствием посещали парикмахерскую Феррари. Каждому приятно было чувствовать, что ему делают компресс самые могучие руки в мире. Феррари, атлет полутяжёлого веса, установил свой мировой рекорд в толчке двумя руками около года тому назад, превысив результат советского атлета Александра Божко на 500 граммов.

Больше месяца Новак упорно тренировался под руководством Яна Спарре. И вот наступил наконец решительный день. В этот день арена Московского цирка была застлана дощатым настилом. На настиле лежала, сверкая под лучами прожекторов, никелированная штанга.

Вышли два советских атлета — Григорий Новак и Александр Божко. Диктор объявил: «Вес — 162 килограмма». Первым к штанге подошёл Новак, человек небольшого роста, с могучими бёдрами и необъятными плечами. Через несколько минут зрители увидели тяжёлую штангу в воздухе. Новак побил рекорд Феррари! Однако не успели стихнуть аплодисменты, как Божко потребовал прибавления веса на пятьсот граммов. Александр Божко побил рекорд Новака. Снова загремели овации, а затем судья объявил о желании Новака прибавить ещё полкилограмма.

163 килограмма — огромный вес! Зал затаил дыхание. Григорий Новак решительным шагом подошёл к штанге. Он нагнулся, осторожно охватил руками гриф и рванул штангу вверх. Вес на груди. Лицо Новака, шея, всё тело багровеют от напряжения. Судья фиксирует первую половину движения. Лёгкий хлопок судейских ладоней — и могучие руки атлета поднимают штангу над головой. Снова хлопок ладоней. Новак бросает штангу. И кажется, что она беззвучно падает на помост, потому что стук её заглушен грохотом аплодисментов.

Новак по праву занимает почётное место среди наших сильнейших тяжелоатлетов — Якова Куценко, Георгия Попова, Александра Божко, Николая Шатова, Серго Амбарцумяна и других. Можно смело сказать, что это сильнейшая атлетическая команда мира. Из 35 мировых рекордов 27 принадлежат нашим спортсменам.

Григорий Новак устанавливает свой восьмой мировой рекорд. Вес штанги — 163 килограмма.

Фото Н. Волкова

Лустало было пятьдесят три года. В сыне он видел себя. Ещё можно было переплыть Ла-Манш. Ещё не поздно было вызвать на матч Жоржа Карпантье. Да, он, Лустало, плохо использовал свои силы, но не всё потеряно. Есть сын. Ему можно передать приумноженный капитал семьи Лустало...

Теперь, когда Марселя не стало, Эрнест Иванович понял, что всё он делал для сына. Для него он преподавал гимнастику, фехтование, плавание, бокс — всё, за что платили деньги. Для Марселя он сам, в пятьдесят два года, дрался с приезжим негром господином Мора. Он мечтал о поездке с сыном в Америку. Там он надеялся увидеть Лустало-младшего и Жоржа Карпантье на одном ринге. И вот от Марселя остались только пачка фотографий, спортивная майка с петухом, вышитым на груди, и маленький некролог в петербургской газете.

III

Глубокой осенью 1918 года один из учеников Лустало встретил своего учителя на пустынном Дворцовом мосту. Эрнест Иванович постарел. Он сутулился.

— Как живёте?— спросил ученик.

— Делать нечего,— ответил Лустало и пожал плечами.

— Почему вы не уехали во Францию?

— Зачем я поеду? Моя родина здесь.

— Открылся Морской клуб,— сказал ученик.— Может быть, там удастся получить работу. Пойдёмте.

И они пошли по направлению к Васильевскому острову.

На высоком гранитном фундаменте стоял дом Фондовой биржи. В мраморном вестибюле тускло горела лампочка. Какой может быть клуб в это холодное и трудное время! И вдруг какой-то человек в трусиках побежал по тёмному коридору, шлёпая босыми ногами. В большой комнате военморы гремели гирями. Двое возились на потёртом ковре. Лустало долго смотрел на этих сильных ребят, на их татуированные руки...

Эрнест Иванович снова начал работать. Город был почти пуст, люди берегли каждую каплю тепла, каждую каплю энергии, спали не раздеваясь, а на Васильевском острове в огромном холодном здании собирались по вечерам моряки с эсминцев, и старый весёлый Лустало обучал их боксу.

Он не жалел их. О, нет! Новичков Эрнест Иванович обычно встречал такими ударами, что у бывалых кронштадтцев подкашивались ноги. Он сразу же хотел знать, придут ли любители бокса на следующее занятие. И они приходили.

Это были трудные годы для спорта, но Лустало говорил, что не променяет их на прошлое. Нет, лицеистов и гардемаринов с него хватит! Он преподавал бокс в рабочих клубах, в Доме Красной Армии, в Военно-морском училище, и везде у него были настоящие ученики. Не думал модный европейский спортсмен, приехавший в Россию зарабатывать деньги, что неведомая северная страна станет его родиной.

Суетливого старика в чёрном костюме, с курчавыми, тщательно расчёсанными волосами, с крахмальным воротничком, врезавшимся в жилистую шею, можно было встретить и в спортивном зале на улице Перовской и в манеже. Он смотрел бои своего любимого ученика Павлуши Верткова и обнимал другого своего воспитанника, Шевалдышева, после его встречи с Уверским. Он дожил до того дня, когда одного из его учеников победил ученик его воспитанника Осечкина, Емельянов. И, забравшись на ринг, Лустало кричал Емельянову:

— Вы мой внук! Вы тоже ученик Эрнеста Лустало! — и хлопал его по потному плечу.

Так жил этот подвижный и сильный старик. У него попрежнему на занятиях чесались руки, и он любил новичков встречать настоящими ударами, чтобы сразу узнать цену человеку. Часто, не выдержав, Эрнест Иванович надевал перчатки и, кряхтя, лез через канаты на ринг.

Лустало умер 9 марта 1931 года, шестидесяти девяти лет от роду, направляясь на занятия в клуб «Красный арсенал».

Когда настал час похорон, в больнице собрались его ученики и ученики его учеников. В Ленинграде оказалось очень много боксёров, очень много людей, знающих Эрнеста Лустало.

Катафалка на похоронах не было. Гроб несли на плечах боксёры.

Через весь город, в котором сорок лет прожил ленинградец Лустало, пронесли боксёры его тело. Они шли по Большому проспекту, где жил Эрнест Иванович, по Невской набережной, где он любил гулять, мимо Фондовой биржи, где осенним вечером 1918 года он впервые встретился со своими настоящими учениками.

Его несли не на кладбище, а в Институт физической культуры имени Лесгафта. Гражданская панихида состоялась в препараторской. После кратких речей хирурги натянули резиновые перчатки и склонились над этим удивительным телом, стройным и сильным, как у молодого мужчины. Каковы мышцы спортсмена? Какое сердце у борца? Что сделала с этим сердцем старость? Всё это завещал узнать Эрнест Лустало.

Студенты Института, проходя анатомию, знакомятся с результатами медицинского вскрытия. Протокол этого вскрытия начинается краткой и выразительной справкой: «В 1931 году умер видный спортсмен Лустало, француз по рождению, который с четырёхлетнего возраста начал заниматься плаванием, а с пяти лет — боксом. Большую часть своей жизни он прожил в СССР». Затем идёт точное описание его мышц, которые так легко держали Эрнеста Лустало и на волнах Ла-Манша и на ринге: «...почти все мышцы правого предплечья и кисти превышают средний вес тех же мышц на десяти трупах. Как и следовало ожидать, благодаря систематическим упражнениям почти все мышцы, несмотря на старческий возраст, развиты выше среднего».

Скелет Эрнеста Лустало и сейчас стоит в стеклянном шкафу Анатомического музея.

IV

Ещё живы люди, знавшие Краевского. Ещё живы люди, помнящие молодость Эрнеста Лустало.

Зимой 1941 года был жив и Георгий Константинович Михайлов, встречавший Лустало на вокзале в тот далёкий день, когда Эрнест Иванович променял Францию на Россию.

В комнате, которая была увешана портретами широкогрудого юноши, нашёл я Георгия Константиновича, одного из первых русских атлетов.

Особенно хорош был большой портрет, такой же точно, который сорок четыре года назад привлёк внимание Лустало в атлетическом зале Краевского: руки скрещены на груди, голова горделиво поднята, через плечо надета шёлковая лента...

— А лента цела?

— Ну, конечно!

И мне показали зелёную муаровую ленту, увешанную золотыми медалями. Блестящая, эластичная, она лежала на столе между коричневыми, выцветшими фотографиями. Высокий седой старик взял ленту в свои большие мягкие руки. Она была совсем новой...

В. ВИКТОРОВ

Эрнест Лустало обучает приёмам французского бокса, в котором разрешены удары ногой, своего маленького сына Марселя (репродукция с редкого снимка).

КРОСС «ЮМАНИТЕ»

Ежегодно 17 февраля в Париж съезжаются спортсмены всех стран Европы, чтобы принять участие в беге по пересечённой местности на приз газеты «Юманите» — органа французской коммунистической партии.

Одно из самых популярных международных соревнований посвящено дню победы единого фронта во Франции—19 февраля 1932 года.

Последний, седьмой кросс «Юманите» был проведён в 1939 году, а затем вторая мировая война прервала на шесть лет проведение этого традиционного соревнования.

Советские бегуны четыре раза участвовали в кроссе, и неизменно секретари коммунистической партии Франции Морис Торез и Жак Дюкло вручали советской команде-победительнице переходящий приз — большой серебряный кубок. Этот почётный спортивный трофей и сейчас находится в Советском Союзе.

Советские бегуны выходили победителями не только в командных, но и личных зачётах. Братья Серафим и Георгий Знаменские занимали первые и вторые места. У женщин победительницей кросса оказывалась советская спортсменка Евдокия Васильева.

Заслуженный мастер спорта Георгий Знаменский вспоминает:

«В кроссе участвовало несколько тысяч спортсменов, представляющих спортивные клубы почти всех стран мира.

В день соревнования тысячи парижан двигались по городу к парку где проводился кросс. Трибуны ипподрома были заполнены десятками тысяч зрителей, которые наблюдали весь ход борьбы на беговой дорожке.

На старте можно было встретить и смуглых греков, и светловолосых норвежцев, и невозмутимых англичан. Мы, советские бегуны, неизменно ощущали особую симпатию парижан, и победу нашу встречали всегда с восторгом. Когда мы пробегали по кольцу ипподрома, тысячи человек встречали нас возгласом: «Да здравствует Советский Союз!»

В нынешнем году после долгого перерыва Париж снова стал свидетелем интересной борьбы. В кроссе участвовали легкоатлеты Франции, СССР, Финляндии, Швейцарии. Среди зрителей на трибунах ипподрома присутствовали Жак Дюкло, Марсель Кашен, Долорес Ибаррури, посол СССР во Франции Богомолов, генеральный директор по делам спорта РУ.

В беге на 2500 метров для женщин первое место заняла москвичка Анна Зайцева. Её результат — 9 минут 11 секунд. Второй финишировала Людмила Горностаева (Свердловск).

В состязании мужчин на 10 600 метров участвовало 150 человек. Лучшее время — 33 минуты 1,5 секунды — показал чемпион Франции Пюжезон. Вторым пришёл Александр Пугачевский (СССР), отставший от чемпиона Франции на 23,5 секунды.

Команда СССР вышла победительницей и в пятый раз завоевала приз «Юманите».

Г. КУКОЛЕВСКИЙ

СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ДВА НОВЫХ МИРОВЫХ РЕКОРДА ТАТЬЯНЫ КАРЕЛИНОЙ

ЛЫЖНУЮ ГОНКУ НА 30 КИЛОМЕТРОВ В ЧЕСТЬ 50-ЛЕТИЯ ЛЫЖНОГО СПОРТА В РОССИИ ВЫИГРАЛ АЛЕКСЕЙ ДОБРЫШИН.

ПЕРВЕНСТВО МОСКВЫ ПО СЛАЛОМУ В ИНТЕРЕСНОЙ БОРЬБЕ ЗАВОЕВАЛ ДМИТРИЙ РОСТОВЦЕВ.

Советские конькобежцы, приехав в Норвегию, занялись несколько странным, на первый взгляд, делом. Они привыкали к скандинавской погоде и норвежскому льду. Всё дело в том, что, не привыкнув к климату, нельзя показать лучших результатов. Казалось бы, между Осло и Москвой нет большой разницы в климатических условиях, однако человеческий организм очень чутко реагирует на малейшие изменения.

Наш лучший спринтер, Константин Кудрявцев, как-то жаловался мне, что лёд, на котором ему пришлось выступать, оказался слишком скользким. Это звучало забавно. Однако известно, что от качества льда зависит результат. Скороход, привыкнув к определённому льду, в других условиях не сразу может освоиться, и это немедленно сказывается на секундомере.

Чтобы показать, какое значение в конькобежном спорте имеет качество льда, достаточно вспомнить, что все мировые рекорды установлены в Швейцарии. Знаменитый давосский каток оказался «фабрикой рекордов», и ни один из мирозых рекордсменов не сумел на других катках показать такие же высокие результаты. Рекорды, поставленные в разных условиях, нужно сопоставлять с величайшей осторожностью. Кто лучше, может решить встреча на одной беговой дорожке.

Четыре встречи в Норвегии, в которых участвовали наши конькобежцы, подтвердили абсолютное превосходство советских спортсменок, не встретивших серьёзной конкуренции. Татьяна Карелина установила два феноменальных мировых рекорда: на 1500 метров — 2 минуты 38,6 секунды и на 5 тысяч метров—9 минут 16,4 секунды. Прежние мировые рекорды принадлежали норвежке Нильсен и были установлены ею много лет назад в Давосе. Константин Кудрявцев и Марианна Валовова в беге на 500 метров показали лучшее время в мире за этот сезон: 43,3 секунды и 48,6 секунды.

Матч конькобежцев СССР—Норвегия закончился победой советской команды.

* * *

Видели ли вы когда-нибудь лыжную гонку, в которой каждый участник, взяв старт, делает всё, чтобы не оказаться первым?

Такая лыжная гонка состоялась на Сходне под Москвой 3 февраля и была, вероятно, одной из самых занятных в спортивной истории последних лет.

Эта гонка, посвящённая 50-летию русского лыжного спорта, проводилась с одновременным стартом, как это делалось в старину.

В последнее время лыжные соревнования проводятся с раздельным стартом: каждый участник уходит с интервалом в 30 секунд. На этот раз все 36 лыжников, принимавших участие в состязании, были пущены сразу, и это наложило своеобразный отпечаток на весь ход борьбы.

После того как первый чемпион России по лыжам Павел Афанасьевич Бычков взмахнул флажком, никто не проявил особого темперамента. Больше того: с первых же шагов выяснилось, что все сильнейшие гонщики, имевшие шансы занять первое место, не хотят лидировать гонку. Гонщики вежливо уступали друг другу честь вести соревнование, пока, наконец, один из молодых не вытерпел и не выдвинулся вперёд. Только после двух 5-километровых кругов, когда лыжня оказалась укатанной и главные претенденты взвесили свои силы и силы противников, началась настоящая борьба.

Когда до финиша оставалось 5 километров, Алексею Добрышину удалось вырваться вперёд на несколько десятков метров и первым закончить дистанцию со временем 2 часа 33 минуты 55 секунд. Только 25 секунд проиграл победителю Пётр Володин. Третьим был Валентин Матюшенков.

Эти интересные гонки решено сделать традиционными и разыгрывать каждый год.

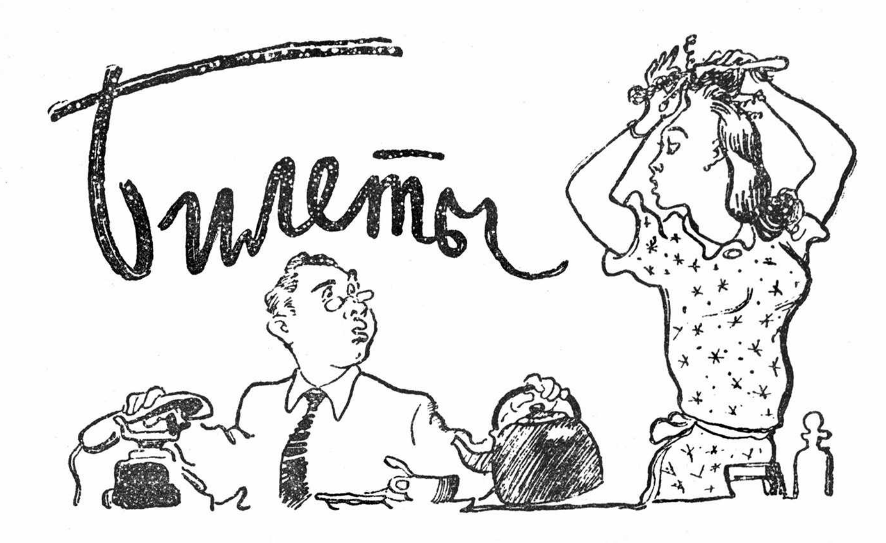
* * *

Воробьёвы горы Москвы — родина лучших горнолыжников. Недаром кто-то назвал первенство страны по слалому первенством Воробьёвых гор.

Горнолыжный чемпионат столицы 1946 года собрал невиданное количество участников — свыше 200 человек, и что особенно приятно: больше половины их были подростки. Ещё недавно они катались на самодельных лыжах, а затем опытный глаз тренера Владимира Мауэра нашёл среди них наиболее способных, и в горнолыжной школе «Динамо» они получили настоящую шлифовку.

Почти все чемпионы слалома — ученики Владимира Мауэра. С каждым годом учителю всё труднее и труднее побеждать своих воспитанников. На первенстве Москвы два самых верных претендента — Филатов и Преображенский — сошли, упав на дистанции, но и это не помогло Мауэру. Он должен был уступить первое место своему ученику Дмитрию Ростовцеву, а самому довольствоваться вторым местом.

А. ВИТ

Евг. Бермонт

Рисунки Б. Фридкина

Вся эта кутерьма произошла из-за того, что Лидочка Мишустина утром сказала мужу, собиравшемуся в больницу:

— Гоша, завтра в Художественном «Последняя жертва». Пойдём?

Георгий Николаевич отозвался без особого энтузиазма:

— Пойдём, если тебе хочется... Кому только позвонить насчёт билетов?

— Позвони Лопухову.

— Пожалуйста, доктор, — любезно пророкотал Лопухов.

— Неудобно,— поморщился муж.— Я уже обращался к нему по поводу «Золушки».

— Подумаешь, неудобно!.. Когда его Анна Петровна симулирует очередной припадок печени или ихний Петенька проглатывает пуговицу, — а этот мальчик, кажется, уже всё глотал, кроме утюгов, — ты, небось, мчишься по первому зову...

Георгий Николаевич нехотя потянулся к телефону и соединился со своим пациентом Лопуховым, крупным начальником важного учреждения.

— Пожалуйста, доктор,— любезно пророкотал Лопухов.— Сейчас, запишу... Значит, вам два местечка на завтра в МХАТ?

— Да, Сергей Нилыч. Платные, конечно.

— Хорошо. Всё будет в порядке.

Заведующий АХО (административно-хозяйственным отделом), получив директиву руководства о двух билетах в МХАТ, схватился за голову и заворчал:

— Опять билеты! Что ему дома не сидится? Вчера ходил в цирк смотреть, как Кио пилит своих сотрудниц. Да будь у меня такие роскошные комнаты, как у него,— шагу из квартиры не сделал бы. Честное слово! Сидел бы все вечера дома и пилил бы собственную жену.

В это время на столе залился тонким звоном один из четырёх телефонов. Знакомый голос директора комиссионного магазина захрипел в трубке:

— Вася? Это говорит Семён Борисович. Слушай, друг, ты не мог бы выручить меня транспортом?

— А что тебе?

— Дай, голубчик, полутатоночку или «пикапчик».

— Ладно, — согласился Вася. — Только, братец, услуга за услугу. Выручай и ты меня.

— С удовольствием!— радостно захрипел директор.— Что ты хочешь? Плащ? Люстру? Выдру на воротник?

— Какую там выдру?! Мне дозарезу необходимы два билета в МХАТ на «Последнюю жертву».

Семён Борисович удивился:

— Откуда же у меня билеты, Вася? Их на комиссию не сдают.

— Знаю, что не сдают, но ведь, наверно, к тебе целый день ходят разные заслуженные деятели искусств и даже администраторы?..

Когда директор, наконец, отвалился от аппарата, стоявшая около него заведующая подотделом гобеленов и сюзанне, нетерпеливо спросила:

— Ну, что? Даёт он машину?

Семён Борисович потёр ладонью коричневую лысину:

— Даёт-то даёт, Валентина Сергеевна, но тут вон какая заковыка: ему

— Только, братец, услуга за услугу.

нужны два билета на «Последнюю жертву».

— Только?— подняла подмалёванные брови Валентина Сергеевна.— Это мы устроим.

И тоненьким пальчиком с перламутровым ноготком стала быстро вертеть телефонный диск:

— Попросите Алексея Владимировича. Да, я прошу студента Толбицина. Спрашивают из деканата Индустриального института. Хорошо, я подожду.

Пока студента разыскивали, Валентина Сергеевна наскоро подновила свои потускневшие чары, то есть обмахнула пуховкой носик и тронула карандашом губы, хотя телефонный аппарат и не был снабжён телевизором.

— Алексей Владимирович? Здравствуйте, Люсинька, это Кука. Не узнали? А разве я для вас меньше значу, чем какой-то противный декан? Ха-ха-ха!.. Люсинька, достаньте мне на завтра два билета в Художественный... «Последняя жертва»... У, гадкий, разве можно отказывать дамам? Если ваша мама только намекнёт

своим заказчикам,— они в зубах принесут ей билеты. А я вас, Люсинька, крепко-крепко расцелую...

Юный Толбицин после этого разговора минут пятнадцать дышал, как загнанный олень, а глаза у него стали испуганно-блудливые, точно у котёнка, который только что стянул кусок сала.

— Только? — подняла подмалёванные брови Валентина Сергеевна. — Это мы устроим.

На шестнадцатой минуте студент вскочил и рванулся в соседнюю комнату:

— У меня во вторник зачёт — «сопротивление материалов»,— горячо зашептал он матери, высунувшей голову из двери,— а завтра в МХАТ «Последняя жертва», и если не будет двух билетов не дальше одиннадцатого ряда, я провалюсь...

А Люсику Толбицину опять звонили из деканата.

Из всего этого бессвязного шопота перепуганная Василиса Евгеньевна уловила только то, что какие-то материалы сопротивляются и сын может провалиться на зачёте.

Мишустины уже садились обедать, когда заверещал телефон.

— Это Василиса Евгеньевна,— зашипела Лидочка, зажав ладонью трубку.— Ей нужны билеты на завтра в МХАТ. Я отдам наши, Гоша!

— Пожалуйста,— улыбнулся Георгий Николаевич, — но пусть, милочка, это будет уже последняя жертва.

— Почему последняя?— обиделась жена.—Я готова ещё двадцать жертв принести, только бы она пошила мне фисташковый жакетик к маю...

И Лидочка неестественно бодрым голосом закричала в трубку, что билеты есть, что муж заказал их ещё утром, имея в виду именно Василису Евгеньевну, и что завтра, ровно в 12 часов, будет известно, где они оставлены.

После этого разговора наступило всеобщее успокоение.

Василиса Евгеньевна заверила сына, что билеты заказаны. Студент побежал к автомату и долго торговался с Валентиной Сергеевной о способах компенсации за хлопоты. Заведующая подотделом гобеленов и сюзанне с торжественным видом явилась к директору. Семён Борисович поторопился обрадовать Васю. Довольный Заведующий АХО проследовал в кабинет начальника. Лопухов звякнул Мишустину:

— Всё в порядке, доктор. Завтра в 12 часов я сообщу, где находятся билеты. Кстати, Георгий Николаевич, не заглянете ли вы вечерком к нам. У жены пропала жемчужная брошка, и она боится, не проглотил ли её Петенька...

Но вот настало завтра, и будильник на туалетном столике Лидочки показал двадцать минут первого. Сам Мишустин, кряхтя, поплёлся к телефону. Сергей Нилыч весьма сухо пообещал позвонить через несколько секунд и, вызвав заведующего АХО, строго спросил:

— Где билеты?

Встревоженный Вася с трудом разыскал Семёна Борисовича. Директор комиссионного магазина сурово взглянул на заведующую гобеленами и сюзанне. Валентина Сергеевна нервно застучала ноготками по телефонному диску. Обомлевший студент ворвался к матери, хотя у неё в это время была заказчица, а на заказчице ничего не было, кроме выкройки и булавок.

Только в сорок минут третьего Василиса Евгеньевна, наконец, дозвонилась Мишустиным.

— Кончено! — простонала Лидочка, роняя трубку.— Теперь я весной буду ходить совершенно голая! Мне останется только раскрашивать своё тело, как это делают дикари на острове Таити...

И с ненавистью взглянув на мужа, она закричала удивительно тонким и противным голосом:

— Какой позор! Двух билетов не могли достать лучшей портнихе современности!

Расстроенный доктор снова соединился с Лопуховым:

— Простите, Сергей Нилыч, но вы нас с Лидией Васильевной очень подвели. Зачем было заверять, что есть билеты, когда их нет? Я обратился бы в другое место.

Всегда любезный пациент вдруг окрысился:

— Ну и обращайтесь в свои «другие места»! В конце концов, знаете, я не театральная касса...

— Но ведь и я не «скорая помощь», чтобы мчаться на все происшествия в семью Лопуховых! — завизжал доктор.— Отныне ноги моей не будет в этом доме! Я не пошевелюсь даже, если ваш пингвин Петенька проглотит всё столовое серебро...

Лопухов так орал на заведующего АХО, что на окнах колыхались плюшевые портьеры:

— Где эти билеты, о которых вы вчера уши мне прожужжали?! Болтун! Очковтиратель! Да я вас выгоню из главка к чортовой бабушке за разбазаривание дефицитного бензина и износ грузовых машин!

Когда директор комиссионного магазина лёгким жестом манипулятора поднёс к уху трубку, он услышал, как нервно дрогнула мембрана:

— Семён Борисович, когда тебя повезут в крематорий, я с удовольствием дам «пикап». А до этого не смей никогда даже заикаться о транспорте. Слышишь, лысый чорт?

Валентина Сергеевна получила такую нахлобучку от директора, что в смятении сломала два ногтя на правой руке и продала чудесный персидский ковёр совершенно незнакомому человеку.

А Люсику Толбицину опять звонили из деканата и сказали, чтобы студент не смел появляться у известной особы на Малой Бронной до тех пор, пока у него не вырастут усы и он не станет солидным, положительным человеком, а не лгуном-мальчишкой.

— Ты провалился? — растерялась мать, увидев, как неожиданно посерело всегда розовое лицо сына.

Люсик ничего не ответил и побежал на Малую Бронную, а Василиса Евгеньевна поклялась, что пусть у неё отсохнут руки, если она когда-нибудь согласится сшить хотя бы носовой платок этой болтливой гусыне Мишустиной.

Вот какая кутерьма вышла из-за двух билетов на «Последнюю жертву», которые, собственно говоря, никому-то и не были нужны.

— Ты провалился? — растерялась мать...

— Вы у Глазной сходите?
— Нет, у зубной...

Рисунок И. Семёнова

Гром и «молния»

Рисунки Е. Евгана

ЯНВАРЬ		
ПН		
ВТ	29	
СР	30	
ЧТ	31	
ПТ		
СБ		
ВСКР		

Семь дней

ФЕВРАЛЬ		
ПН		4
ВТ		
СР		
ЧТ		
ПТ	1	
СБ	2	
ВСКР	3	

ПОБЕГ БАБУШКИНА

В Екатеринославе Бабушкин впервые появился зимой 1897 года. Он был выслан из Питера после тринадцатимесячного тюремного заключения под гласный надзор полиции. У Бабушкина не было в городе ни родных, ни знакомых. Вскоре он встретился с питерским рабочим Петром Морозовым. Вдвоём они наладили кружковую работу.

И. В. Бабушкин.

Через три года Бабушкин тайком перебрался в Орехово-Зуево, где скрывался под видом мелкого торговца. Из Екатеринослава он уехал не один. Незадолго до этого Бабушкин женился. Жена продолжала переписываться с екатеринославскими друзьями. Одно её письмо, перехваченное полицией, навело жандармов на след беглеца. В потрёпанном полушубке он снова был доставлен в Екатеринослав. Бежать с дороги не было никакой возможности. Ещё во Владимире, где Бабушкин был посажен в поезд, жандармский офицер наказывал стражникам:

— Арестант хитёр, как чорт. На месте сдадите его под расписку. Если что получится, вы за него головой ответите!

Бабушкина неудержимо тянуло к работе. Твёрдо решив бежать, он выработал план побега.

Случай благоприятствовал Бабушкину. Его перевели из тюрьмы в одноэтажное здание, где помещался полицейский участок. Достаточно было перепилить решотку в окне камеры, чтобы попасть во двор. Около забора стоял мусорный ящик. Прыгнув на ящик, легко было попасть на пустырь и очутиться вне пределов участка. Разведка показала, что часовой около пустыря не ходит. Но где достать ножовку? Бабушкин недаром был слесарем. Он сам смастерил её.

Надо было соблюсти величайшую осторожность. Чтобы пилить бесшумно, нужно смазать ножовку маслом. Сославшись на недомогание и кашель, Бабушкин уговорил надзирателя купить масла.

— Сделай милость, — просил он. — Вот тебе двугривенный за труды. Чахотки боюсь.

— Не полагается этого, — отвечал тюремный страж. — Да ладно уж, куплю тебе четвёрку масла.

И вот, наконец, наступил долгожданный день.

— В ожидании беглеца мы не спали, не раздевались, — вспоминает один из организаторов побега. — Около часу или двух ночи раздаётся звонок, я отворяю дверь и впускаю Бабушкина в фуражке с кокардой, которую ему передали после того, как он перелез через забор.

На конспиративной квартире Бабушкин прожил три дня. Когда он собрался уезжать, рано утром к нему пришёл «парикмахер» — токарь по профессии и одновременно «специалист гримёрного дела».

— Приклей-ка ему бороду да лысину сфабрикуй, — советовали токарю.

— Не беспокойтесь, я сделаю так, что родная мать не узнает.

Бороду он действительно приклеил, но волосы решил перекрасить и быстро превратил Бабушкина в «жгучего брюнета во цвете лет». Впрочем, борода отвалилась дорогой, а волосы стали малиновыми. Таким Бабушкина увидели В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Лондоне, куда он добрался после побега.

— Бабушкин за это время очень вырос в политическом отношении, — вспоминает Н. К. Крупская. — Это уже был закалённый революционер...

Вскоре Бабушкин вернулся на подпольную работу в Россию.

* * *

Наступил 1906 год. Стояли суровые февральские морозы. На глухой сибирской станции карательный отряд барона Меллер-Закомельского задержал человека. Он отказался назвать своё имя. 31 января по приказу генерала-палача неизвестный без суда и следствия был расстрелян.

Так сорок лет назад сошёл в могилу Иван Васильевич Бабушкин — «гордость партии», «народный герой», как называл его Владимир Ильич.

Д. Э.

№ 6 1140

ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

Бабушкина

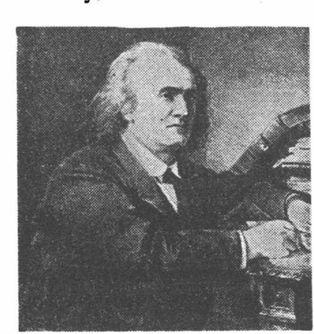
«Дело департамента полиции крестьянина Ивана Васильевича Бабушкина».

СЛУЧАЙ С А. Н. СЕРОВЫМ

Выдающийся композитор А. Н. Серов в детстве и отрочестве не чувствовал особого влечения к музыке. Только убеждения родных, что уменье играть на каком-нибудь инструменте — признак «хорошего тона», заставили его учиться игре на рояле.

С. Г. Жебелева — отличный музыкант и талантливый педагог — была приглашена учительницей к восьмилетнему мальчику. Первые два — три года Серов занимался довольно вяло. Но когда элементарная теория была пройдена и всё скучное и трудное осталось позади, апатия постепенно стала сменяться горячей и страстной любовью к музыке. За семь лет он успел ознакомиться с лучшими произведениями крупнейших композиторов и основательно изучил фортепианную технику.

А. Н. Серов.

Кумиром молодого Серова стал Бетховен. Он навсегда остался его любимым композитором. Вот почему Серов не выносил, когда кто-нибудь непочтительно относился к памяти автора «Девятой симфонии»...

Однажды в Петербурге появились анонсы о концерте некоего «абиссинского маэстро» Лазарева. На афише стояло, что Лазарев будет исполнять свои музыкальные произведения «для сравнения его творчества с Бетховеном». Скоро «абиссинец» стал появляться на петербургских улицах. Наружность его была необычайна. Наряд напоминал не то ливрею придворного лакея, не то одеяние швейцарского пейзана. На нём был яркий жилет до колен; в ушах — необычайных размеров серьги.

На концерте Лазарев предстал с дирижёрской палочкой и начал выступление путаным и сложным многоголосным хором. Хористы должны были пропеть такую высокую ноту, которую с трудом взяла бы даже знаменитая Патти. Широким взмахом дирижёрского жезла «маэстро» пытался выжать эту ноту из сдавленных гортаней хористок. Но всё было тщетно.

Настала очередь замысловатой симфонии, которая должна была соперничать с творениями Бетховена. Музыканты взялись за инструменты, дирижёр дал знак палочкой...

Но в этот момент произошло нечто невероятное.

На кресло в первом ряду вскочила маленькая фигурка и остановила жестом оркестр:

— Во имя искусства я протестую против профанации Бетховена! Подобной насмешки над гениальным художником не может допустить никакой музыкант.

Это был Серов.

— Абиссинского маэстро следует закидать гнилым картофелем или чем попало!

И, схватив с кресла подушку, Серов швырнул её в растерявшегося дирижёра.

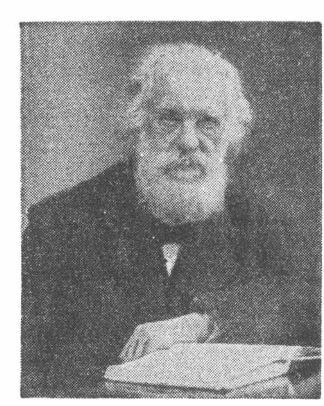
Концерт прекратился. Серова арестовали и отправили на гауптвахту. Там он просидел две недели. Всё же после этого Лазареву запретили давать концерты.

Говорят, талант состоит из воображения и темперамента. Этот, казалось бы, мелкий случай, который рассказала В. С. Серова — жена композитора и мать замечательного художника, — ярко рисует исключительный темперамент умершего 75 лет назад, 1 февраля 1871 года, талантливого автора «Юдифи», «Рогнеды» и «Вражьей силы».

Я. КОВИЧ

Н. А. УМОВ И КИРХГОФ

Н. А. Умов.

4 февраля исполнилось 100 лет со дня рождения одного из крупнейших русских физиков, Н. А. Умова. Любопытный эпизод из его биографии показывает исключительную скромность замечательного деятеля русской науки.

* * *

В 1875 году Николай Алексеевич Умов, тогда ещё молодой профессор, посетил главнейшие страны Западной Европы и решил прослушать несколько лекций в лаборатории известного немецкого учёного Кирхгофа. Вполне доверяя ему как собрату по науке, Н. А. Умов рассказал Кирхгофу о работе, в которой ему удалось решить один из наиболее сложных вопросов — о стационарном течении электричества в проводящей пластинке произвольной формы. Сам Кирхгоф решил его только для плоскости, но не для любой формы, как это удалось сделать Умову. Решение, найденное Умовым, было блестящим по простоте и изобретательности.

Кирхгоф ознакомился с открытием русского учёного и позволил себе поступок, о котором сам Умов никогда не мог вспомнить без чувства стыда за почтенного немецкого профессора. Знаменитый физик опубликовал работу Умова в «Ежемесячнике» Берлинской академии наук... от своего имени, лишь мельком упомянув о трудах русского учёного.

Николай Алексеевич Умов так был поражён случившимся, что ограничился тогда лишь пассивным протестом — и вскоре под благовидным предлогом распрощался с Кирхгофом.

Только через два года Н. А. Умов решился опубликовать свою работу в «Математическом сборнике», где она появилась под заглавием «О стационарном движении электричества на проводящих поверхностях произвольного вида». Этой работе было предпослано краткое изложение всей истории с Кирхгофом. Тем не менее найденное Умовым решение считается в физической литературе открытием... Кирхгофа!

Уже на склоне дней, возвращаясь изредка к этому инциденту, Умов предостерегал своих учеников от излишнего доверия к немецким учёным.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера М. М. БОТВИННИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТУРНИРЫ В ЛОНДОНЕ

14—26 января в Лондоне одновременно происходили два международных турнира, которые были организованы двумя английскими газетами. Сильнейшими участниками этих турниров явились участники предшествовавшего международного турнира в Гастингсе. К ним присоединились 13 других мастеров, в основном англичане.

Поскольку сильнейшие участники Гастингса — Эйве (Голландия), Тартаковер (Польша), Денкер и Стейнер (США) — были разделены в двух турнирах, то турниры в Лондоне были слабее гастингского.

В первом турнире победителем вышел Стейнер. Неожиданным явился хороший результат престарелого гросмейстера Бернштейна (Франция), и лишь на третье место вышел победитель Гастингса Тартаковер. Четырнадцатилетний Помар набрал 50 процентов очков.

Во втором турнире первое место завоевал экс-чемпион мира Эйве, несколько сгладив тем самым свою неудачу в Гастингсе. Вторым был Кристофель и лишь третьим — чемпион США Денкер.

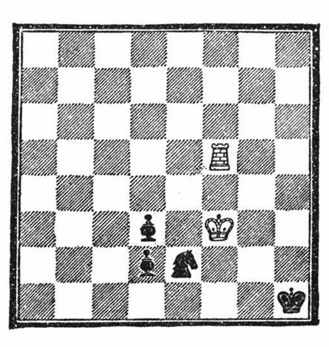
Результаты турниров:

I. Стейнер (США) 9; Бернштейн (Франция) 8; Тартаковер (Польша) 7½; Опоченский (Чехословакия) 7; Голомбек (Англия) 6; Принс (Голландия) и Помар (Испания) 5½; Лист и Файрхерст 4½; Бродбент 4; Стоун 2½; Фридман 2 (все—Англия).

II. Эйве (Голландия) 9½; Кристофель (Швейцария) 8; Денкер (США) 7; Томас, Абрагам (Англия) и Кениг (Югославия) 6½; Ньюмен (Англия) и Медина (Испания) 4½; Винтер, Вуд (Англия) и Дефос (Бельгия) 3½; Льюпи (Португалия) 2½.

ЭТЮД

Д. Петров (Воронеж).

Белые: Крf3, Лf5 (2)
Чёрные: Крh1, Ke2, п. d2 и d3 (4)

Белые начинают и делают ничью.

На первый взгляд, ничью сделать невозможно, так как неизбежно превращение чёрной пешки d2 в ферзя. Но белые ещё могут попытаться использовать неудачное положение чёрного короля и создать матовую сеть.

Итак,

1. Крf3—f2 . . .

Теперь грозит мат — у чёрных единственная, но достаточная защита.

1. . . . Ke2—g3!

Конь неуязвим ввиду угрозы d2—d1Ф! Так как сейчас чёрные грозят дать шах конём на e4 с последующим продвижением пешки d, то белым ничего другого не остаётся, как возобновить угрозу мата, защищая одновременно ладьёй поле e4.

2. Лf5—f4 Kg3—f1!!

Опять-таки единственная защита от мата. После 3. Лf4—h4+ Kf1—h2 чёрные выигрывают, но теперь белые могут сделать, казалось бы, непонятный ход:

3. Лf4—g4 . . .

после которого чёрные, разумеется, проводят пешку в ферзи!

3. . . . d2—d1Ф
4. Лg4—g1+ Крh1—h2

Итак, белые должны сдаться?

5. Лg1—h1+!! . . .

Гром среди ясного неба!

5. . . . Крh2 : h1

Пат!

Но, может быть, чёрные могли сыграть сильнее? Может быть, чёрные поспешили поставить ферзя на поле d1?

Действительно, чёрные могут сыграть тоньше на 3-м ходу, а именно:

3. . . . d2—d1 K+!

Теперь нельзя ни 4. Крf2 : f1 Kd1 — e3+, ни 4. Крf2 — f3 Kf1—h2+ 5. Крf3—e4 Kd1—f2+! с лёгким выигрышем у чёрных.

4. Крf2—e1 Kd1—e3

Как будто белые снова должны сдаться — грозит d3—d2+ — d1Ф×; если 5. Лg4—d4, то 5. . . . Ke3—c2+.

Но...

5. Лg4—g1+!! Крh1 : g1

Снова пат!

Эта красивая миниатюра принадлежит профессору Воронежского университета Д. Петрову.

Почему мы так говорим

МЕГЕРА

Фурии — богини мщения римской мифологии. Беспощадно и неотступно преследовали они свои жертвы, куда бы они ни скрывались, и не давали им покоя. Поэтому в обыденной речи фуриями стали называть сварливых, злых женщин. Фурий было три: Тизифона — убивающая мстительница, Алекто — неотступная преследовательница и Мегера — обуянная завистью. Почему-то только имя Мегеры стало у нас нарицательным для сварливой женщины. В зоологии, где часто пользуются для названия животных мифологическими образами (ехидна, аргус и т. д.), фурия — род ядовитой австралийской змеи. Музыкальный термин «фуриозо», восходящий к слову «фурия», значит «неистово».

КОЛОНИЯ

Колония — поселение в завоёванной стране или другом государстве, отсталая страна, захваченная и используемая другой страной. Слово это латинское; новое значение оно приобретало постепенно. Сначала колония (от «колере» — «возделывать землю») — деревенская земля с двором в отличие от невозделанной, городской. Потом так стали называть совокупность таких земель с населением, хотя бы они и были у самого города. К сегодняшнему смыслу слово пришло после того, как — по распоряжению властей — из Рима начали вывозить жителей на отведённые им земли, иногда в отдалённые от прежнего места жительства. В этих колониальных местностях люди жили и в городах, но они сохраняли связь и зависели от Рима.

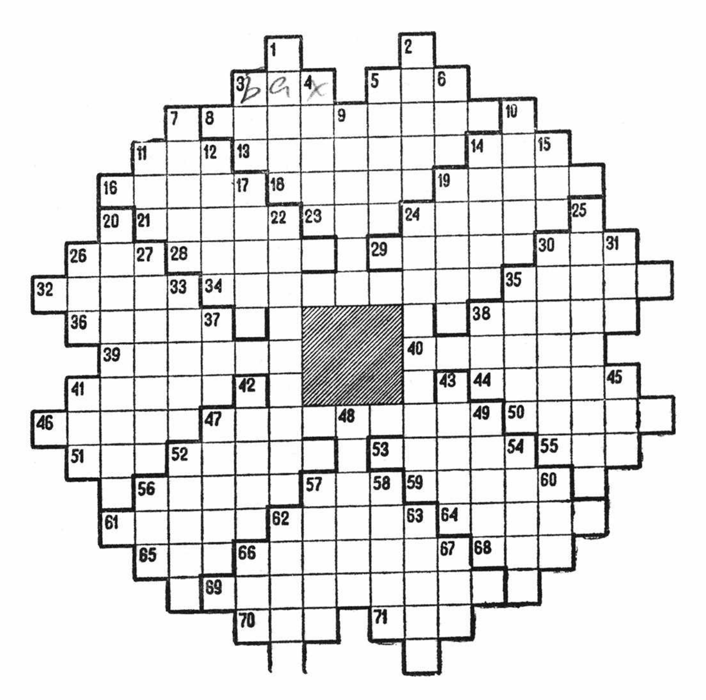
КАЛОША, САРДИНА, КИЛЬКА

Мы знаем, что вещам часто присваивают географические названия (например яблоко антоновка — по приволжскому селу Антоновка); но иногда слова так изменяются, что уже не ощущается эта «географичность». Можно ли догадаться сразу, что в слове шпингалет основа «шпин» — искажённое «Эспань» (Испания), а канифоль имеет отношение к древнему городу в Малой Азии Колофону? Фаянс назван по итальянскому городу Фаэнца; кипарис — по острову Кипр; кариатида, поддерживающая своды зданий, значит «карийская дева»; калоша (галоша) восходит к Галлии; каштан назван по Кастании; пистолет — по Пистойе; бронза — по Бриндизи. Остров Сардиния дал имя сардинам, прибалтийский город Киль — килькам. И даже в основе слова «купорос» лежит название острова Кипр.

И. Уразов

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» И. Вишневский

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Немецкий композитор. 5. Древнегреческое божество. 8. Порода кита 11. Минеральное удобрение. 13. Хищное животное. 14. Конец реи. 16. Фотоаппарат. 18. Страна света. 19. Квитанция. 21. Геометрическая фигура. 23. Домашнее животное. 24. Русский художник. 26. Наплыв на древесном стволе. 28. Резное изображение на камне. 29. Головной убор. 30. Плетёный коврик. 32. Мужское имя. 34. Русский учёный. 35. Звук, издаваемый гортанью. 36. Мера веса. 38. Растение. 39. Кочующий араб. 40. Эпоха каменного века. 41. Приспособление для забивки свай. 44. Приток Иртыша. 46. Сосуд для кипячения воды. 47. Человек, утративший способность движения. 50. Степень сокращения мышц. 51. Орудие пытки. 52. Метеор. 53. Углекалиевая соль. 55. Возбуждённое состояние. 56. Музыкальный инструмент 57. Млекопитающее. 59. Драгоценный камень. 61. Польский композитор. 62. Рыба. 64. Алгебраический термин. 65. Измеритель скорости судна. 66. Карлик. 68. Часть сочинения. 69. Интриган. 70. Название месяца. 71. Промышленный район Западной Европы.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Ковёр. 2. Болезнь. 3. Сторона предмета. 4. Зверёк. 5. Конверт. 6. Река в Африке. 7. Сигнал. 9. Житель Савойи. 10. Болезнь. 11. Место молотьбы. 12. Верёвка. 14. Река в Польше. 15. Немецкий бактериолог. 17. Идол. 19. Река на Кавказе. 20. Оплата за труд. 22. Групповое занятие. 24. Усилитель звука. 25. Старинное название дворца. 26. Английский мореплаватель. 27. Птица. 30. Военное судно. 31. Интонация. 33. Дарственный земельный участок в России. 35. Минерал. 37. Дикий бык. 38. Военное обозначение отравляющих веществ. 41. Корабельный повар. 42. Гостиная. 43. Асфальт. 45. Член семьи. 47. Отросток дерева. 48. Химическое вещество. 49. Итальянский мореплаватель XV века. 52. Государство в Индии. 54. Кабак. 56. Спортивный термин. 57. Химический элемент. 58. Животное. 60. Город на Аляске. 62. Атлет. 63. Город в СССР. 66. Инструмент. 67. Пустыня в Индии.

ОТВЕТЫ

на кроссворд, помещённый в № 5.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Юла. 2. Ядро. 3. Каир. 4. Бор. 6. Землероб. 7. Пчеловод. 9. Кама. 10. Буратино. 11. Аида. 15. Бокал. 17. Враги. 20. Опись. 21. Балда. 23. Капица. 24. Игла. 26. Морг. 27. Атаман. 29. Медь. 30. Сакс. 32. Нота. 34. Мята. 36. Триптих. 39. Ривьера. 41. Плата. 43. Киоск. 45. Аккордеон. 47. Сода. 49. Вист. 52. Мыза. 53. Опал. 55. Алдан. 56. Мольер. 58. Ржанка. 59. Вилла. 62. Дубовской. 63. Насос. 64. Штамп. 65. Яблочкина. 71. Брелок. 73. Ланцет. 75. Изюбр. 76. Оклад.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Гладиатор. 8. Фет. 9. Кобра. 12. Очи. 13. Фа. 14. Ил. 15. Балл. 16. Улов. 18. Анапа. 19. Скерцо. 21. Бивуак. 22. Палитра. 23. Колибри. 25. Людмила. 28. Самосуд. 31. Лань. 33. Амур. 35. Иота. 37. Док. 38. Грум. 40. Степь. 42. Скетч. 44. Аким. 46. Овин. 48. Лаокоон. 50. Затвор. 51. Сирена. 52. Марокко. 54. Шахматы. 57. Потрава. 60. Ода. 61. Ладан. 64. Шляпа. 66. Дань. 67. Апорт. 68. Ноль. 69. Бас. 70. Аул. 71. Брно. 72. Овал. 74. Сироп. 77. Вереск. 78. Оксана. 79. Кюхля. 80. Крейсер. 81. Деканат.

Ответственный редактор — А. СУРКОВ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А—02005. 5½ печ. л. Подписано к печати 23/II—46 г. Изд. № 141. Тираж 150.500. Заказ 326.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ
ПРОИЗВОДЯТ
ПРОДАЖУ и ПОКУПКУ
ОБЛИГАЦИЙ
Государственного Внутреннего
ВЫИГРЫШНОГО
займа 1938 года
ЕЖЕГОДНО
по займу проводится
ШЕСТЬ ТИРАЖЕЙ
ВЫИГРЫШЕЙ
В каждом тираже разыгрывается:
12 выигрышей по 25.000 руб.
60 выигрышей по 10.000 руб.
360 выигрышей по 5.000 руб.
3.600 выигрышей по 1.000 руб.
13.008 выигрышей по 400 руб.
ВСЕГО 17.040 выигрышей
НА СУММУ 11.503.200 руб.
Приобретайте ОБЛИГАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА 1938 года!
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС И ГОСКРЕДИТА

Цена 3 руб.

